

Эдгар Уоллес
Тайна булавки. Шутник
Киев: Свенас, 1991

Содержание:

- Эдгар Уоллес. Тайна булавки (роман)
- Эдгар Уоллес. Шутник (роман)

Эдгар Уоллес

Тайна булавки

Роман

Edgar Wallace. "Clue of the New Pin", 1923
Пер. с англ. — изд-во «Граматы драугс», Рига, 1929
Издательство СП «Свенас», Киев, 1991
OCR и редакция Dauphin, май 2004

Глава 1

Ресторан И Линга был расположен между пустынным кварталом Рид-стрит и ярко освещенным театральным кварталом.

Пустынный квартал, в котором находились бесчисленные модные мастерские и зубоврачебные кабинеты с именами владельцев у дверей, переходил постепенно в людную Беннет-стрит, на которой было шумно и днем и ночью.

Днем улица была местом детских игр и оглашалась пронзительными детскими криками. Отцы и матери малышей, сидя у дверей, выражали так же шумно свои одобрения и порицания.

Сначала ресторан И Линга находился в конце улицы; он славился своими китайскими блюдами.

Постепенно ресторан продвигался все ближе и ближе к главной улице, так как основатель его приобретал все новые и новые дома.

Наконец ресторан очутился на главной улице, владелец пригласил повара-француза и целый штат лакеев-итальянцев под начальством важного метрдотеля сеньора Мачидуино.

Вывеска из золоченых букв гласила: «Золотая крыша». Золоченый лифт поднимал посетителей на первый и второй этажи, где были расположены отдельные залы для обедов и ужинов.

Один из таких залов никогда не сдавался для частных обедов, как бы важны ни были клиенты. Это был зал № 6, расположенный в самом конце коридора, около двери для слуг. Из него через бесчисленные коридоры можно было попасть в старый дом на Рид-стрит, сохранившийся в его прежнем виде. Сюда приходила публика за китайскими блюдами, которые подавались бесшумно передвигающимися лакеями-китайцами из Ханькоу — родины И Линга.

Посетители старого ресторана были искренне огорчены счастьем, улыбнувшись И Лингу, и с нескрываемыми насмешками относились к его элегантно одетой клиентуре. Эта богатая публика поглощала дорогостоящие блюда и в известные часы танцевала под звуки знаменитого дорогого оркестра, приглашенного И Лингом.

Сам И Линг посещал новую часть ресторана лишь раз в год, в день китайского Нового года. Он надевал в этот день фрак с белым жилетом и белым галстуком.

Остальное время он проводил в маленькой гостиной, расположенной на полпути между старым и новым ресторанами, стены которой были увешаны картинками, вырезанными хозяином из иллюстрированных журналов.

Здесь он просиживал неподвижно целые часы, одетый в просторный шелковый халат, и выкуривал бесчисленное количество трубок.

Каждый вечер, кроме воскресений, ровно в половине восьмого, он спускался к двери, выходящей на улицу. Это была дверь одного из домов, соединявших оба ресторана. Здесь он некоторое время ждал, положив руку на ручку двери.

Иногда первым приходил старик, иногда — молодая женщина. Тот, кто приходил первым, молча поднимался в зал № 6.

После их прихода Линг снова удалялся в свою гостиную и писал бесконечно длинные письма своему сыну в Ханькоу. Сын И Линга был поэтом и ученым и пользовался у себя на родине всеобщим уважением.

Часто И Линг предавался мечтам о своей новой постройке в Шенфорде.

Он никогда не присутствовал при отъезде этих двух своих посетителей. Они сами спускались к двери, и вскоре после восьми часов вечера зал бывал пуст.

К их приходу кушанья уже стояли на маленьком буфете, и никто из лакеев никогда не допускался в этот зал. А так как дверь зала находилась за портьерой, скрывавшей часть коридора, никто, кроме самого И Линга, не знал посетителей.

В первый понедельник каждого месяца И Линг поднимался в зал № 6 и низко кланялся сидевшему в нем старику. Старик всегда бывал один в эти дни.

В один из таких понедельников И Линг вошел в комнату. Он держал в руке больших размеров лакированную коробку с деньгами, а подмышкой у него была объемистая счетная книга.

Он почтительно поклонился старику и остался стоять, ожидая дальнейших приказаний.

— Садитесь, — сказал ему Джесс Трэнсмир. — Что вы скажете?

— За эту неделю выручка значительно упала, — ответил И Линг, почтительно присаживаясь на кончик стула и держа руки в широких рукавах своего халата. — Благодаря хорошей погоде многие из клиентов выехали за город.

Он вынул руки из рукавов халата, открыл крышку лакированной коробки и вытащил из нее четыре пачки кредитных билетов. Разделив их на две части, три пачки положил перед стариком, а одну перед собой.

Старик взял со стола лежавшие перед ним пачки, засунул их в карман и что-то проворчал про себя.

— Прошлой ночью к нам нагрянули сыщики, — продолжал И Линг. — Они потребовали, чтобы их проводили в подвалы: полиция всегда убеждена, что в каждом китайском ресторане непременно должна быть курильня опиума...

— Гм... — проворчал старик. — Вот как...

Старик спрятал деньги в небольшой чемодан, стоявший на полу у его ног, и спросил китайца:

— Помните ли вы того человека, который работал для меня в Фичене...

— Пьяницу? — быстро спросил китаец.

— Да, именно, — подтвердил старик. — Он приезжает сюда.

Старику на вид можно было дать более шестидесяти лет. На нем был старый потертый фрак, воротничок его крахмальной рубашки был потерт на сгибах, а старомодный галстук, небрежно завязанный бантом, уже потерял всякую упругость и ослиными ушами свисал книзу.

Лицо его было изборождено мелкими морщинами, но глаза не утратили былой голубизны и острого, пронизательного взгляда.

— Да, он приезжает сюда, — задумчиво проговорил старик, вынимая из жилетного кармана зубочистку. — Вероятно, он будет здесь уже скоро: Уэллингтон Броун привык путешествовать... И Линг, приезд этого человека тревожит меня... Должен вам сознаться, что я был бы рад, если бы он уже покоился вечным сном...

И Линг покачал головой.

— Убить его здесь невозможно, — возразил он. — Ведь ваше превосходительство сами знаете, что руки мои чисты...

— Не говорите чепухи! — сердито прервал его старик. — Разве я убиваю или велю убивать людей? Даже на Амуре, где жизнь ценится дешево, я не убил, не убил, И Линг, а только предал пытке человека, который украл мое золото, но вы должны знать тайные места...

— Я знаю сотни и сотни таких мест, — поспешил согласиться И Линг.

Он проводил своего хозяина до дверей, а затем быстрыми шагами вернулся к себе в гостиную и вызвал слугу-китайца.

— Пойди сейчас же вслед за этим стариком, — приказал он ему, — и посмотри, чтобы с ним ничего не случилось...

По несколько тревожному тону, которым были сказаны эти слова, можно было бы заключить, что это приказание было отдано китайцем впервые. Однако оно повторялось в тех же словах уже в течение шести лет.

Сам И Линг никогда не следовал за стариком: у него были другие обязанности, которые занимали его иногда до раннего утра.

Глава 2

Трэнсмир шел быстрым шагом и старался держаться более людных улиц. Ровно в четверть девятого он завернул на широкую Пик-авеню, на которой был его дом.

Человек, поджидавший его уже в течение получаса, быстро перешел через улицу и приблизился к нему.

— Простите меня, господин Трэнсмир, — промолвил он.

Трэнсмир остановился и с некоторой тревогой посмотрел на человека, прервавшего его размышления.

Незнакомец был молод, на голову выше Трэнсмира, элегантно одет и добродушен на вид.

— В чем дело? — промолвил старик.

— Разве вы не помните меня? — спросил молодой человек. — Меня зовут Холланд... Я журналист. Около года назад я был у вас в связи с недоразумением, возникшим у вас с муниципалитетом...

Лицо старика тотчас же прояснилось.

— Как же, отлично помню! — воскликнул он. — После этого интервью в вашей газете появилась статья, приписывавшая мне мысли, которых я и не думал высказывать...

Молодой человек добродушно улыбнулся.

— Что же вы хотите? — промолвил он. — Таково ремесло журналиста! Каждая статья должна быть занимательна.

— А что вам теперь от меня нужно? — несколько нетерпеливым тоном прервал его старик.

— Наш корреспондент в Пекине прислал нам воззвание главы повстанцев — генерала Уинга Су или Синга Ву... Я вообще плохо запоминаю китайские имена... — ответил молодой человек.

Он вынул из кармана лист желтоватой бумаги, испещренный странными знаками.

— Мы не смогли повидать ни одного из обычных наших переводчиков, — пояснил молодой человек. — И, зная, что вы в совершенстве владеете китайским языком, надеемся на вашу любезность...

Джесс Трэнсмир неохотно взял в руки лист бумаги, протянутый ему молодым человеком, зажал чемодан между коленями и надел очки.

— Уинг Суши милостью Неба и предков обращается ко всем жителям Центральной империи... — начал он переводить.

Тэб Холланд взял карандаш и записную книжку и стал поспешно записывать слова.

— Очень вам благодарен, сэр, — учтиво сказал он, когда перевод был окончен. — Ваше знание китайского языка поистине замечательно!

— Я родился на берегах Амура, — проговорил старик. — Когда мне было шесть лет, я уже говорил на шести диалектах. Это все, что вам было нужно от меня? — спросил он.

— Да. Очень вам благодарен, — ответил молодой человек, приподнимая шляпу.

Глядя вслед удалявшемуся старику, журналист размышлял о том, что таинственный дядя его приятеля Рекса Лендера совсем не был похож на миллионера. И тут же подумал, что вообще богатые люди редко кажутся на вид таковыми.

Придя в редакцию, он тотчас же переписал перевод воззвания китайского генерала и занялся другими делами.

К нему подошел ночной редактор.

— Простите меня, Тэб, — сказал он, — у нас нет никого, кто мог бы поехать сейчас в театр и проинтервьюировать мисс Эрдферн. Не могли бы вы взять эту работу на себя?

Тэб сердито проворчал про себя какое-то ругательство, но покорно отправился в театр.

Горничная, прислуживавшая артистке, заявила ему, что мисс Эрдферн очень устала и просит его приехать на следующий день.

— Я также утомлен, — усталым голосом произнес Тэб. — Передайте, пожалуйста, мисс Эрдферн, что я приехал сюда, в эту даль, в одиннадцать часов вечера не для того, чтобы просить у нее автограф или фотографию. Я — представитель печати.

Горничная окинула его подозрительным взглядом и, нерешительно приоткрыв дверь в соседнюю комнату, тихим голосом доложила кому-то, находившемуся там, о заявлении Тэба.

В приоткрытую дверь Тэб мог разглядеть кретоновые занавеси на окнах. Он устало зевнул и потянулся.

— Войдите, — пригласила его наконец горничная.

Тэб очутился в небольшой комнате, уборной артистки, ярко освещенной многочисленными электрическими лампочками.

Мисс Эрдферн уже была готова к отъезду из театра. Лишь жакет ее строгого костюма еще висел на спинке стула, а на другом лежала шелковая накидка.

В руках артистка держала брошь, которую готовилась положить в открытую коробку с драгоценностями. Тэб почему-то обратил внимание на эту брошь, в центре которой сиял великолепный сердцевидный рубин.

Он видел, как артистка приколола брошь к тонкому атласу крышки и закрыла коробку.

— Простите меня, мисс Эрдферн, что я беспокою вас в такой поздний час, — сказал молодой человек. — Вероятно, вы всей душой ненавидите назойливых журналистов. Однако прошу вас сжалиться над человеком, который целый день просидел на судебном процессе и буквально валится с ног от усталости...

Тэб действительно, войдя, заметил выражение неудовольствия и скуки на хорошеньком лице артистки.

— Чем же я могу быть вам полезна, господин... — начала она.

— Господин Холланд из «Мегафона», — быстро произнес молодой человек. — Наш театральный репортер болен, а мы получили сегодня вечером сведения из двух источников, что вы собираетесь выйти замуж...

— И вы пришли проверить этот слух?! — воскликнула она. — Как любезно с вашей стороны... Нет, я не собираюсь выходить замуж и вообще не думаю, чтобы я когда бы то ни было вышла замуж... Об этом, впрочем, писать в газете не следует: ваши читатели могут подумать, что мне просто хочется порисоваться... А кто же счастливец, который должен на мне жениться?

— Я пришел именно для того, чтобы спросить у вас об этом, — невольно улыбнувшись, заметил молодой человек.

— В таком случае я положительно в отчаянии! — воскликнула артистка, и на губах ее появилась веселая улыбка. — Только прошу вас не печатать в вашей газете всякой чепухи вроде того, что я не выхожу замуж, так как «всецело посвятила себя искусству», или что я «с детства влюблена в бедного мальчика, с которым надеюсь когда-нибудь тайно обвенчаться...». Я действительно не знаю никого, с кем хотела бы соединить свою жизнь. И даже если бы знала такого человека, то, наверное, все равно не вышла бы за него замуж... Это все?

— Почти все, мисс Эрдферн, — ответил Тэб. — Поверьте, что мне очень жаль, что я побеспокоил вас. Всякий журналист обычно начинает и кончает извинениями. Разумеется, и я не исключение. Но на этот раз я искренне прошу у вас прощения...

— А кто вам сообщил о моем замужестве? — спросила она, вставая.

Тэб невольно поморщился и нехотя произнес:

— Это рассказал мне... один из моих друзей... Единственная новость, которую он мне за всю свою жизнь сообщил, оказалась неверной... Спокойной ночи, мисс Эрдферн!

Она подала ему руку. Тэб так крепко пожал ее, что артистка вскрикнула.

— Простите меня! — промолвил он уже совершенно смущенно.

— Да! Энергичное пожатие! — улыбаясь и потирая руку, заметила мисс Эрдферн. — Вероятно, вам редко приходится здороваться за руку с хрупкими женщинами... Между прочим, вы сказали мне, что ваша фамилия — Холланд. Вы не Тэб Холланд?

Молодой человек густо покраснел.

— Значит, вас зовут Тэб? — повторила артистка, и в глазах ее забегали веселые огоньки.

— Это кличка, которую мне дали на службе, — все с тем же смущением ответил журналист.

Тэб редко бывал в театре и совершенно незнаком был с артистическим миром. Мисс Эрдферн была второй артисткой, которую ему пришлось встретить за его двадцатишестилетнюю жизнь.

Молодой человек, считавший до сих пор артистов какими-то особенными существами, с удивлением заметил, что его собеседница ничем не отличается от обычной светской женщины его круга.

Он успел также отметить, что она была удивительно привлекательна. Это, впрочем, несколько не поразило его, ибо он привык считать, что артистка должна быть непременно красавицей. Про мисс Эрдферн он много слышал от своего товарища Рекса Лендера, считавшего ее одной из самых обаятельных женщин в мире.

Тэбу понравилось ее изящество, непринужденность в обращении, отсутствие всякой рисовки, которой можно было бы ожидать от такой знаменитой артистки, как мисс Эрдферн.

Молодой человек охотно остался бы в ее обществе дольше, но мисс Эрдферн сказала:

— Спокойной ночи, господин Холланд!

Тэб снова пожал ей руку, на этот раз более осторожно, чему артистка тотчас же весело рассмеялась.

Тэб скользнул взглядом по ящичку с драгоценностями, стоящему на туалетном столике.

— Быть может, вам хотелось бы, чтобы в «Мегафоне» появилась заметка о том, что вы обладаете лучшими драгоценностями, которые когда-либо сияли в свете рампы? — спросил он и сразу же понял, насколько неуместен был его вопрос, отчего почувствовал себя еще более неловко.

Достаточно было взглянуть на молодую женщину, чтобы понять, какое впечатление произвело на нее его легкомысленное предложение.

Мисс Эрдферн устало улыбнулась. Впрочем, улыбка тотчас же исчезла с ее лица, и в глазах мелькнула тревога. Она быстро ответила:

— Нет... Не думаю, чтобы мои драгоценности могли интересовать кого бы то ни было. Я надеваю их на сцену. У меня такая роль в пьесе... А теперь — спокойной ночи.

Молодая женщина проводила журналиста до двери и некоторое время стояла посреди комнаты в глубокой задумчивости.

В уборную вошла горничная и участливо заметила:

— Как бы я хотела, мисс, чтобы вы не ехали через весь город с этой коробкой с драгоценностями... Господин Стэрк, театральный казначей, предлагает вам оставить их в театральном сейфе; при театре дежурит ночной сторож.

— Господин Стэрк уже говорил мне об этом, — спокойно ответила артистка. — Однако я предпочитаю взять их с собой. Помогите мне надеть накидку.

Через несколько минут мисс Эрдферн вышла из театра. У дверей ее ожидал маленький закрытый автомобиль.

Молодая женщина прошла мимо толпы любопытных, собравшихся у театрального подъезда, села за руль, положила ящичек с драгоценностями на пол у ног и включила скорость.

Тэб видел, как она отъехала от театра, и долго смотрел вслед удалявшемуся автомобилю.

Если бы еще накануне кто-нибудь сказал ему, что он будет стоять у театрального подъезда в ожидании выхода знаменитой артистки, он несомненно счел бы это за личное оскорбление. Однако он действительно стоял и ожидал ее выхода, и сам был настолько этим смущен, что старался все время держаться на плохо освещенной стороне улицы.

— Так... так... — проговорил он про себя с глубоким вздохом. — Век живи — век учись...

Позвонив в редакцию, он немедленно направился домой.

В гостиной его встретил молодой человек, по виду года на два моложе его.

— Так в чем там дело? — с некоторой тревогой спросил он журналиста.

Тэб, не отвечая, подошел к столику, на котором стояла коробка с табаком, и с невозмутимым видом набил трубку,

— Значит, это правда? — все так же с тревогой в голосе спросил Рекс Лендер. — Не мучьте же меня...

— Рекс, вы распространяете ложные слухи и напрасно сеете панику в театральных кругах, — спокойно сказал Тэб.

Рекс удобно расположился в кресле. Тревожное выражение мгновенно исчезло с его лица.

— Значит, она не выходит замуж? — спросил он.

— Вы заблуждаетесь, вернее — вас надули, — ответил Тэб. — Кстати, кто вам об этом сказал?

Рекс призадумался, стараясь вспомнить, кто ему сказал о предстоящем браке мисс Эрдферн.

— Не знаю, кто именно... — пожал он плечами.

Во внешности Рекса Лендера было много мальчишеской. Он был круглолиц и румян, и прозвище «Бэби», данное ему товарищами, очень шло к нему.

Рекс подружился с Тэбом еще в школе. Когда он приехал в город по вызову дяди — Джесса Трэнсмара, Тэб радостно встретил его и предложил поселиться в своей маленькой квартире.

— Она понравилась вам? — после некоторого раздумья спросил Рекс.

Тэб ответил не сразу.

— Она несомненно очень хороша собой, — сказал он наконец. В другой раз он не преминул бы пошутить над чрезмерным интересом своего друга к молодой женщине. Теперь же, сам не зная почему, отнесся к его вопросу серьезно.

Мисс Эрдферн пользовалась в городе вполне заслуженной славой. Она сама выбирала и ставила театральные пьесы. В продолжение четырех сезонов успех ее прочно укрепился.

— Она... решительно очаровательна, — продолжал Тэб. — Я чувствовал себя очень неловко. Интервью с артистками не моя специальность... От кого это письмо? — спросил он вдруг, увидев перед Рексом распечатанное письмо.

— От дяди Джесса, — не отрывая глаз от книги, ответил Рекс. — Я просил его одолжить мне пятьдесят фунтов...

— И что же он ответил? — быстро спросил Тэб.

— Прочтите сами, — с усмешкой сказал молодой человек.

Тэб взял со стола толстый лист почтовой бумаги, исписанный неуверенным детским почерком.

Дорогой Рекс!

Твоя трехмесячная получка будет уплачена тебе, как в всегда, двадцать первого числа. Мне очень жаль, что приходится отказывать тебе в твоей просьбе. Ты должен жить экономнее, должен помнить, что, когда ты унаследуешь мое состояние, то сам будешь благодарен мне за те практические советы, которые я тебе давал. Только научившись бережливости, ты сумеешь достойно распорядиться деньгами, которые окажутся в твоих руках.

— Какой скряга! — сочувственно промолвил Тэб, возвращая письмо своему другу. — Кто-то говорил мне, что у него больше миллиона. Где же он нажил такие деньги?

Рекс покачал головой.

— Вероятно, в Китае, — задумчиво ответил он. — Ведь дядя родился там и в молодости был просто мелким торговцем. Затем купил землю, на которой были обнаружены золотые прииски... Быть может, я и не прав, — прибавил молодой человек после некоторого раздумья. — Он всегда давал мне дружеские советы, и, возможно, было бы лучше, если бы я больше слушался его...

— Вы часто с ним видитеесь? — спросил Тэб.

— В прошлом году я провел у него неделю, — ответил Рекс с невольной гримасой брезгливости. — Все же я многим и многим ему обязан. Если бы я не был так ленив, не любил бы так всякие дорогие вещи, я мог бы жить прилично на то, что он мне дает...

Тэб некоторое время молча курил.

— Про Джесса Трэнсмира ходят странные слухи, — сказал он после некоторого раздумья. — Один из моих друзей рассказывал мне, например, что он невероятный скряга, даже все свои деньги он хранит у себя дома, чтобы только не расставаться с ними. Впрочем, я уверен, что все это сплетни...

— Я только знаю, что у него нет счета в банке, — подтвердил сказанное журналистом Рекс, — и что он держит очень большую сумму денег в Майфилде. Дом его похож на тюрьму, а подвал представляет настоящий сейф, в котором он и хранит свои сокровища. Я сам никогда не был в этом подвале, но видел, как дядя спускался в него...

Молодой человек улыбнулся и продолжал:

— Впрочем, вы совершенно правы, Тэб. Нельзя сказать, чтобы мой дядя был очень щедр. Несколько месяцев назад ему стало известно, что сторож из Майфилда и жена его отдают остающиеся объедки каким-то бедным родственникам, и он тотчас же со скандалом выгнал их... Когда я гостил у него в прошлом году, он запирали на ключ все комнаты, за исключением спальни и столовой, которая служит ему также и рабочим кабинетом.

— У него много слуг? — спросил Тэб.

— Лакей Вальтерс и две приходящие женщины: кухарка и уборщица. Для первой он построил совершенно отдельную от дома кухню.

— Вероятно, вам не очень весело было у него? — с улыбкой спросил Тэб.

— Еще бы... Должен заметить, что кухарка меняется там каждый месяц, — ответил Рекс. — Последний раз, когда я встретил Вальтерса, он сказал мне, что они наконец нашли замечательную кухарку...

После этого сообщения последовало довольно продолжительное молчание.

Тэб молча курил, пока не выкурил всю трубку. Он стряхнул пепел в камин и задумчиво произнес:

— Она, несомненно, очень, очень хороша...

Рекс окинул журналиста подозрительным взглядом: его друг, конечно же, думал не о кухарке.

Глава 3

Джесс Трэнсмир сидел за длинным столом, только на конце накрытом скатертью, и с наслаждением ел тощую котлету.

Обстановка столовой отнюдь не свидетельствовала ни о громадном богатстве хозяина, ни о художественных вкусах его, ни даже о былом пребывании в Китае. Картин на стенах не было вовсе. Сильно потертая от времени мебель лишена была какого бы то ни было стиля. Трэнсмир купил ее по случаю и любил хвастать дешевизной своей обстановки.

Книг в комнате также не было: хозяин не любил чтения, даже почти никогда не просматривал газет.

Несмотря на то, что был уже час дня, Трэнсмир сидел в халате, накинутом поверх пижамы. Он всегда ложился на рассвете, а вставал после полудня.

Ровно в половине седьмого его лакей Вальтерс помогал ему надеть пальто: легкий плащ или тяжелую меховую шубу — в зависимости от времени года, — и Трэнсмир отправлялся на обычную прогулку или деловые свидания.

Перед уходом он тщательно запирает все двери и требовал, чтобы лакей отправился в свою комнату.

Любопытный Вальтерс часто смотрел из окна, как хозяин медленно удалялся, неся в одной руке сложенный зонт, а в другой — потертый черный чемодан.

Ровно в половине девятого старик возвращался. Каждый день он обедал вне дома. Вальтерс приносил ему чашку черного кофе и в десять часов удалялся в свою комнату, отделенную от главного здания тяжелой дверью, неизменно запиравшейся стариком каждую ночь на ключ.

В начале своей службы Вальтерс пробовал протестовать против такого порядка.

— Предположите, сэр, что в доме случится пожар, — говорил он своему хозяину.

— Вы можете пробраться через окно вашей ванной в кухню, а оттуда каждый нормальный и здоровый человек может выпрыгнуть из окна на улицу, — возражал на это старик. — Если вам не нравится у меня, можете уйти. Если же вы желаете остаться, извольте подчиняться моим требованиям.

Таким образом, изо дня в день Вальтерс должен был удаляться в свою комнату, а старик шлепал за ним в ночных туфлях и с ворчанием запирает дверь на многочисленные засовы.

Такой порядок вещей был нарушен лишь в ту ночь, когда старик заболел и не в состоянии был дойти до двери. После этого он повесил запасной ключ в стеклянной коробке, похожей на те стеклянные ящики, в которые помещаются устройства сигналов тревоги в железнодорожных вагонах.

В случае болезни старика или другого какого-нибудь непредвиденного несчастья Вальтерс должен был, услышав звонок, висевший над его кроватью, разбить стекло и взять ключ. Однако надобности такой не было еще ни разу.

Каждое утро Вальтерс находил дверь отпертой. Он недоумевал, в котором часу старик отпирал ее, и мог только догадываться, что Трэнсмир отпирал дверь перед тем, как лечь спать, то есть под утро.

Вальтерсу запрещалось выходить по вечерам из дому. Дважды в неделю ему разрешалось отсутствовать в течение двадцати четырех часов, но ровно в десять он должен был быть дома.

— Если вы опоздаете хотя бы на минуту, то можете вовсе не возвращаться, — говорил строгий старик.

В качестве лакея Джесса Трэнсмира Вальтерс имел, несомненно, возможность узнать про своего хозяина гораздо больше того, что тот желал бы.

В особенности же Вальтерса интересовал подвал дома. Однажды он разговорился с рабочим, принимавшим участие в постройке дома, и узнал, что в подвале была комната со стенами из бетона.

Во время отсутствия хозяина Вальтерс старательно подбирал ключи, чтобы открыть таинственную дверь, ведущую в подвал, но все его усилия были напрасны.

По-видимому, от этой двери существовал только один ключ, который старик всегда носил на цепочке на шее.

Так продолжалось до того утра, когда Вальтерс нашел своего хозяина почти в бессознательном состоянии. Такие припадки бывали у старика довольно часто. Наблюдательный Вальтерс обратил внимание на кусок мыла, лежавший на туалетном столе...

Джесс Трэнсмир продолжал спокойно есть котлету и лишь спросил, на минуту подняв глаза от тарелки:

— Никто не заходил сегодня утром?

— Нет, сэр.

— А письма были?

— Было несколько писем, которые я положил на ваш стол, сэр,

Трэнсмир что-то проворчал про себя и спросил:

— Вы поместили в газетах извещение о том, что я уезжаю из города на два или три дня?

— Да, сэр, — ответил Вальтерс.

Джесс Трэнсмир снова что-то проворчал.

— Из Китая должен приехать один человек, которого я не хочу видеть, — пояснил он.

Старик бывал иногда откровенен со своим слугой, но Вальтерс, отлично знавший хозяина, не задавал никаких вопросов.

— Нет, я не хочу его видеть, — повторил старик, и на лице его появилось выражение гадливости. — Лет двадцать или тридцать назад этот человек участвовал вместе со мной во многих делах, — продолжал он, вынимая зубочистку. — Он пьяница и картежник и много о себе воображает, хотя совершенно неизвестно почему... Вот какой это человек.

Старик перевел глаза на камин, выложенный красным кирпичом, и некоторое время сидел в глубоком раздумья.

— Если этот человек придет сюда, не впускайте его, — промолвил он наконец. — И скажите, что вы ничего ни про кого не знаете... Почему он приезжает сюда — это вас совершенно не касается. Он не воспользовался счастьем, когда оно ему улыбалось, и должен теперь пенять исключительно на себя... Он мог бы быть богачом, но продал все свои акции... Пьянство сгубило его...

Вдруг старик как бы вспомнил о присутствии слуги и закричал:

— Почему вы слушаете?!

— Простите, сэр, я... — начал Вальтерс.

— Вон отсюда! — завопил старик.

После ухода слуги Трэнсмир сидел неподвижно около получаса, погруженный в глубокую задумчивость.

Затем он встал, подошел к маленькому бюро и, открыв его, вынул небольшую фарфоровую чернильницу, наполовину наполненную индийскими чернилами, и лист толстой почтовой бумаги.

Усевшись удобно за столом, он стал писать по-китайски, начав в правом верхнем углу и спускаясь вниз, пока вся страница не была испещрена таинственными знаками.

Тогда он вынул из жилетного кармана крошечную печать и приложил ее в углу страницы. Этой печати Трэнсмира было достаточно для оплаты в Китае чека на фантастические суммы. Имя его известно было всем от Шанхая до Фичена.

После этого старик сложил письмо и, встав со стула, подошел к камину.

Вальтерс, все время наблюдавший за своим хозяином через стекло, помещавшееся поверх двери, в это мгновение потерял его из виду: его глаз мог объять приблизительно лишь треть комнаты.

Когда же старик снова очутился в поле его зрения, бумаги уже не было в его руках.

Трэнсмир позвонил, и лакей тотчас же вошел в комнату.

— Помните, что меня ни для кого нет дома, — строго повторил он.

— Да, сэр, — ответил Вальтерс.

Днем пришел ожидаемый стариком посетитель.

Если бы Трэнсмир читал газеты, он знал бы, что пароход, шедший из Китая, прибыл на тридцать шесть часов раньше назначенного времени.

Вальтерс не сразу вышел на звонок, так как был занят в своей комнате. Когда же он открыл дверь, то увидел на пороге загорелого человека в потрепанном платье, грязном белье и пыльных сапогах.

Незнакомец не снял шляпы и продолжал стоять, заложив руки в карманы брюк. Он был явно пьян.

— Милый мой, почему же вы заставляете меня так долго ждать на пороге дома моего друга Джесса Трэнсмита? — развязным тоном спросил он.

— Господина Трэнсмита... нет дома... сэр, — неуверенным и испуганным голосом проговорил Вальтерс. — Я передам ему, что вы заходили. Как прикажете доложить о вас, сэр?

— Уэллингтон Броун, друг мой, — все тем же развязным тоном продолжал посетитель. — Я войду в дом и подожду.

Но Вальтерс заслонил собою дверь.

— Господин Трэнсмир строго запрещает мне впускать кого бы то ни было, когда его нет дома, сэр, — сказал он.

Броун густо покраснел. На лице его мелькнуло злое выражение.

— Он приказал, чтобы меня не принимали?... — завопил незнакомец. — Меня?! Уэллингтона Бруна, которому он обязан всем своим богатством?... Старый вор! Он знал, что я приеду!

— Вы приехали из Китая, сэр? — спросил растерявшийся Вальтерс.

— Да, я приехал из Китая, чтобы свести счеты с вашим хозяином! — продолжал вопить рассвирепевший Броун.

— Но господин Трэнсмир уехал на две недели и строго приказал никого не принимать, — упрямо повторил Вальтерс.

— Это мы увидим! — воскликнул незнакомец и двинулся на слугу.

Борьба продолжалась недолго: Вальтерс был атлетического сложения, Броуну же можно было дать на вид уже около шестидесяти лет.

Через минуту Броун был отброшен к каменной стене и непременно упал бы, если бы сильная рука Вальтерса не поддержала его.

Незнакомец глубоко вздохнул и проворчал:

— Я вам это припомню!

— Я не хотел причинить вам боль, — сказал Вальтерс в свое оправдание.

Незнакомец окинул его гордым взглядом и заявил:

— Я намерен свести счеты с вашим хозяином! Он мне заплатит за все...

И он гордо удалился нетвердой походкой пьяницы, оставив Вальтерса в полнейшем недоумении.

Глава 4

В тот же вечер, около девяти часов, в передней квартиры Тэба зазвонил звонок.

— Кто бы это мог быть? — проворчал Тэб.

Он сидел без пиджака и строчил статью о дороговизне жизни. Весь стол был усеян листками его рукописи.

Рекс Лендер вышел из своей спальни.

— Вероятно, это приехал рассыльный за рукописью, — заметил он. — Я оставил для него открытой нижнюю дверь.

Тэб покачал головой.

— Редакция присылает за рукописью всегда в одиннадцать, — проговорил он. — Посмотрите, кто там?

Лендер что-то проворчал про себя. Он всегда был недоволен, когда нужно было сделать хотя бы самое незначительное физическое усилие.

Тем не менее он открыл дверь, и тотчас же раздался громкий незнакомый голос. Тэб вышел в переднюю и увидел на площадке пожилого бородатого человека.

— В чем дело? — спросил он.

— А вот в чем... — слегка заплетающимся языком заявил незнакомец. — Человек, в особенности же джентльмен, не может быть безнаказанно ограблен и избит...

— Войдите, пожалуйста, — учтиво пригласил его Тэб, и Уэллингтон Броун, спотыкаясь на каждом шагу, вошел в маленькую гостиную.

— Который из вас господин Рекс Лендер? — спросил он.

— Я... — в недоумении ответил Рекс.

— Я Уэллингтон Броун из Чейфу... — гордо представился незнакомец. — Я живу на ежемесячное пособие человека, бессовестно ограбившего меня... Да, у меня есть что рассказать вам про Трэнсмира!

— Про Трэнсмира?.. Моего дядю? — все более и более недоумевая, спросил Рекс.

Броун молча кивнул головой.

— Да, — ответил он. — Я многое могу вам рассказать про него. Ведь я был его секретарем и бухгалтером. Я все знаю...

— Почему же вы пришли сюда? — сухо спросил Рекс.

— Потому что вы — его племянник! — воскликнул Броун. — Он ограбил меня! Он ограбил меня... — И Броун начал всхлипывать. — Он отнял кусок хлеба у сирот... лишил меня участия в синдикате... а затем выдавал мне ежемесячные пособия и издевался надо мной...

— Издевался над вами?.. — несколько насмешливо спросил Тэб.

Броун окинул его гордым взглядом.

— Кто это? — спросил он Рекса.

— Это мой друг, — ответил Рекс, — и вы находитесь в его квартире. Если вы пришли сюда только для того, чтобы поносить моего дядю, то советую вам поскорее убраться отсюда!

Уэллингтон Броун несколько раз дотронулся пальцем до груди Рекса и упрямо повторил:

— Ваш дядя — мерзавец! Запомните это! Вор и мошенник!

— Лучше всего — напишите ему об этом, — довольно резко заметил Тэб, чтобы прекратить разговор. — Мне нужно писать серьезную статью для газеты, и вы мешаете мне.

— Написать ему? — с усмешкой повторил Броун. — Вот так штука!

Рекс Лендер подошел к двери и широко распахнул ее.

Непрошенный посетитель бросил на молодого человека негодующий взгляд.

— Каков дядюшка, таков и племянник! — воскликнул он. — Хорошо, я уйду, но прежде должен сказать вам...

Дверь захлопнулась, и молодые люди так и не узнали, что он хотел им сказать.

— Ух! — выдохнул Рекс, утирая влажный лоб. — Отворите окно, мне стало жарко...

— Кто он? — спросил Тэб.

— Убейте меня — не знаю, — ответил Рекс. — Я не очень высокого мнения о нравственных качествах своего дядюшки... Вероятно, в том, что он рассказал, есть доля истины. Я не могу себе представить, чтобы дядя выплачивал кому бы то ни было ежемесячную пенсию только по доброте душевной. Во всяком случае я завтра увижу дядю и все разужнаю...

— Завтра вы ничего не узнаете, — возразил Тэб. — Видно, вы никогда не читаете отдела светских новостей: ваш дядя завтра уезжает из города...

Рекс добродушно улыбнулся:

— Это старая и известная уловка! Он прибегает к ней всегда, когда не хочет, чтобы его беспокоили. Поверьте, он поместил это извещение именно из-за Уэллингтона...

Тэб снова уселся за стол и взял в руки перо.

— Да воцарится тишина! — скомандовал он. — Знаменитый журналист должен обдумать свою статью!

Рекс с нескрываемым восторгом посмотрел на него.

— Я положительно удивляюсь вашей трудоспособности, — заметил он. — Сам я не мог бы...

— Замолчите же! — с комическим отчаянием завопил Тэб.

Воцарилось молчание. Тэб окончил свою статью к одиннадцати часам и отослал в редакцию с пришедшим к этому времени рассылным.

После завершения трудового дня он с наслаждением расположился в удобном мягком кресле и закурил трубку.

— Теперь я свободен до понедельника! — радостно сообщил он.

В это время зазвенел телефонный звонок.

— Черт возьми! — воскликнул журналист. — Бьюсь об заклад, что это несносная редакция!

Он оказался прав: его просили спешно явиться в редакцию.

Тэб вернулся в гостиную и наскоро сообщил своему другу, зачем его вызывают.

— Полиция арестовала какого-то жулика, пытавшегося незаконно получить страховую премию. Он бежал и забаррикадировался в своем доме, причем грозит облить кипятком всякого, кто осмелится приблизиться к дому. Джек в восторге от этого происшествия. Он считает его весьма интересным для газеты, — прибавил молодой человек, называя так фамильярно своего редактора. — Я посоветовал ему послать на место происшествия театрального критика... Ведь вчера вечером я заменял его...

— Значит, вы снова идете из дому? — спросил недоумевающий Рекс.

— Конечно, иду! — с нескрываемой досадой воскликнул журналист, поспешно надевая уже сброшенный воротничок.

— Что касается меня, то я думаю, что все это происшествие придумано вашей редакцией, — заметил Рекс. — Я никогда не верю тому, что напечатано в газетах.

Тэб уже вышел и не слышал последних слов своего друга.

В полночь молодой журналист был на месте происшествия и присоединился к группе полицейских, осаждавших дом. Преступник откуда-то раздобыл ружье, что делало его более опасным.

Тэб пробыл на месте до того, как дом удалось взять штурмом, а преступника отвести в полицейский участок,

В два часа ночи он пошел ужинать с полицейским сыщиком Карвером.

Было уже половина четвертого утра, и на улицах брезжил рассвет, когда Тэб направился домой.

Проходя по Парк-стрит, он услышал за собой шум автомобиля. Машина быстро пронеслась мимо него. Когда она была на расстоянии приблизительно ста ярдов, Тэб услышал шум лопнувшей шины.

Автомобиль остановился. Из него вышла молодая женщина и принялась тщательно осматривать поврежденную шину. Она была, по-видимому, одна, ибо Тэб видел, как она, раскрыв ящик с инструментами, что-то вынула из него.

Молодой человек прибавил шагу и поспешил ей на помощь.

— Разрешите мне предложить вам свои услуги, — проговорил он, обращаясь к молодой женщине.

Она быстро обернулась и посмотрела на него.

— Мисс Эрдферн! — удивленно воскликнул Тэб.

Артистка была немного смущена. Через мгновение, впрочем, она улыбнулась и сказала:

— Это вы, господин Тэб... Простите, что я вас так называю, но я совершенно забыла вашу фамилию...

— Тэб Холланд, — с улыбкой промолвил молодой человек. — Но это не так важно, — заметил он, взяв у нее из рук домкрат,

Она молча смотрела на него, пока он приподнимал машину.

— Я возвращаюсь очень поздно... Я была на вечере...

Однако Тэб при сером утреннем свете успел заметить, что артистка была просто одета и на ногах ее были толстые кожаные туфли. Его даже поразило, что она была одета скорее бедно.

Молодой человек успел также заметить, что на сиденьи автомобиля лежал небольшой черный чемодан. Он решил, что артистка, возможно, успела переодеться после вечера, но тут же подумал, что артистки вряд ли переодеваются, возвращаясь с бала.

— Я также был на вечере, — шутя, сказал он, возясь с колесом. — Это был вечер с сюрпризами и фейерверком.

— Большой бал? — спросила она.

Тэб улыбнулся.

— Я танцевал только раз, когда увидел, что джентльмен прицелился из окна... Могу вас уверить, что это был очень веселый танец, — заметил он.

Легкая дрожь пробежала по телу молодой женщины.

— Я знаю, о чем вы говорите! — воскликнула она. — Перед уходом из театра я слышала об этом человеке.

Колесо было налажено, и инструменты снова уложены в ящик.

— Нет, нет, ни в коем случае! — воскликнул Тэб, когда артистка хотела поблагодарить его.

Молодой человек втайне надеялся, что она предложит подвезти его к дому. Но мисс Эрдферн быстро простилась и исчезла так мгновенно, что он не успел опомниться.

Рекс уже проснулся, когда Тэб пришел домой.

Они долго говорили о событиях минувшей ночи, но Тэб ни словом не обмолвился о встрече с мисс Эрдферн.

Глава 5

Было одиннадцать часов утра, когда Тэб проснулся, и первая мысль его была о мисс Эрдферн.

Рекс успел уже выйти из дому и вернуться.

— Друг моего дяди снова был здесь, — сказал Рекс. — Вы не видели его?

— Зачем же он приходил сюда? — удивленно спросил Тэб, в купальном халате направлявшийся в ванную.

Рекс пожал плечами.

— Я сам недоумеваю. Сегодня он говорил уже несколько спокойнее... Я убеждал его уехать на время из города. Он грозит убить дядю, если тот не согласится выплатить ему какой-то фантастической суммы...

— Чепуха! — весело воскликнул Тэб, закрывая дверь в ванную комнату.

После ванны он с удовольствием выпил утренний кофе и снова разговорился со своим другом о назойливом посетителе.

Тэб занялся журналистикой по окончании университета. В студенческие годы он не отличался особенным прилежанием, но слыл одним из самых талантливых студентов.

Не будучи богатым, он имел постоянный приличный доход. Кроме того, почти каждый год получал наследства от многочисленных своих незамужних теток.

— Вы все же должны предупредить своего дядю о приезде Уэллингтона, — заметил в конце разговора Тэб.

— Да, я повидаю его сегодня и поговорю с ним, — согласился молодой человек.

Друзья вскоре вышли из дому. Тэб зашел сначала в редакцию, а затем отправился завтракать с сыщиком Карвером.

Он с удовольствием слушал интересные рассказы сыщика, говорившего без устали, когда разговор касался его любимой темы. Два часа прошли для Тэба незаметно.

В конце беседы он рассказал Карверу о приезде из Китая Уэллингтона и о его угрозах по адресу Джесса Трэнсмара.

— Я вообще не придаю большого значения угрозам, — сказал сыщик. — Но, конечно, в данном случае возможно, что Уэллингтон представляет некоторую опасность для старика... Между прочим, хорошо ли вы знаете Трэнсмира?

— Я видел его лишь дважды, — ответил Тэб. — Но племянник его Рекс — архитектор-любитель — живет со мной в одной квартире, и мне приходится иногда выслушивать бесконечно длинные рассказы об этом странном дядюшке... Он часто пишет Рексу длинные письма на тему о бережливости и воздержании.

— Лендер его наследник, не так ли? — спросил Карвер.

— Рекс надеется, что он сделает его своим наследником. Однако он не удивился бы, если бы все состояние старика было отказано благотворительному учреждению «неисцелимых богачей».

В это мгновение мимо ресторана промчал такси. В нем сидел Вальтерс — без шляпы, растрепанный, с взволнованным лицом. Глаза его растерянно блуждали по сторонам.

Растерянный вид Вальтерса обратил на себя внимание Тэба.

— Вы знаете этого человека? — быстро спросил сыщик.

— Да... Это Вальтерс — лакей Трэнсмира. — У него очень растерянный вид. Уж не случилось ли чего со стариком?

— Вальтерс, — повторил задумчиво сыщик, как бы что-то припоминая. — Мне знакомо лицо этого человека. — Да... Вспомнил! Ведь это Вальтер Феллинг...

— Кто? — быстро переспросил Тэб.

— Феллинг... — тотчас же ответил сыщик. — Десять лет назад он прошел через мои руки. С тех пор мне не раз приходилось встречаться с ним... Вальтерс, как вы его называете, закоренелый вор... Вы говорите, он служит у старика Трэнсмира? Это его специальность: он всегда поступает лакеем к богатым людям, а затем в доме пропадает серебро, драгоценности или деньги... Вы не заметили случайно номера автомобиля?

Тэб отрицательно покачал головой.

— Весь вопрос в том, — заметил Карвер, — что его побудило выехать из дому без шляпы: спешное ли поручение хозяина, или... Во всяком случае нас следует повидать Трэнсмира. Как вы думаете, взять нам такси или пойти пешком?

— Разумеется, пешком! — быстро сказал Тэб. — Настоящий сыщик никогда не должен показывать всем, что он спешит или что он встревожен, — с улыбкой прибавил молодой журналист.

— Тэб, я вижу, что из вас вышел бы отличный сыщик, — тоже с улыбкой ответил Карвер.

До дома Трэнсмира было около мили. Майфилд — жилище старика — был единственной безобразной постройкой среди зданий этой аллеи.

Дом был выстроен из простого красного кирпича и доходил на квадратный ящик. Перед ним посреди двора были разбиты три микроскопические клумбы.

— Нельзя сказать, чтобы эта конюшня была похожа на замок богача, — с улыбкой заметил Тэб, открывая железную калитку.

— Н-да, мне приходилось видеть и лучшие дома! — согласился сыщик. — Я только недоумеваю...

Он не окончил фразы: входная дверь с шумом распахнулась, и из нее буквально вылетел Рекс Лендер.

Лицо его было искажено от ужаса.

Он столкнулся со своим другом и с сыщиком посреди асфальтовой дорожки, ведущей к дому, открыл рот, чтобы что-то сказать, но не мог выговорить ни слова.

Тэб сочувственно положил руку ему на плечо.

— В чем дело, Рекс? — мягким голосом спросил он.

По взгляду Рекса он уже понял, что произошло что-то ужасное.

— Дядя... — пробормотал молодой человек. — Пойдите сами и посмотрите...

Карвер бросился в дом. Через открытую дверь он вбежал в столовую.

Комната была пуста. Около камина он заметил вторую дверь.

— Где же он? — спросил сыщик.

Рекс жестом указал ему на эту узкую дверь.

За дверью находилась каменная лестница, кончавшаяся узким коридором. Посреди коридора была еще вторая дверь, также незапертая.

Коридор был ярко освещен тремя электрическими лампочками, свисавшими с потолка.

В коридоре стоял едкий запах пороха.

— Вероятно, в конце коридора есть комната! — воскликнул Карвер. — Чьи это перчатки? — прибавил он, нагибаясь и поднимая с полу пару перчаток.

Он машинально положил их в карман.

Карвер обернулся к Рексу Лендеру. Молодой человек беспомощно сидел на ступеньке лестницы, закрыв лицо руками,

— Его не стоит и спрашивать, — тихим голосом проговорил сыщик, обращаясь к Тэбу. — Но где же его дядя?

Тэб быстрыми шагами прошел по коридору и увидел с левой стороны узкую дверь, выкрашенную в черную краску и находившуюся в глубокой дверной нише.

Ручки не было. Виднелась лишь узкая замочная скважина. Вверху двери вделана была небольшая стальная дощечка с отверстием для вентиляции.

Тэб попробовал открыть дверь, но она не поддавалась. Тогда он заглянул вовнутрь помещения через отверстие для вентиляции.

Он увидел сводчатую комнату футов десяти в длину и восьми в ширину. К стенам ее были прикреплены многочисленные стальные полки, на которых стояли черные железные ящики.

Комната была ярко освещена электрической лампочкой, свисавшей с потолка, и Тэб ясно видел все предметы.

В дальнем конце комнаты стоял простой деревянный стол. Около одной из ножек его виднелась скрюченная фигура старика Трэнсмара.

Лицо его было повернуто к двери. Он явно был мертв.

Глава 6

Тэб отошел от двери. Карвер занял его место и стал внимательно осматривать внутренность комнаты.

— Я не вижу никакого оружия, — заметил сыщик. — Между тем запах пороха в коридоре ясно указывает на то, что здесь кто-то стрелял... Но что это лежит на столе? — недоумевая, спросил он.

Тэб подошел и внимательнее посмотрел в дальний угол комнаты.

— Мне кажется, это ключ, — решил он.

— Дверь слишком плотная, а замок слишком крепок для нас с вами, — заметил сыщик. — Я позвоню в полицию. Вы же тем временем постарайтесь расспросить вашего друга...

— Он, кажется, совершенно невменяем, — ответил Тэб.

Повернувшись к своему другу, он взял его под руку и сказал мягким голосом:

— Пойдемте со мной наверх, Рекс...

Лендер покорно последовал за Тэбом в столовую и беспомощно повалился на стул.

Карвер уже успел позвонить в полицию и тоже поднялся в столовую. Рекс начал рассказывать о происшедшем дрожащим и прерывающимся от волнения голосом.

— Я пришел к дяде сегодня после завтрака... Он сам попросил меня зайти к нему в это время, чтобы переговорить о небольшой сумме, которую я просил у него в долг. Не успел я подойти к дому и позвонить, как дверь распахнулась, и я увидел Вальтерса — лакея моего дяди. У него был чрезвычайно растерянный вид... В руках он держал коричневый кожаный чемодан. «Я как раз собрался выходить, господин Лендер», — сказал он мне.

— Он был очень смущен, когда увидел вас? — спросил Карвер.

— Да, несомненно, — ответил Рекс. — Я спросил его: не захворал ли дядя... Он ответил мне, что дядя здоров и дал ему важное и спешное поручение... Наш разговор продолжался не более минуты... Вальтерс бегом спустился по лестнице и исчез, прежде чем я успел ему что-либо сказать.

— Он был без шляпы, не так ли? — поинтересовался сыщик.

Рекс утвердительно кивнул головой.

— Некоторое время я в нерешительности простоял в передней; дядя не любит, когда к нему входят без доклада, и я боялся рассердить его... Поэтому я вошел в столовую и решил подождать... Дверь, которая ведет в подвал, была открыта... Я просидел так, вероятно, минут десять... Вдруг меня поразил запах пороха, шедший из коридора. Я заподозрил неладное и решил спуститься по лестнице в подвал. По мере того как я шел по коридору, запах становился все явственней. Наконец я дошел до запертой двери и постучался. Ответа не последовало. Тогда я заглянул в отверстие для вентиляции. То, что я увидел, было поистине ужасно... Я со всех ног бросился на улицу, чтобы позвать полицейского, и столкнулся с вами...

— Пока вы были в доме, вы не слышали никаких звуков, которые указывали бы на присутствие здесь еще каких-либо людей? Слуг, например? — спросил Карвер.

— Нет. В доме есть только кухарка, — ответил Рекс.

Карвер тотчас же отправился на кухню. Дверь ее была заперта. Кухарки там не было: вероятно, у нее был свободный день.

— Я хочу обыскать дом, — сказал Карвер. — Вы мне поможете, Тэб.

Обыск продолжался недолго. Трэнсмир жил только в двух комнатах. Остальные были наглухо заперты.

Длинный коридор вел в комнату Вальтерса. Она первоначально предназначалась для гостей и потому была больших размеров, чем обычная людская.

Обставлена она была скудно и бедно. Вальтерс, по-видимому, не готовился к побегу: часть его платья висела на гвоздях за дверью, часть в шкафу. На столе стояла полная чашка еще теплого кофе.

На край стола — явно впопыхах — была брошена скатерть. Карвер приподнял ее и тихо свистнул: он увидел под ней различные слесарные инструменты. В центре лежал небольшой недоделанный ключ. Весь пол был усеян металлическими стружками.

— Итак, мой друг Вальтерс был занят изготовлением ключа, — заметил Карвер. — Возможно, это поможет нам напасть на верный след, — прибавил он через мгновение. — Если я не ошибаюсь, это ключ от комнаты в подвале.

Несколько минут спустя дом наполнился полицейскими, фотографами и журналистами.

Тэб воспользовался всеобщей суматохой, чтобы проводить домой своего друга.

Перед уходом Карвер отвел его в сторону.

— Нам придется еще раз побеспокоить господина Лендера, — сказал он. — Мне кажется, что он кое-что знает об этом убийстве... А пока я уже послал на все железнодорожные станции приказ об аресте Вальтерса. Между прочим, не знаете ли вы, кто такой Уэллингтон Броун?

— Это человек, который грозил Трэнсмиру всевозможными карами. Я рассказывал вам о нем за завтраком, — ответил Тэб.

Карвер вынул из кармана пару старых перчаток и заметил:

— Господин Уэллингтон Броун был в подземном коридоре и имел неосторожность уронить там перчатки. Видите, на внутренней стороне их даже написано его имя...

— Вы намерены обвинить его в убийстве? — быстро спросил Тэб.

Карвер молча кивнул.

— Думаю, что да, — ответил он после некоторого раздумья. — Его или Вальтерса... Во всяком случае на них прежде всего падает подозрение. Ничего более точного я не могу вам сказать до тех пор, пока мы не осмотрим подвальной комнаты.

Проводив домой Рекса, Тэб поспешил обратно в Майфилд.

— Мы не нашли никакого оружия, — заметил сыщик, сидевший в столовой и внимательно рассматривавший план дома. — Быть может, оружие будет найдено в подвальной комнате. В таком случае все происшествие окажется очень похожим на самоубийство. Между прочим, я уже разговаривал по телефону с фирмой «Мортимер», производившей постройку дома. Администрация решительно утверждает, что от подвальной комнаты был лишь один ключ. Желая сохранить в совершенной тайне секрет замка, Трэнсмир заказал их двадцать или тридцать штук у различных слесарей. Никто не знает, какой из этих замков он в конце концов выбрал... Короче говоря, я считаю невозможным, чтобы убийца проник в подвальную комнату посредством второго

ключа, я, как и администрация фирмы, совершенно убежден, что такого ключа не было. Во всяком случае мы это скоро узнаем: я поручил лучшему мастеру в городе закончить тот ключ, который мы нашли у Вальтерса, и надеюсь, что еще сегодня вечером мы в состоянии будем открыть таинственную комнату...

— Вы считаете, что ключом, который мы нашли у Вальтерса, нельзя было открыть замок?

— Нет, — решительно ответил сыщик. — Мы пробовали открыть дверь этим ключом со слесарем, и он заявил, что ключ еще недостаточно обработан.

— Значит, вы думаете, — продолжал расспрашивать журналист, — что старик отправился в подвальную комнату, заперся там на ключ и застрелился?

Карвер отрицательно покачал головой.

— Если бы револьвер был найден в подвальной комнате, то ваша догадка была бы весьма правдоподобна, — ответил он. — Хотя, с другой стороны, я совершенно не представляю себе, из-за чего старик мог бы покончить жизнь самоубийством...

В тот же вечер, около одиннадцати часов, сыщик, Тэб и слесарь спустились в подвал. Только что оконченным ключом слесарь открыл таинственную дверь.

— Теперь вы можете идти, — сказал сыщик, обращаясь к слесарю.

Слесарю, видимо, не хотелось уходить, но он покорился и со вздохом начал собирать свои инструменты.

Перед тем как войти в комнату, Карвер вынул из кармана пару белых перчаток, надел их и переступил порог.

Тэб последовал за ним.

— Я уже телефонировал доктору. Он будет здесь через несколько минут, — заметил сыщик, всматриваясь в скрюченную фигуру старика.

Он указал на стол, где лежал ключ.

Вдруг он вскрикнул: ключ был испачкан в крови.

— Н-да, старик вряд ли покончил с собой, — заметил Карвер.

Он прежде всего принялся за поиски оружия, которым был убит Трэнсмир. Но поиски его оказались напрасны. Он приподнял тело, обшарил его со всех сторон, но ничего не нашел.

— Теперь ясно, что старик был убит выстрелом сзади, — сказал сыщик.

Пришедший вскоре затем доктор подтвердил это предположение.

— Выстрел был произведен приблизительно на расстоянии двух ярдов, — сказал доктор. — Пуля прошла чуть ниже левого плеча. Я думаю, что смерть последовала почти мгновенно. Конечно, тут не может быть и речи о самоубийстве...

Вскоре явились полицейские фотографии. Подвал наполнился едким запахом магния.

После их ухода Тэб и сыщик снова остались вдвоем.

Внимание их привлекли коробки, стоявшие на полках, развешанных по стенам. Большинство из них были наполнены деньгами. В одной из коробок Карвер нашел пять миллионов франков в тысячефранковых билетах, другая коробка была наполнена английскими пятифунтовыми бумажками. Наконец, в третьей были пачки столларовых бумажек.

Лишь две коробки оказались запертыми на ключ. В одной из них оказались документы.

По большей части это были денежные расписки на китайском языке. На обороте четким почерком был написан перевод.

На толстой связке бумаг, перевязанной шпагатом, была надпись: «Коммерческая переписка. 1899 год».

Во время обыска Тэб нашел сложенный вчетверо лист бумаги.

— Вот, кажется, его завещание! — воскликнул он.

Тэб сразу узнал четкий, как бы детский почерк старика.

Завещание было в пользу Рекса. После обычного в таких случаях предисловия они прочли следующее:

«Завещаю все свое движимое и недвижимое имущество, каково бы оно ни было и в чем бы оно ни заключалось, моему племяннику Рексу Парсифалю Лендеру, единственному сыну моей покойной сестры Марии Каролины Лендер, урожденной Трэнсмир, и назначаю его единственным душеприказчиком».

В качестве свидетелей под завещанием подписались: Милдред Грин — кухарка и Артур Грин — лакей, жившие в то время в Майфилде.

— Вероятно, это те слуги, которых старик прогнал за то, что они отдавали обеды своим бедным родственникам, — заметил Тэб.

Молодой человек в душе радовался за своего друга, получившего такое большое наследство, и жалел, что это произошло при таких трагических обстоятельствах.

Карвер положил завещание обратно в коробку и продолжил дальнейшие поиски. Он подошел к двери, осмотрел замок и покачал головой.

— Замок этот не запирается автоматически. Значит, дверь была заперта снаружи или изнутри... Если бы здесь имело место самоубийство, то объяснение всему было бы весьма простое. В данном случае я недоумеваю, каким образом мог этот ключ очутиться на столе...

Он попробовал просунуть ключ в отверстие для вентиляции. Отверстие оказалось слишком мало.

— Вероятно, в эту комнату есть еще другой вход, — предположил озадаченный сыщик.

Солнце уже всходило, когда они наконец окончили поиски. Стены комнаты оказались выложенными бетоном. В ней не было ни окна, ни камина. Пол был также бетонный.

Делая последнюю попытку разгадать тайну ключа, Карвер пригласил рабочего-специалиста для осмотра вентилятора.

Вентилятор был из твердой стали и плотно вделан в дерево двери. Даже в случае, если бы удалось вынуть эту дощечку, через образовавшееся отверстие не смог бы пролезть ни один человек.

— Остается лишь предположить, что у преступника была дрессированная крошечная обезьянка, — с улыбкой заметил сыщик и снова в глубоком раздумьи покачал головой.

— Можно выдвинуть предположение о существовании второго ключа, — сказал Тэб.

— Я категорически отвергаю это предположение, — быстро возразил Карвер. — Поверьте, что если бы таковой существовал, то Вальтерс, или Феллинг, как я его называю, уже воспользовался бы им. Ведь он всю жизнь был специалистом по этой части... Если уж он взял на себя труд по изготовлению такового, то нет сомнения, что второго ключа не было.

— Значит, вы предполагаете, что дверь была заперта этим ключом? — спросил Тэб, указывая на стол.

— Я не только совершенно в этом убежден, но готов поклясться в этом, — ответил сыщик.

И он указал молодому человеку на пятна крови у замочной скважины, а также на внутренней и наружной стороне двери.

— Я убежден, что эта дверь была открыта изнутри после того, как старик был убит, и затем была заперта снаружи...

— Но в таком случае, каким образом ключ оказался на столе в запертой комнате? — воскликнул озадаченный журналист.

Карвер в раздумьи покачал головой.

— Если бы у меня была хоть малейшая догадка на этот счет, то я мог бы надеяться раскрыть тайну этого убийства, — ответил он.

— Я просто недоумеваю... — начал Тэб.

Вдруг он увидел на полу маленький блестящий предмет.

Это была совершенно новая булавка.

Глава 7

С того места, где стоял Тэб, булавка была отлично видна. Под светом электрической лампочки она серебристо блестела на полу.

Тэб машинально нагнулся и поднял ее.

— Что это такое? — с любопытством спросил сыщик.

— Мне кажется, что это самая обыкновенная булавка, около полутора дюйма длиной, какими часто пользуются конторщики для скрепления документов.

Булавка была слегка согнута, и это было единственное ее отличие от миллиона таких же булавок,

— Дайте мне ее, — промолвил сыщик.

Положив булавку на свою обтянутую белой перчаткой ладонь, он встал прямо под электрической лампочкой.

— Не думаю, чтобы булавка эта имела какое бы то ни было значение, — заметил он. — Тем не менее я спрячу ее у себя.

И положил находку Тэба в спичечную коробку, куда раньше уже был им положен ключ.

— А теперь пойдете, Тэб! — воскликнул Карвер.

Они вышли из подвала на залитую ярким солнцем улицу и невольно улыбнулись, посмотрев друг на друга: такой контраст с этим ясным солнечным днем представляли их небритые, усталые от бессонной ночи лица.

Придя в свою квартиру, Тэб нашел друга спящим в гостиной на диване. Рекс был полностью одет, и в комнате ярко горело электричество.

— Я ждал вас до трех часов, — зевая, проговорил он. — Нашли наконец Вальтерса?

— Пока еще нет, — ответил Тэб. — Я расстался с Карвером всего десять минут назад. Он подозревает Броуна... Его перчатки найдены были в подвале.

— Броуна, приехавшего из Китая? — удивленно проговорил Рекс. — Как все это ужасно! Я старался всю ночь не думать об этом, но не мог... С ума сойти можно...

— Все же я должен сообщить вам приятное известие, Рекс, — сказал журналист, начиная раздеваться. — Мы нашли завещание вашего дяди. Конечно, я сообщаю вам это неофициально...

— Вы нашли завещание? — спросил Рекс упавшим голосом. — Боюсь, что мне ничего не досталось... Кому же завещано все богатство: приюту для бездомных собак или яслям для котят?

— Все состояние завешано некоему толстому молодому архитектору, — с добродушной усмешкой ответил Тэб. — Я уже с грустью думаю о том, что нам придется расстаться с вами... Может быть, вы все-таки пригласите меня когда-нибудь к себе?.. Или, сделавшись богачом, не пожелаете знаться со мной?

Рекс нетерпеливым жестом остановил его:

— Я думаю сейчас не о деньгах!

Тэб проспал четыре часа. Когда он проснулся, Рекса уже не было дома.

Когда молодой журналист вышел на улицу, специальные воскресные выпуски газет с подробностями убийства разбирались нарасхват.

Тэб прошел в редакцию, написал краткую информацию о ночном происшествии и направился в Майфилд.

Карвера он не застал там, а охранявший дом полицейский не захотел его пропустить.

Тогда он направился на квартиру Карвера и застал сыщика за бритьем.

— Нет, нам не удалось напасть на следы Феллинга и Броуна, — ответил сыщик на вопрос Тэба. — Я считаю, что найти Броуна будет гораздо труднее, ибо его никто не знает в этой стране. Что же касается Феллинга — Вальтерса, то, к сожалению, его покуда не удалось обнаружить, несмотря на то, что нам известны его друзья и знакомые. Все они утверждают, что не видели его. Шофер такси, на котором он скрылся, показал, что отвез своего пассажира на Центральный вокзал. По дороге они остановились, чтобы купить шляпу.

— У вас за это время возникли какие-нибудь новые догадки? — спросил Тэб.

Сыщик некоторое время стоял в глубокой задумчивости. Он был высокого роста, худощав и не отличался поспешностью движений.

— Есть много догадок, — сказал он наконец, — но все они не выдерживают никакой критики...

— А вам не приходило в голову, что выстрел мог быть произведен через одно из вентиляционных отверстий? — быстро спросил Тэб.

— Да, я об этом тоже подумал после того, как мы с вами расстались, — ответил сыщик. — И я вернулся в подвал, чтобы еще раз осмотреть вентилятор. Металлическая доска не почернела, что непременно случилось бы, если бы сквозь одно из отверстий ее был произведен выстрел... Кроме того, пуля, найденная в теле старика, не могла по своему размеру пройти сквозь эти отверстия.

Карвер задумчиво покачал головой.

— Нет, убийство было совершено в самом подвале, — прибавил он.

Тэбу хотелось еще кое о чем узнать, и он прежде всего направился за город к кухарке Трэнсмира. Оказалось, что полиция уже допрашивала ее, и она не могла сообщить ему почти ничего нового.

Это была пожилая, степенная на вид женщина.

— Это был мой свободный день, сэр, — поведала она Тэбу. — Господин Трэнсмир сказал, что уезжает из города, хотя вряд ли он действительно думал уезжать. Он уже несколько раз толковал об отъезде, но Вальтерс сказал мне, чтобы я не обращала на это внимания... Ведь я никогда в глаза не видела господина Трэнсмира.

Тэб был изумлен.

— Да, я никогда не видела его, — продолжала женщина. — Все распоряжения по хозяйству передавались мне Вальтерсом. В сущности, я не была внутри дома. Лишь один раз, когда уборщица заболела, и помогла Вальтерсу убрать комнаты. Я отлично помню это утро, я нашла тогда небольшую вещь, вроде крышки от маленькой коробочки, и недоумевала, что бы это могло быть...

— Крышку? — удивленно переспросил Тэб. — Какую же именно крышку?

— Она у меня, и я могу вам ее показать, — сказала женщина. — Я даже спросила Вальтерса, что это такое, и он ответил, что не знает... Тогда я захватила ее с собой и решила показать моему мужу...

Женщина вышла из комнаты и вскоре вернулась с маленьким целлулоидным колпачком, каким покрывают обычно клавиши на пишущих машинках.

— У Трэнсмира была пишущая машинка? — быстро спросил Тэб.

— Нет, сэр... По крайней мере мне ничего об этом неизвестно, — ответила женщина. — Я повторяю вам, что была лишь один раз в доме. Кухня совершенно отделена от главной постройки, и господин Трэнсмир строго приказал мне не появляться в доме...

Тэб задумчиво разглядывал маленький целлулоидный предмет: как он мог очутиться в столовой старика?

Он тут же припомнил, что Трэнсмир всегда писал племяннику от руки.

— Вы совершенно уверены в том, что ваш хозяин никому не диктовал писем и что у него не было пишущей машинки? — снова спросил он.

— Совершенно уверена, — ответила женщина. — Вальтерс рассказал бы мне, если бы кто-нибудь приходил в дом. Если бы у господина Трэнсмира была машинистка, Вальтерс знал бы об этом. Он вообще был равнодушен к женщинам. Между прочим, я также совершенно уверена, что Вальтерс невиновен в этом преступлении, — прибавила кухарка. — Вам уже удалось найти его?

Тэб рассказал ей все, что ему было известно о поисках Вальтерса.

— А вы знаете Грина и его жену? — спросил он, уже направляясь к двери.

Он вдруг вспомнил свидетельские подписи под завещанием.

— Почти не знаю, сэр, — ответила женщина. — Миссис Грин была кухаркой до меня, и я видела ее и ее мужа лишь в тот день, когда впервые пришла в дом. Они показались мне очень приличными людьми. Кажется, хозяин слишком грубо с ними обошелся...

— А где они теперь? — продолжал свои расспросы Тэб.

— Не знаю, сэр, — ответила кухарка. — Я слышала, что они должны были уехать в Австралию. Это родина Грина. Они мечтали поселиться там...

— Не знаете ли вы, не осталось у Грина или у его жены раздражения против старика? — допытывался Тэб.

Женщина некоторое время колебалась.

— Ну, конечно, они были обижены, — промолвила она после короткого раздумья. — Ведь их как-никак обвинили в воровстве... Особенно был возмущен Грин, когда их вещи обыскали под тем предлогом, что у старика исчезли серебро и часы...

Это было новостью для Тэба: он уже раньше слышал, что Грин тайно отдавал на сторону всякие объедки, но никогда не слышал, чтобы его обвиняли в краже серебра.

Больше кухарка ничего не могла сообщить журналисту.

— Вальтерс служил уже в то время у старика? — спросил Тэб еще.

— Да, сэр, — ответила она. — Он был лакеем господина Трэнсмита. А после ухода Грина Вальтерс сделался и лакеем и дворецким.

Тэб поспешил в редакцию, чтобы записать показания кухарки.

— У меня есть еще интересное происшествие для первой страницы! — воскликнул заведующий отделом осведомления, увидев Тэба.

— В таком случае поручите написать кому-нибудь другому, — возразил Тэб, — у меня материала достаточно на целый день... А что это за сенсационное происшествие?

— Одна артистка потеряла свои драгоценности, — сказал заведующий, берясь за перо. — Конечно, это не так уж интересно... Во всяком случае я могу поручить составление заметки кому-нибудь другому.

— Кто эта артистка? — быстро спросил Тэб.

— Мисс Эрдферн, — был ответ.

Тэб побледнел и опустился на стул.

Глава 8

— Мисс Эрдферн?! — удивленно воскликнул Тэб. — Каким же образом она их потеряла?

— Очень просто, — ответил заведующий, откидываясь на спинку стула. — В субботу утром по дороге в театр на дневное представление она вошла в почтовое отделение, чтобы купить марок. Подойдя к окошечку, она положила ларец с драгоценностями на прилавок около себя. Когда она обернулась, ларца уже не было. Все произошло так быстро и неожиданно, что мисс Эрдферн даже не заявила на почте о пропаже. По ее словам, она подумала, что просто забыла ларец дома. Она быстро вернулась в Централь-отель, где снимает отдельное помещение, и тщательно обыскала все комнаты. Когда она окончила поиски, было уже время ехать в театр. Таким образом, она до сегодняшнего дня ничего не заявляла о пропаже.

— Я это вполне понимаю! — горячо воскликнул Тэб. — Она принадлежит к числу тех немногих артистов, которые чуждаются всякой рекламы: публика могла подумать, что вся эта шумиха поднята с умыслом...

— Вы хорошо знаете мисс Эрдферн? — спросил редактор.

— Я ее знаю просто потому, что всякий уважающий себя журналист должен знать всех, начиная с государственного секретаря и кончая палачом, — ответил Тэб. — Но если вы желаете, я могу написать заметку по поводу этого происшествия. По делу Трэнсмита вряд ли будет что-то новое до вечера... Так она живет в Централь-отеле?

Редактор утвердительно кивнул головой.

В Централь-отеле Тэб наткнулся на решительный отказ.

— Мисс Эрдферн никого не принимает, — сказал ему швейцар.

Он прибавил, что не знает даже, дома ли она.

— Пожалуйста, передайте ей мою карточку, — не унимался Тэб, но встретил решительный отказ.

Журналист решил не сдаваться и отправился к управляющему гостиницей, которого, к счастью, хорошо знал.

— Мисс Эрдферн постоянная наша жилица, — ответил ему управляющий, — и мы должны исполнять ее приказания. Однако под строгим секретом могу сообщить вам, что мисс Эрдферн уехала сегодня утром в автомобиле на свою загородную виллу. Она обычно проводит там все воскресенье и возвращается только в понедельник утром. Кроме того, она боится журналистов: сегодня утром она вызвала меня и строго приказала не отвечать ни на какие их вопросы.

— А где находится ее загородная вилла? — с мольбой в голосе спросил молодой человек. — Если вы мне не ответите, то в тот же час, когда у вас в отеле случится кража, я помешу об этом заметку на первой странице...

— Это уже шантаж! — с улыбкой заметил управляющий. — Посмотрите в адресной книге, я не могу вам ответить на ваш вопрос.

Тэб быстрыми шагами направился в читальню, схватил адресную книгу и прочел против фамилии мисс Эрдферн: «Стон-коттедж, около деревни Блиссвил».

От городка до виллы было приблизительно сорок пять миль. Тэб разогнал машину и прибыл на место менее чем за час.

Он открыл высокую чугунную калитку и вошел в чудесный маленький садик, окружавший виллу.

Под тенью развесистого дерева он увидел знакомую стройную фигуру в легком белом платье. Молодая женщина полулежала в удобном плетеном кресле.

При виде непрошеного посетителя она привстала и воскликнула:

— Как нехорошо с вашей стороны, господин Тэб! Ведь я строго-настрого приказала управляющему никому не давать моего адреса...

— Он и не нарушил вашего приказания, — улыбаясь, ответил молодой человек. — Я нашел ваш адрес в адресной книге...

При дневном свете мисс Эрдферн показалась Тэбу еще прекраснее. Он заметил, что в глазах ее даже в то время, когда она улыбалась, было что-то печальное, и подумал, что она, вероятно, пережила большое горе.

— Очевидно, вы приехали, чтобы расспросить меня о пропаже моих драгоценностей? — сказала она. — Я разрешу вам задавать мне какие угодно вопросы, но при одном условии...

— Наверное, какое-нибудь ужасное условие? — улыбаясь, спросил Тэб.

— Во-первых, возьмите это кресло и сядьте, — указала ему молодая женщина на место рядом с собой.

Когда Тэб уселся в кресле, она продолжила:

— Условие мое заключается в следующем: вы заявите, что я не видела, кто похитил мои вещи, и готова заплатить крупную награду тому, кто мне их найдет; что ценность этих вещей отнюдь не так велика, как думают, и что вещи эти не были застрахованы на случай кражи.

— Слушаюсь, — улыбаясь, проговорил молодой человек. — Постараюсь точно изложить все вами сказанное.

— А теперь признаюсь вам по-дружески, — заметила мисс Эрдферн, — что буду очень счастлива, если эти вещи никогда не будут найдены...

Тэб изумленно уставился на нее.

— Только, пожалуйста, не подумайте, что это рисовка с моей стороны, — совершенно серьезно промолвила она. — Я, правда, ничуть не огорчена... Ну, буду появляться на сцене с поддельными драгоценностями, как уже было в прошлый вечер...

— Почему вы не заявили полиции раньше о краже вещей? — спросил журналист.

— Это мое дело, — быстро ответила мисс Эрдферн. — Вы можете написать в газете, что я хотела, например, избавить кого-то от обвинения в воровстве, или не хотела, чтобы на кого-то падало подозрение, или что я просто не хотела делать много шума из-за таких, в сущности, пустяков...

— Вы даже не помните, кто стоял рядом с вами?

Она нетерпеливым жестом остановила его.

— Я ничего не помню, кроме того, что купила в почтовом отделении десять марок! — воскликнула она.

— А сколько приблизительно стоили ваши драгоценности? — не унимался журналист.

— Даже на этот вопрос я не могу вам ответить, — промолвила мисс Эрдферн.

— Это были фамильные драгоценности? — продолжал расспросы Тэб.

Молодая женщина наконец рассмеялась.

— Как вы настойчивы, господин Тэб! — воскликнула она. — Не хотите ли вы, раз уж проникли ко мне вопреки всяческим запретам, чтобы я показала вам виллу и сад?

Молодой человек с восторгом согласился.

Она показала гостю цветник и прошлась с ним по сосновому лесу, простиравшемуся за садом. Затем они прошли в дом и уселись в уютной маленькой гостиной, небогато, но с большим вкусом обставленной старинными вещами.

Тэб приехал в два часа. Было уже пять, когда он нехотя начал прощаться.

Разговаривали об искусстве и литературе, и он не заметил, как прошло время.

Приехав в редакцию, Тэб быстро набросал интервью с артисткой.

— Да ведь это просто страница из романа! — воскликнул озадаченный редактор, прочтя статью молодого журналиста.

— Значит, вы довольны заметкой? — спросил сияющий Тэб.

— С точки зрения литературной, лучше и желать нельзя, — ответил редактор. — Но с точки зрения газетной, это просто чепуха... Единственная новость, которую вы сообщаете, это то, что мисс Эрдферн обожает Киплинга, а это, согласитесь, не так уж интересно...

Тем не менее он принял статью и начал делать в ней сокращения синим карандашом. Тэб тем временем занялся статьей об убийстве Трэнсмира.

За время его отсутствия не поступило никаких новых сведений. Вальтерс и Броун еще не были задержаны, и Тэбу пришлось ограничиться заметкой о жизни покойного; материала для такой заметки у него было достаточно: стоило только припомнить рассказы Рекса о своем дяде...

Тэб вспомнил, что весь день не видел молодого миллионера. Когда он вернулся домой поздно вечером, Рекс уже спал, и он решил не будить его.

На следующее утро Рекс прежде всего спросил своего друга, слышал ли он о краже драгоценностей у мисс Эрдферн.

— Конечно, — неохотно ответил молодой журналист. — Вчера я виделся с ней.

Рекс окинул его удивленным и ревнивым взглядом и стал засыпать вопросами о том, какова она, какие у нее глаза и какой цвет волос.

Тэб в конце концов добродушно рассмеялся.

— Милый друг, умерьте же свое любопытство, — сказал он. — Я и не подозревал, что вы так интересуетесь мисс Эрдферн.

Рекс покраснел и опустил глаза.

— Она очаровательна! — воскликнул он с юношеским восторгом. — Я отдал бы полжизни, чтобы провести с нею день...

— Ого! Молодой человек, да вы просто влюблены в нее! — стараясь сохранить серьезность, заметил Тэб.

— Что ж, этого я не отрицаю, она мне очень нравится... Я видел ее бесчисленное количество раз во всех ролях, но никогда не разговаривал с ней... Она так прекрасна! У нее такое лицо! Такой голос!.. — Он смущенно умолк.

Тэб не мог понять, почему эта восторженная речь его друга была ему приятна, и поспешил заметить:

— Дорогой мой, успокойтесь. Она заявила мне, что никогда не выйдет замуж...

Рекс снова густо покраснел.

— Ах, Тэб, она мне очень нравится... — пробормотал он. — Когда я услышал, что она собирается выйти замуж, мне стало так горько...

Тэб весело рассмеялся.

— Теперь я понимаю, почему я должен был интервьюировать ее, — воскликнул он. — И вам не стыдно, что известный журналист, специалист по криминологии, должен был униженно молить о счастье быть допущенным пред ясные очи артистки... — продолжал он шутливым тоном.

И после некоторого раздумья прибавил более серьезно:

— Надеюсь, что вы не очень влюблены в нее, Рекс? Во-первых, как я вам уже сказал, она не собирается выходить замуж, и даже ваше огромное богатство, вероятно, не поколебало бы ее решения. Во-вторых...

Он вдруг остановился.

— Что во-вторых? — нетерпеливо спросил Рекс. — Какое вы еще видите препятствие?

— Я думаю, что вообще мне не следует вмешиваться в ваши дела, — быстро ответил Тэб.

— Я знаю, вы хотели сказать, что не следует жениться на артистке, ибо из нее никогда не выйдет хорошей жены! — воскликнул молодой человек. — Я уже все это слышал. Даже бедный дядя Джесс, когда я ему говорил об этом...

— Как? Вы говорили с дядей о... вашей любви к мисс Эрдферн? — удивленно прервал его Тэб.

— Конечно, я не говорил с ним об этом прямо, — заявил молодой человек. — Я лишь нащупывал почву. Но дядя Джесс с пеной у рта восстал против этого и грозил лишить меня наследства. Он был ужасного мнения об артистках...

Тэб ничего не возразил и некоторое время сидел молча, как бы что-то обдумывая. В сущности, какое ему было дело до того, что Рекс без ума влюблен в артистку?.. Однако, сам не зная почему, он воспринимал любовь Рекса Лендера к мисс Эрдферн как личное оскорбление...

Глава 9

На следующее утро к журналисту пришел Карвер.

— Я хочу сделать вам необычное предложение, — заявил он. — Вчера я сказал своему начальству, что вы можете оказать нам существенную помощь. Вначале все наши пришли в ужас от мысли, что журналист войдет в дело. Однако мне удалось уговорить их. Теперь я еду в Майфилд, чтобы обыскать остальные коробки. Не хотите ли поехать со мной?

Тэб в первую минуту не знал, что ответить: помогать сыщику — значило на время почти отказаться от своего прямого занятия. Он понимал, что не сможет сообщать газете ничего более или менее интересного из того, что узнает во время расследования, разве самые пустяки.

Однако размышлять было некогда: нужно было решаться.

— Я поеду с вами, — сказал Тэб. — Несмотря на то, что как журналисту мне это нисколько не улыбается. Но я хочу рискнуть...

Когда они вышли из дому, Тэб с изумлением увидел у подъезда чудесный автомобиль. Зная скупость полицейского начальства, он тотчас же спросил у сыщика, где тот раздобыл такую машину.

— Это автомобиль покойного старика Трэнсмита, — ответил Карвер. — Старик почти не пользовался им. Его наследник, господин Лендер, оказался более щедрым и предоставил его в наше распоряжение.

— Какой милый этот Рекс! — воскликнул Тэб, откидываясь на мягкую спинку сиденья. — Он мне ничего об этом не говорил.

Некоторое время они ехали молча. Когда приближались к дому, Карвер заметил:

— Мне удалось собрать еще некоторые важные сведения... Наши люди всю ночь производили дознание на почте относительно корреспонденции покойного Трэнсмита. Оказалось, что он за последние два года получал массу писем. Вероятно, мы найдем их в еще не вскрытых коробках. Кроме того, сегодня утром мы узнали, что за десять минут до исчезновения Вальтерса в Майфилде была получена телеграмма...

Когда они вошли в дом и расположились в гостиной, Карвер тщательно закрыл дверь и показал молодому человеку телеграмму.

«Помните семнадцатое июля 1913 года. Полиция Ньюкастла придет за вами в три часа».

Подписи не было.

— Сегодня же утром я просмотрел газеты за это число, — рассказывал Карвер. — Оказывается, семнадцатого июля тысяча девятьсот тринадцатого года Феллинг был заключен в Ньюкастл на семь лет и судья заявил ему, что в случае нового преступления он приговорит его к пожизненной тюрьме...

— Значит, вы думаете, что телеграмма была послана кем-нибудь из друзей Вальтерса? — быстро спросил Тэб.

Карвер утвердительно кивнул.

— Телеграмма была вручена за пять минут до его исчезновения, то есть без десяти минут три, — сказал он. — Я лично видел рассыльного, принесшего ее; он утверждает, что Вальтерс сам взял ее у него из рук.

— Вы думаете, что это и есть причина его исчезновения? — спросил озадаченный журналист.

— В известной степени — да, — ответил сыщик. — Но это, конечно, не значит, что Вальтерс невиновен в убийстве... Телеграмма могла быть получена тотчас же после того, как он пристрелил старика, — и это только ускорило его побег...

— А видел кто-нибудь, как Уэллингтон Броун входил в дом? — задал Тэб уже давно мучивший его вопрос.

— Нет, никто, — ответил сыщик. — Лишь один Вальтерс мог бы сказать, в котором часу он приходил.

Карвер тщательно сложил телеграмму и спрятал ее.

Затем оба спустились в подвал и принялись осматривать коробки.

Везде они находили денежные знаки всевозможных стран: тут были и греческие драхмы, и итальянские лиры. В иных коробках хранились только деньги, в других — и пачки писем, адресованных Трэнсмиру в различные китайские города.

Однако ни одно из этих писем не пролило ни капли света на таинственное убийство.

В последней коробке они нашли сравнительно недавнюю переписку старика: по большей части это были копии писем, напечатанных на пишущей машинке и адресованных различным обществам, с которыми он имел дела.

Они перечли все письма, и Карвер удивленно заметил:

— Где же были напечатаны эти письма? И когда? Мне кажется, что у него не было секретаря?

Тэб вдруг вспомнил о находке кухарки и рассказал об этом сыщику.

— Он выходил из дому ежедневно от половины седьмого до половины девятого, — заметил журналист. — Вероятно, в это время он заходил в какую-нибудь контору, занимающуюся перепиской. В Сити есть несколько контор, работающих так поздно...

— Возможно, — согласился сыщик. — Все, что казалось мне интересным, я уже послал переводчику. Остальное, мне кажется, не имеет большого значения.

Тэб стоял спиной к полкам и машинально нажимал рукой на стальную полосу. Вдруг он почувствовал, что между двумя полками помещался еще ящик, которого они до сих пор не заметили.

Он быстро выдвинул его. Сыщик нагнулся и заглянул внутрь.

— Здесь еще какие-то вещи! — воскликнул он.

Карвер вынул сначала небольшую коробку прекрасной китайской работы, покрытую светло-зеленым лаком. Она была пуста.

Затем он вынул из ящика небольшой коричневый ларец и, поставив его на полку, открыл крышку.

Еще до того, как Тэб увидел брошку с сердцевидным рубином, он воскликнул:

— Это драгоценности мисс Эрдферн!

Сыщик и журналист удивленно посмотрели друг на друга.

— Вы уверены, что это именно те драгоценности, которые были украдены в субботу утром? — недоверчиво спросил сыщик.

Тэб утвердительно кивнул головой.

Карвер вынул большой изумрудный крест, осмотрел его со всех сторон и положил обратно в коробку.

— Насколько я припоминаю, об этом было напечатано сегодня утром в газетах, — задумчиво проговорил сыщик. — Мисс Эрдферн вошла в субботу утром в почтовое отделение, чтобы купить марки. Она поставила ларец с драгоценностями рядом с собой на прилавок и занялась покупкой. Когда она обернулась, вещи уже исчезли. Думая, что она забыла их дома, она вернулась в отель и тщательно обыскала все свои комнаты. Она рассказала обо всем этом полиции в воскресенье утром.

— Да, примерно так... — пробормотал совершенно озадаченный журналист.

— Через три или четыре часа после того, как мисс Эрдферн потеряла свои драгоценности, Трэнсмира убивают в этой комнате, — продолжал сыщик. — Драгоценности были уже в то время здесь, ибо ясно, что после убийства никто не проникал в эту комнату... Другими словами, в течение двух часов драгоценности были украдены, принесены к Джессу Трэнсмиру и заперты здесь... Но для какой цели? И каким образом?

Сыщик удивленно уставился на Тэба.

Журналист мог только развести руками.

Карвер почесал затылок и в глубокой задумчивости сказал:

— При других обстоятельствах можно было бы предположить, что Трэнсмир был скупщиком краденого... Такие случаи бывали. Можно было бы также предположить, что он был ростовщиком и ссужал деньги под залог драгоценностей... если бы мисс Эрдферн не сделала заявления о пропаже вещей.

— Я совершенно уверен, что она даже не знает Трэнсмира, — быстро проговорил Тэб. — Я... я довольно хорошо знаком с ней, — прибавил он.

Сыщик не мог прийти в себя от изумления.

— В таком случае не может быть речи о залоге, — решил он. — Нужно лишь выяснить, был ли Трэнсмир действительно скупщиком краденого...

Он бросил взгляд на полки, на которых стояли наполненные деньгами коробки, покачал головой и заметил:

— Мне кажется невероятным такое предположение. Он был слишком богат, чтобы заниматься такими опасными делами... Кроме того, если бы предположение это было правильно, мы нашли бы и другие вещи. Ведь невозможно же предположить, что он купил только эти вещи...

Карвер засунул руки в карманы брюк и долго ходил взад и вперед по подвальной комнате.

— Я должен признаться, что совершенно озадачен, — сказал он наконец, — и хочу предложить вам лишь один вопрос: вы совершенно уверены, что это действительно драгоценности мисс Эрдферн?

— Да, я совершенно уверен в этом, — тотчас же ответил Тэб. — Во всяком случае в полиции, вероятно, есть описание пропавших вещей, и можно будет легко проверить...

— В таком случае это следует сделать сейчас же, — заявил Карвер.

Он позвонил в полицию, и с первых же слов ему стало ясно, что в их руках были драгоценности артистки.

— Поезжайте к ней, Тэб, — обратился он к молодому журналисту, — и покажите ей ларец. Вещи же мы пока оставим в полиции.

Глава 10

Мисс Эрдферн вернулась в отель всего за несколько минут до прихода Тэба. Против ожидания его тотчас же проводили к артистке.

Мисс Эрдферн спокойно взяла из рук молодого человека ларец.

— Да, это мой ларец, — сказала она и приподняла крышку. — А где же вещи? — удивленно спросила она.

— Они в полиции...

— В полиции?! — еще более удивленно переспросила она.

— Ваши драгоценности были обнаружены в подвальной комнате, в которой был убит Джесс Трэнсмир, — пояснил Тэб. — Наверное, вы не имеете ни малейшего представления о том, каким образом они туда попали?

— Ни малейшего! — подтвердила она. — Я даже не знала господина Трэнсмира.

Тэб рассказал молодой женщине все подробности убийства. Вероятно, она уже читала об этом в газетах, ибо не проявила никакого интереса к его рассказу. Она оживилась немного лишь тогда, когда Тэб принялся рассказывать о своем участии в расследовании преступления.

Молодой человек рассказал ей, каким образом он обнаружил ящик, в котором был найден ларец с ее драгоценностями.

— Вы просмотрели все его бумаги? — машинально спросила молодая женщина. — Какие же это были бумаги?

— Это были по большей части деловые бумаги, — ответил журналист, удивленный тем, что мисс Эрдферн обнаружила, наконец, какой-то интерес к этому делу. — Там были и счета, и копии

писем. Однако мы не нашли ничего, заслуживающего серьезного внимания... Но почему вы об этом спрашиваете?

— У меня была подруга, молодая артистка, которая интересовалась Трэнсмиром, — ответила мисс Эрдферн. — Она рассказывала мне, что у старика хранилось много документов, имевших отношение к ее семье... Нет, я не помню ее имени, я встретила ее во время гастролей, — ответила она на вопрос Тэба.

Тэб, отличавшийся большой наблюдательностью, заметил, что мисс Эрдферн приняла его на этот раз очень сухо и сдержанно, и не знал, чему приписать эту холодность артистки.

Ему показалось также, что в конце разговора мисс Эрдферн как-то странно оживилась.

— Когда же полиция отдаст мне мои драгоценности? — спросила она веселым тоном.

— Боюсь, что вам удастся получить их лишь по окончании расследования дела, — ответил Тэб.

— Как жаль, — сказала она и снова вернулась к разговору об убийстве. — Что же вы думаете об этом, господин Холланд? Одна из газет считает, что не кто иной, кроме самого Трэнсмита, не мог запереть двери; с другой стороны — вполне очевидно, что тут не было самоубийства... И кто этот Броун, которого теперь разыскивает полиция?

— Это какой-то авантюрист, приехавший из Китая, — сообщил журналист. — Много лет назад он был чем-то вроде секретаря у Трэнсмита.

— Вроде секретаря? — перебила его мисс Эрдферн. — Кто вам это сказал?

— Броун сам говорил мне об этом, — ответил Тэб. — Я видел его накануне убийства. По всей вероятности, Трэнсмит поступил с ним не совсем благородно, так как в течение многих лет выплачивал ему пенсию...

Мисс Эрдферн погрузилась в задумчивость.

— Почему же он уехал из Китая? — промолвила она. — Ведь он мог бы спокойно жить там на эту пенсию... Вероятно, это была довольно хорошая пенсия?

Она снова немного помолчала и спросила:

— Это все, о чем вы хотели меня расспросить, господин Холланд?

— Может быть, вам придется пройти в полицейский участок для опознания своих вещей, — сказал Тэб. — Вас могут спросить о том, каким образом ваш ларец мог попасть к Трэнсмиру.

Молодая женщина ничего на это не ответила. Журналист ушел от нее разочарованный.

Тэб поспешил рассказать Карверу о своем разговоре с артисткой. Сыщик на четвереньках ползал по полу подвальной комнаты. При звуке шагов он обернулся.

— Не помните ли вы, было в субботу сухо или мокро? — спросил сыщик, увидев журналиста.

— В субботу была очень хорошая погода, — ответил Тэб.

— В таком случае это, по всей вероятности, пятна крови, — заметил Карвер.

Тэб опустился на колени около него. На цементном полу он увидел четкий полукруглый отпечаток каблука.

— Это доказывает, что кто-то был в подвальной комнате после убийства Трэнсмита. Я думаю, он подходил к старику, чтобы убедиться в том, что тот мертв. При этом каблук его запачкался в крови... По отпечатку каблука видно, что на нем была резина. Вероятно, преступник подошел к старику совершенно бесшумно. Других отпечатков ног, насколько я мог заметить, нет.

— Это снова наводит нас на мысль о существовании второго ключа! — воскликнул Тэб.

— Второго ключа не было, — резко заметил Карвер, вставая и стряхивая пыль с колен. — В этом я совершенно убедился после разговора со слесарем. Мне удалось, наконец, найти того слесаря, который делал этот замок; он не только утверждает, что второго ключа не было сделано, но говорит, что даже не сохранилось рисунка единственного сделанного. Кроме того, когда замок был принесен сюда, старик Трэнсмит заставил мастера изменить его здесь же. Вы сами понимаете, что при таких условиях не может быть и речи о существовании второго ключа...

— Однако Вальтерс как раз был занят изготовлением такого ключа, — упрямо настаивал журналист.

— Но Вальтерс не окончил своей работы, и его ключ в том виде, в каком он был найден нами, не мог открыть дверь... Нет, я решительно утверждаю, что после убийства дверь была заперта именно этим единственным, испачканным в крови ключом. Старик всегда носил его на цепочке на шее, и мы нашли на нем эту разорванную цепочку... Далее, на замочной скважине как с внутренней, так и с внешней стороны имеются кровавые пятна. Для настоящего преступления

самым характерным является именно тот факт, что после убийства ключ вставлялся и с той, и с другой стороны двери... По всей вероятности, тотчас же после совершения преступления преступник был заперт в этой комнате со своей жертвой. Затем он открыл дверь, причем выпачкал в крови и ключ, и замочную скважину, вышел из комнаты и запер дверь снаружи... Но вот каким образом ключ очутился на столе в запертой комнате, это уж я никак не могу объяснить... Если бы я не знал, что это совершенно невозможно, я готов был бы побиться об заклад, что дверь была в конце концов заперта изнутри и что преступник исчез через какой-то потайной ход... Однако нам достоверно известно, что другого выхода из комнаты нет...

— А вы осматривали потолок? — задумчиво спросил Тэб.

— Я не только осматривал, а тщательно исследовал стены, пол и потолок, — нетерпеливым тоном ответил сыщик. — Я лишь заметил, что под дверью имеется щель шириной приблизительно в одну восьмую дюйма. Если бы ключ был найден на полу, то все было бы ясно: преступник мог швырнуть его под дверь, выйдя из комнаты. Но ключ лежал на столе... Кроме того, существенное значение имеет то, что Трэнсмир был убит выстрелом в спину...

— Почему же это так важно? — удивленно спросил журналист.

— Потому что это доказывает, что в момент убийства старик ничего не подозревал... Весьма странным обстоятельством является еще и находка драгоценностей. Да, сложное это дело!

Некоторое время спустя суд возбудил преследование по обвинению в умышленном убийстве против неизвестного и выразил порицание полиции за недостаточно энергичное расследование этого таинственного дела.

В этот день мисс Эрдферн дважды падала на сцене в обморок, и ее пришлось отвезти в отель в бессознательном состоянии.

Глава 11

Против Майфилда помещался дом Фергюссона Скотта — маленького, толстого и лысого человека в огромных очках в роговой оправе.

Скотт был необычайно взволнован преступлением. Он решительно заявил, что не желает ни во что вмешиваться. Какое ему до всего этого дело?.. И однако же говорил об убийстве с упоением.

— Достаточно уже того, что мы имеем несчастье жить на улице, где было совершено это ужасное преступление! — заявил он своей супруге. — Надо по крайней мере хоть держать себя так, чтобы нас оставили в покое, миссис Скотт.

— Но Эллина рассказывает... — начала миссис Скотт.

— Охота тебе слушать болтовню прислуги! — нетерпеливо прервал ее супруг. — Я не хочу, чтобы мое имя трепали в газетах...

Эти и тому подобные разговоры не мешали ему, однако, целыми днями просиживать у окна и наблюдать за Майфилдом. В комнатах его по вечерам мелькали огни, и мистер Скотт бормотал про себя: «Они все еще шарят там...»

Когда он встречался с соседями в пивной, он как бы невзначай замечал:

— Полиция все еще обыскивает дом старика Трэнсмистра. Я поневоле все вижу... Ведь мой дом как раз напротив...

Когда же свет перестал появляться в окнах Майфилда и все затихло, Скотту стало скучно.

— Что рассказывает Эллина? — спросил он однажды у своей жены. — Позовите-ка ее...

— У меня мороз пробегает по коже, сэр, когда я говорю об этом ужасном деле, — прошептала горничная. — Я уверена, что умерла бы со страха, если бы мне пришлось давать свидетельские показания на суде.

— Успокойтесь, вас не вызовут в суд, — нетерпеливо возразил Скотт. — То, что вы расскажете, останется тайной.

— В последние две недели у меня очень болели зубы, сэр, — начала горничная. — Обычно приступ начинается в половине двенадцатого и проходит к двум часам ночи. Это случается так регулярно, что я могу и не смотреть на часы...

— Я понимаю, — с раздражением промолвил Скотт, — Вы не спали в это время... Что же вы видели в Майфилде?

— Обычно я сижу у окна до тех пор, пока не утихнет боль, — продолжала горничная.

Скотту очень хотелось прочесть ей наставление о том, что не следует сидеть у окна с зубной болью, а тем паче — так пространно рассказывать об этом. Но он стиснул зубы и промолчал.

— Конечно, я в это время вижу все, что происходит на улице, — продолжала девушка. — И в первую же ночь я увидела маленький автомобиль, который подъехал к дому и остановился у входной двери. Из него вышла дама...

— Да?! — удивленно воскликнул Скотт.

— Дама... или девушка, — поправилась Эллина. — Она открыла ворота и въехала в сад. Меня это очень поразило: у господина Трэнсмира нет ведь гаража...

— Куда же она поставила автомобиль? — с досадой перебил ее мистер Скотт.

— Она оставила его в саду, — ответила горничная. — Потушив огни машины, она поднялась по лестнице и открыла дверь... В первую ночь в передней был свет, и я видела что она вынула ключ прежде, чем войти и закрыть дверь. Через несколько минут после ее приезда я увидела велосипедиста. Он подъехал к дому, слез с велосипеда и закурил сигару. Меня поразила его походка: он продвигался вперед какими-то странными маленькими шажками...

— И он тоже вошел в дом? — затаив дыхание, спросил Скотт.

— Нет... Он только дошел до калитки и прислонился к ней, видимо, в ожидании чего-то. Вскоре он бросил сигару и зажег другую. Тут я увидела его лицо... Это был китаец...

— Боже! — вскрикнул мистер Скотт. Известие о том, что около его дома бродил какой-то таинственный китаец, заставило его содрогнуться от ужаса.

— Когда он завидел вдали полицейского, он тотчас же вскочил на велосипед и уехал. Но как только полицейский исчез, он снова появился и стоял у калитки до тех пор, пока не открылась входная дверь Майфилда. Тогда он быстро вскочил на велосипед и уехал в противоположном направлении. Едва он исчез из вида, как молодая дама открыла ворота, вывела автомобиль, снова закрыла ворота и уехала... В тот же миг китаец опять появился и помчался за ней, как бы стараясь догнать автомобиль...

— Как странно! — воскликнул Скотт, который не мог прийти в себя от изумления. — Вы все это видели лишь один раз?

— Это повторялось каждую ночь! — воскликнула Эллина. — В пятницу я видела их в последний раз... Но в воскресенье ночью приехали два китайца; один из них вошел в сад и пробыл там очень долго... Я догадалась, что другой человек был также китаец, по его странной походке. Однако на этот раз они приехали не на велосипедах, а в автомобиле. Машину они оставили в конце улицы...

— Странно! — снова повторил Скотт.

— Сегодня полиция весь день выносила из дома различные вещи, — продолжала Эллина. — Ящики и чемоданы. Соседская горничная рассказала мне, что лишь сегодня ночью снимут охрану. Ведь с самого дня убийства дом все время охранялся полицией...

— Очень, очень странно, — пробормотал озадаченный хозяин. — Однако это не ваше дело, Эллина, — тотчас же строго добавил он. — Советую вам вырвать зуб и не сидеть больше по вечерам у окна.

Ночью Скотта разбудил легкий стук в дверь.

— Кто там? — спросил перепуганный хозяин.

— Это я, Эллина, — слышался робкий шепот. — Я пришла сказать вам, что они снова тут...

Первым движением Скотта было натянуть одеяло поверх головы и сделать вид, что он ничего не слышал. Однако любопытство взяло верх, и он не без опаски встал и накинул халат. Миссис Скотт даже не проснулась.

— Китайцы снова приехали, — пробормотала горничная, у которой зуб на зуб не попадал от страха. — Я видела, как один из них вошел в дом через окно...

— Подождите... Я возьму палку, — прошептал хозяин.

Он вернулся в спальню и схватил тяжелую трость, всегда стоявшую у изголовья кровати. Хотя он не имел ни малейшего намерения выходить за пределы своего дома, тем не менее счел благоразумным принять эту предосторожность.

Эллина осторожно приоткрыла ставню окна.

— Вот один из них, — сказала она, понизив голос до едва слышного шепота.

Скотт ясно увидел притаившуюся в тени фигуру. В полном молчании они наблюдали за ней в течение получаса. Фигура оставалась недвижимой.

Скотт подумал, что следовало бы позвонить в полицию, но сразу же отказался от своего намерения. Будь это обыкновенные громилы, он не задумываясь предупредил бы полицию. Но про китайцев он слышал, что они отличаются необычайной мстительностью.

Через полчаса из дома вышел второй китаец, подошел к первому, и оба исчезли за поворотом улицы.

— Хорошо, что вы меня разбудили, Эллина, — промолвил Скотт. — Однако советую вам никому не рассказывать о том, что вы видели. Вы не можете себе представить, какой жестокий народ эти китайцы: если они заподозрят вас, они не задумываясь заколотят вас в бочку с гвоздями и скатят с горы... Да! А посему держите язык за зубами!

Таким образом, никто не узнал о посещении И Лингом Майфилда, не узнал о том, что он искал маленькую лакированную коробку, в которой Джесс Трэнсмир хранил важный документ, написанный по-китайски рукою самого И Линга.

Глава 12

— Мисс Эрдферн покидает сцену! — воскликнул Тэб однажды вечером, возвратясь со службы. — Отныне она поселится у себя в деревне...

— Неужели? — спросил Рекс.

Казалось, он забыл уже свое восхищение артисткой. Во всяком случае, не стал расспрашивать друга о причине столь неожиданного ее решения.

Рекс еще не вполне оправился от нервного потрясения, и доктора советовали ему поехать за границу и отдохнуть.

Молодой человек хотел после путешествия снова вернуться к своему другу и поселиться в его квартире. Однако Тэб всячески отговаривал его.

— Вы теперь богатый человек, Бэби, — говорил он, — и я буду просто неловко себя чувствовать в одной квартире с миллионером. У вас завяжутся новые и интересные знакомства, вы должны будете принимать у себя друзей, устраивать обеды... Не можете же вы устраивать приемы в этой крошечной квартирке? Может быть, вы поселитесь в Майфилде?

Рекс вздрогнул.

— О, нет! — воскликнул он. — Я заколочу дом и оставлю его так, пока не забудется это кошмарное преступление... А затем, быть может, найдется и покупатель... Правда, Тэб, я отлично чувствую себя здесь, в вашей квартире, и мне никуда не хочется переезжать.

— А я гораздо больше думаю о собственных чувствах, чем о ваших! — с комическим отчаянием воскликнул журналист. — Можете считать, что я вас выгнал отсюда...

Рекс усмехнулся.

На следующий день он уезжал в Неаполь, и верный друг пришел на пристань, чтобы проводить его. Когда пароход отчаливал, Рекс крикнул:

— Не забудьте, Тэб, что вы обещали познакомить меня с мисс Эрдферн! Мне страшно неприятно, что она хотя бы косвенно оказалась замешанной в этом деле... Как же вы сами объясняете то, что ее драгоценности были найдены в подвальной комнате?.. Между прочим, не забудьте, что ключ от нее в моем чемодане... Это на тот случай, если он понадобится полиции. Хотя у них есть теперь второй ключ...

Тэб не успел ничего ответить Рексу.

Он с грустью посмотрел вслед удаляющемуся пароходу: Лендер был его лучшим другом, и он чувствовал, что дружбе этой теперь пришел конец. В прежние годы он был состоятельнее Рекса и часто выручал молодого человека, когда приходилось платить по счетам: Рекс жил всегда шире, чем мог...

Со времени следствия прошло уже около месяца. Тэб знал, что мисс Эрдферн была очень больна и переселилась за город, по всей вероятности в Стон-коттедж.

Молодой человек несколько раз порывался навестить ее, но всякий раз откладывал свое посещение. За это время он навел справки относительно молодой женщины.

Он узнал, что она выступала со странствующей труппой в маленьких ролях. И всегда бывала замечательно хороша. Затем вдруг перешла в «Атенеум» и выступала в «Тоске» во второстепенной роли. Театральная критика тотчас же обратила на нее внимание.

После трехмесячного непрерывного успеха «Тоску» сменила другая вещь, в которой мисс Эрдферн играла уже первую роль. Успех ее превзошел все ожидания, и она вскоре стала любимицей публики. Известию о том, что она навсегда покидает сцену, вначале не поверили. Однако это была правда: мисс Эрдферн действительно оставила театр.

Возвратясь к себе в контору после отъезда Рекса, Тэб нашел письмо от молодой женщины:

«Дорогой господин Холланд!

Возможно, вы пожелаете приехать в Стон-коттедж и навестить меня? Я буду очень рада. Кроме того, мне нужно переговорить с вами о деле...»

Тэб с нетерпением ждал следующего дня. В шесть часов он был уже на ногах. День выдался теплый и солнечный. Молодой человек отправился в Стон-коттедж к завтраку.

Мисс Эрдферн сидела на той же лужайке, на которой он ее увидел в первый раз. Ему показалось, что она сильно побледнела и осунулась.

Она протянула ему тонкую белую руку. Он взял ее так осторожно, что мисс Эрдферн невольно засмеялась.

— Ничего... ничего... моя рука не так уж хрупка, — сказала она. — Садитесь, господин Холланд.

— Мне гораздо больше по душе, когда вы меня зовете господином Тэбом, — заметил молодой журналист.

— Господин Тэб, могу я просить вас оказать мне дружескую услугу? — спросила молодая женщина.

Лицо ее стало серьезным.

Тэбу хотелось крикнуть, что он с удовольствием прошелся бы колесом или простоял бы полдня на голове, если бы только это могло ей доставить удовольствие.

— Не можете ли вы продать некоторые из моих драгоценностей? Из тех, что были найдены в подвальной комнате у Трэнсмира? — спросила мисс Эрдферн.

— А вы хотите продать их? — удивленно спросил молодой человек, — Разве вы...

И он не договорил.

— Нет, я не нуждаюсь в деньгах, — поняв его невысказанный вопрос, ответила она. — У меня достаточно средств, чтобы прожить без нужды...

— Зачем же вам продавать свои вещи? — спросил озадаченный Тэб.

— Мне теперь не нужны драгоценности! — грустно покачала головой мисс Эрдферн. — Я прошу вас продать их и обратить вырученную сумму на какое-нибудь благотворительное дело... Я сама не разбираюсь в этом...

— Вы говорите серьезно? — переспросил Тэб.

— Совершенно, — подтвердила она. — Эти вещи стоят от двенадцати до двадцати тысяч. Они принадлежат мне, — сказала она несколькими вызывающим тоном, что было, по мнению Тэба, совершенно излишним. — И я могу поступать с ними, как хочу.

— Но, дорогая мисс Эрдферн... — начал Тэб.

— Дорогой господин Холланд, — передразнила она его, — если вы хотите действительно помочь мне, то должны исполнить то, о чем я вас прошу.

— Конечно, ваше желание для меня закон! — с жаром воскликнул Тэб. — Но неужели вам не жалко расставаться со своими вещами?

— Мне еще тяжелее оставлять у себя эти вещи, — прошептала она. — Кроме того, у меня к вам еще большая просьба: никто не должен знать имени жертвовательницы. Вы можете написать, что пожертвование сделано светской женщиной, — все что хотите, только не артисткой... Вы обещаете мне исполнить эту мою просьбу?

Тэб утвердительно кивнул головой.

— Вещи здесь, — продолжала она. — Вчера я велела их привезти сюда. А теперь довольно говорить о делах, пойдемте завтракать...

Она взяла его под руку, и Тэб подумал, что с радостью понес бы ее на руках не только через эту освещенную солнцем лужайку, но и на край света.

Мисс Эрдферн не сразу повела его в дом, а показала сначала чудесный маленький китайский садик с карликовыми деревцами, крошечными мостиками и массой ароматных пестрых цветов.

— Вы только что думали о том, что с радостью понесли бы меня на руках хоть на край света? — неожиданно спросила она и лукаво улыбнулась.

Тэб растерялся и покраснел.

— Вы любите детей, господин Тэб? — вдруг так же неожиданно спросила мисс Эрдферн.

— Обожаю! — с горячностью воскликнул Тэб.

— И я также. Мне приходилось видеть в жизни много детей, — серьезно заметила она. — Они так близки к источнику жизни... Они как бы заключают в себе частицу божества...

Тэб слушал молча. Слова молодой женщины произвели на него глубокое впечатление. Он недоумевал, что означала ее фраза: «Мне приходилось видеть в жизни много детей». Быть может, она была раньше гувернанткой?..

Во время завтрака разговор принял более интимный характер.

— У вас много друзей? — поинтересовалась мисс Эрдферн.

— Увы! У меня лишь один друг, — улыбаясь, ответил Тэб. — И тот теперь так богат, что мне придется расстаться с ним. Я не хочу этим сказать, что Рекс изменился...

— Рекс? — переспросила молодая женщина.

— Да... Рекс Лендер, — уточнил Тэб, — который, кстати сказать, жаждет быть вам представленным... Он один из самых пылких ваших поклонников.

Сказав это, Тэб пришел в восторг от собственного благородства.

— А кто он, этот Рекс? — спросила мисс Эрдферн.

— Племянник Трэнсмита, — ответил журналист.

— Да... да! Я должна была догадаться... Вы как-то уже говорили о нем, — заметила молодая женщина и густо покраснела.

Тэб удивленно взглянул на нее: он был почти уверен, что никогда не упоминал при мисс Эрдферн имени Рекса Лендера.

— Да, конечно, он должен быть теперь очень богат, — задумчиво проговорила она. — Ведь он был единственным племянником старика Трэнсмита.

— Вы знаете об этом из газет? — быстро спросил Тэб.

— Нет... решительно нет! Я не читала ни одной заметки об этом убийстве. Я была слишком больна. Должно быть, мне кто-нибудь говорил... Итак, он теперь богат, — задумчиво продолжала она. — Скажите, он похож на своего дядю?

Тэб невольно улыбнулся.

— Я просто не могу себе представить двух более различных людей! — воскликнул он. — Рекс увалень и ленив, дядя же его, наоборот, был худощав и энергичен и отличался для своего возраста большой живостью... Между прочим, не помните ли вы, когда я говорил с вами в Рексе?

Молодая женщина покачала головой.

— Я не могу сейчас припомнить, — устало ответила она. — Я так утомлена, что мне не хочется ни думать, ни вспоминать... Где же теперь ваш друг?

— Он вчера уехал в Италию, — с некоторой грустью ответил Тэб.

На этом разговор о Рексе прекратился.

— Мне хотелось бы знать прошлое Трэнсмита, — задумчиво проговорил Тэб. — Оно, должно быть, очень интересно. Странно, что мы не нашли в доме ничего, что напоминало бы о его пребывании в Китае, кроме маленькой лакированной коробки, оказавшейся пустой... Меня страшно интересуется Китай и его обитатели. Мы так мало, в сущности, знаем о них...

— Меня они всегда поражают своей добротой, — заметила мисс Эрдферн, бросив на молодого человека быстрый взгляд.

— Как?! Вы знаете китайцев? — удивленно воскликнул Тэб. — Разве вы бывали в Китае?

Мисс Эрдферн покачала головой.

— Нет, просто я была знакома с одним или с двумя китайцами, — проговорила она и остановилась, как бы обдумывая, продолжать ли дальше. И неожиданно сказала: — Когда я ушла со службы...

Тэб удивленно уставился на нее и тотчас же спросил:

— Я не вполне понимаю, что вы подразумеваете под словом «служба»?

— То же, что и все, — с некоторой грустью ответила мисс Эрдферн. — Я работала кем-то вроде судомойки. На мне лежала обязанность чистить картошку, мыть посуду и так далее. В то время мне было лишь тринадцать лет... Но это уже «другой рассказ», как говорит Киплинг. В то время я познакомилась с китайцем, жившим в одном доме со мной. Сын его был очень болен. Я помогала бедному отцу ухаживать за мальчиком. Они очень нуждались: отец служил лакеем в китайском ресторане... Это был совершенно необыкновенный человек. Я и впоследствии виделась с ним.

— А мальчик выздоровел?

— Да. Полностью. Он нуждался только в тщательном уходе... Теперь он в Китае и занимает там какое-то важное положение.

— Мне все же хотелось бы знать и «другой рассказ», — промолвил молодой человек. — Я ведь большой поклонник Киплинга...

— С «другим рассказом» придется подождать, — улыбаясь ответила мисс Эрдферн. — Возможно, в другой раз... Между прочим, отец этого мальчика разбил мне маленький садик, которым вы только что любовались.

Возвращаясь от мисс Эрдферн, Тэб неподалеку от ее виллы столкнулся с запыленным, бедно одетым пешеходом. Это был китаец. В руках он держал небольшой плоский пакет.

Приблизившись к молодому человеку, он молча развернул тонкую бумагу и вынул из нее письмо.

Оно было адресовано мисс Эрдферн в Стон-коттедж. На бумаге же Тэб заметил китайские буквы — по всей вероятности, инструкции для посыльного.

— Где? — только спросил китаец, видимо, плохо говоривший по-английски.

Тэб указал ему виллу мисс Эрдферн и опрометью кинулся на вокзал, чтобы не опоздать на последний поезд.

В редакции остались недовольны рассказом молодого журналиста.

— Заметка теряет половину своей привлекательности, раз мы не имеем права назвать имя жертвовательницы, — сказал Тэбу редактор. — Неужели вы не могли убедить ее?

Тэб отрицательно покачал головой.

— Скажите по секрету, уж не собирается ли она в монастырь? — заметил редактор.

— Мне она ничего не говорила об этом! — с внезапным раздражением воскликнул Тэб. — Если же вам не нравится заметка, я могу ее взять обратно...

Эта угроза всегда достигала своей цели, ибо Тэба очень ценили в «Мегафоне».

Глава 13

В нескольких шагах от конторы господина Скотта находился ресторан «Тоби», куда ежедневно сходились к завтраку директора, управляющие и крупные служащие банков и контор.

Ресторан «Тоби» во многом походил, на клуб: у постоянных клиентов были излюбленные столики, которые никогда не отводились посторонним.

Почти все клиенты были знакомы между собой и во время завтрака обсуждали события дня. Если в ресторан заходили посторонние, они должны были довольствоваться скромным местом в углу, где не мешали интимным разговорам постоянных клиентов.

Вокруг Скотта в последнее время собирался ежедневно целый кружок слушателей.

— Я не могу понять, Скотт, — заметил один из них, — почему вы не вызвали полицию?

Скотт многозначительно улыбнулся.

— У меня был другой план, — подмигнул он. — Вместо того чтобы звонить в полицию, я хотел сам задержать этих китайцев... Но эта дура Эллина помешала мне: она боялась остаться одна. Я думаю, что мне незачем повторять, что я сообщаю вам все это под строжайшей тайной. Я и так дрожу, что эта бестолковая женщина может обо всем разболтать.

— А китайцы приходили еще после той ночи? — спросил другой собеседник.

— Нет. С тех пор я не видел больше ни их, ни женщины, приехавшей на автомобиле.

— Все же мне кажется, что нужно было бы известить полицию, — возразил тот же слушатель. — Вдруг ваша Эллина скажет об этом еще кому-нибудь. Поднимется шум... И вас могут спросить, почему вы скрыли то, что вам было известно...

— Это не мое дело, — с достоинством ответил Скотт. — Полиция сама должна следить за домом. Я нахожу, что суд совершенно правильно высказал ей порицание в этом деле.

Он заплатил по счету и направился к выходу. В это мгновение к нему подошел высокий худощавый человек и тронул его за рукав.

— Господин Скотт? — спросил он.

— Да... С кем имею удовольствие говорить?

— Я полицейский инспектор Карвер, — последовал ответ. — Я хотел лишь спросить вас о том, что вы видели из окна вашего дома накануне и после преступления в Майфилде?

Скотт побледнел как полотно.

— Проклятая Эллина! — пробормотал он. — Конечно же, эта дура разболтала все!

— Вы, кажется, изволили упомянуть имя своей служанки, сэр, — не без яда заметил Карвер. — Но гнев ваш едва ли справедлив. Случайно мне три дня кряду пришлось завтракать в этом ресторане, и согласитесь, что я не мог не заинтересоваться вашим удивительным рассказом. Вы так замечательно, так живописно излагали все подробности...

— И однако же я ничего не скажу вам, — пытаюсь сохранить достоинство, заметил Скотт.

Сыщик вздохнул.

— Напрасно! Совершенно напрасно! Я бы на вашем месте сделал обратное, — продолжал он. — Я не знаю, как на это посмотрит следователь, но, мне кажется, ваше упорство может показаться очень подозрительным, господин Скотт.

— Подозрительным?.. — пробормотал Скотт. — Хм! Вы, пожалуй, правы. Пройдемте в мою контору, господин Карвер. Я так и знал, что меня как-нибудь впутают в это ужасное дело! Ах, Эллина, Эллина! И нужно же было подсматривать за чужими домами!

Днем между Тэбом и Карвером происходил разговор, и сыщик сокрушался:

— Если бы этот болван догадался позвонить в полицию тотчас же — обе птицы были бы пойманы! Продолжать слежку за домом теперь бессмысленно... Меня интересует сейчас только женщина с черным чемоданом, приехавшая каждый день к Трэнсмиру в автомобиле.

Тэб ничего не ответил: он сразу догадался, что женщина была мисс Эрдферн.

Он вспомнил свою встречу с ней на рассвете, ее простое платье и стоявший на полу автомобиля черный чемодан.

Однако он не верил в то, что мисс Эрдферн была заодно с китайцами и посвящена была в их таинственные ночные похождения...

— Я лишь недоумеваю, почему они посещали дом после того, как мы его обыскали и сняли охрану? — задумчиво проговорил Карвер. — Надеялись ли они, что мы не заметили чего-нибудь ценного?

— Ведь в Майфилде теперь ничего не осталось? — быстро спросил Тэб.

— Ничего, кроме мебели, — ответил сыщик. — Несколько взятых нами вещей мы впоследствии вернули, между прочим, и так понравившуюся вам лакированную коробку... Господин Лендер имел намерение продать всю обстановку с аукциона. По всей вероятности, перед своим отъездом он поручил это сделать одному из агентов... Да. Эти китайцы положительно интригуют меня...

Тэб прошел по приглашению Карвера в его частную контору, и там приятели просидели до одиннадцати часов.

Разговор их был прерван телефонным звонком.

Карвер сразу же узнал взволнованный голос Скотта,

— Они здесь! — говорил этот голос. — Только что пришли! Женщина открыла им дверь... Автомобиль ее стоит около двери...

— Заметьте номер машины, господин Скотт! Слышите? — быстро проговорил Карвер. — Разыщите полицейского и расскажите ему все... Если же возле вашего дома его не окажется — сами задержите эту женщину...

Схватив шляпу, Карвер выбежал на улицу. Тэб последовал за ним. Они наняли первое попавшееся такси и бешено помчались по городу. Въехав на аллею, на которой был расположен Майфилд, они увидели огни удалявшегося автомобиля.

Скотт, стоя на панели, с комическим ужасом воскликнул:

— Уехали! Уехали...

— Почему вы не позвали полицейского?

— Я не нашел ни одного!

— А вы заметили хоть номер автомобиля?

Скотт сокрушенно покачал головой.

— Нет, он был закрыт черной бумагой, — проговорил он.

— Кого же, в сущности, вы видели?

— Китайца и женщину...

— Почему вы не задержали их?

— Не успел!

— Опишите мне хотя бы внешность этой женщины! — крикнул Карвер.

— Я был слишком далеко, я не разглядел ее... — развел руками Скотт. И с внезапным негодованием прибавил: — Возмутительно! Ни одного полицейского во всем Лондоне! Возмутительно!

Оставив Скотта, сыщик быстро пробежал через сад, открыл входную дверь и зажег свет в передней. Ему показалось, что здесь ничего не тронут.

Затем он перешел в столовую, и взгляд его упал на камин.

Камин был выложен красными кирпичами, соединенными цементом. Карвер, как ему казалось, в свое время тщательно осматривал его. Теперь он к ужасу своему убедился, что осмотр его был слишком поверхностен: один из кирпичей был вынут и лежал на столе.

Подойдя ближе, сыщик убедился, что то, что он принял за кирпич, было стальным, окрашенным в цвет кирпича ящиком.

— Какая мастерская работа! — с невольным восхищением воскликнул он. — Вероятно, это был единственный секретный ящик во всем доме! Должен сознаться, что я сплеховал: мне нужно было более подробно расспросить архитектора...

Ящик оказался пустым. В нем валялась только лента. Совершенно такая же лента лежала рядом на столе.

— В этом ящике хранились какие-то важные документы, — задумчиво сказал Карвер. — Две связки... как о том свидетельствуют ленты...

Он осмотрелся и вскрикнул:

— И лакированная коробка тоже исчезла! Я сам положил ее на каминную доску...

Карвер открыл дверь, ведущую в подвал, и убедился, что там ничего не было тронут.

— Придется еще порасспросить этого чудака, не желающего впутываться в дело, — с усмешкой заметил он.

При проверке оказалось, что Скотт был не так уж виноват: несмотря на панический страх, он все же вышел на улицу и сделал даже попытку найти полицейского. Убедившись в том, что его поблизости нет, он послал на поиски Эллину.

И куда сыщик допрашивал его, девушка действительно привела полицейского.

— Я не только вышел на улицу, но и вошел в сад, — продолжал оправдываться Скотт. — Вероятно, они меня увидели, ибо свет в столовой внезапно потух... и они бегом спустились по лестнице...

— И пробежали мимо вас? — с иронической улыбкой спросил Карвер.

— Нет... Я был уже по ту сторону улицы, когда они добежали до калитки, — ответил Скотт.

— Неужели вы не можете хотя бы в общих чертах описать наружность женщины? — снова спросил Карвер.

— Я заметил, что она молода, но не видел ее лица... Она была вся в черном и, как мне показалось, под густой вуалью... Китаец был ей только до плеча...

— Вот так неудача! — сокрушенно промолвил сыщик. — Если бы удалось их задержать, у нас, быть может, был бы ключ к разгадке таинственного убийства...

Они медленными шагами пошли по аллее.

— Почему вы так молчаливы, Тэб? — спросил Карвер. — И о чем вы так сосредоточенно думаете? Поделитесь со мною мыслями.

— Я думаю вот о чем, — проговорил Тэб. — Я думаю, что старик Трэнсмир был гораздо большим негодяем, чем мы это себе представляем...

Глава 14

На следующий день утром Тэб отправился в Стон-коттедж. Оказалось, что мисс Эрдферн вернулась в город, и молодой человек тотчас же направился в Централь-отель.

Как только журналист переступил порог ее маленькой гостиной, он почувствовал, что артистка догадалась о причине его раннего прихода.

— Вам спешно нужно меня видеть, не так ли? — спросила она. — В чем дело?

В голосе ее Тэб уловил теплые нотки, которых он не замечал раньше. Во взгляде прекрасных глаз светились доброта и глубокая печаль.

Молодой человек решил, что лучше всего прямо приступить к делу.

— Прошлой ночью некая женщина побывала в Майфилде в сопровождении китайца и исчезла в тот миг, когда в конце улицы показалась полиция. Эта же женщина обычно посещала старика Трэнсмира между одиннадцатью вечера и двумя часами ночи...

Мисс Эрдферн некоторое время задумчиво молчала.

— Я сказала вам, что не знала Трэнсмира, — промолвила она наконец совершенно спокойно. — Это была ложь с моей стороны... Я очень хорошо знала старика, но по некоторым причинам не могла сознаться в этом...

Затем она прибавила более тихим голосом:

— Я должна сознаться, что еще раз сказала вам неправду...

— О потере драгоценностей? — быстро спросил молодой человек.

— Да.

— Вы их вовсе не теряли?

— Нет. И мне было достоверно известно, где они находятся... Но я была страшно напугана и должна была принять какое-нибудь решение. Во всяком случае я не жалею об этом.

Последовало довольно продолжительное молчание.

— А полиция... знает? — спросила молодая женщина.

— Про вас? Нет, — быстро ответил журналист. — Однако легко может узнать. Не через меня, конечно...

— Сядьте, — сказала мисс Эрдферн, указав ему на кресло рядом с собой.

Тэб думал, что она готовится рассказать ему об исчезновении драгоценностей, но ошибся.

— Поймите, что я не могу еще объяснить вам причины всего происшедшего, — начала молодая женщина. — Во всяком случае могу лишь вас заверить, что ничего не знала об убийстве. Вероятно, вы так и думали?

Тэб утвердительно кивнул.

— Я ничего не знала об этом преступлении до воскресенья. Утром я собралась ехать в Стон-коттедж, купила по дороге газету и тогда только узнала об убийстве старика... Мне нужно было принять быстрое решение, и я пошла в полицейский участок и рассказала там то, что вы знаете. Я

знала, что коробка находится в подвальной комнате, и должна была тут же придумать какое-нибудь объяснение...

— Каким же образом она очутилась в подвальной комнате? — спросил Тэб, но, тотчас же поняв неуместность своего вопроса, густо покраснел.

— Это уже относится к «другому рассказу», — ответила артистка и устало улыбнулась. — Вы верите мне?

Он окинул ее быстрым взглядом, и глаза их встретились.

— Разве это имеет какое-нибудь значение? — спокойно спросил он.

— Для меня это имеет большое значение, — так же спокойно ответила она.

Тэб первый опустил глаза.

Мисс Эрдферн продолжала тем же спокойным тихим голосом:

— Можете ли вы помочь мне, господин Тэб? Не в том деле, о котором мы только что говорили...

— Я готов помочь вам и в этом деле, — горячо проговорил молодой человек.

— Я верю вам, — сказала мисс Эрдферн. — Но сейчас, как это ни странно, я не нуждаюсь в помощи... Дело, о котором я хочу вас просить, личного характера. Помните, вы говорили мне о своем друге?

— О Рексе? — удивленно спросил Тэб.

— Да... Ведь он уехал в Неаполь, не правда ли? — продолжала молодая женщина. — Я получила от него письмо с парохода...

Тэб улыбнулся.

— Бедный мальчик! Вероятно, он просит у вас фотографию с автографом?

— Больше того, — спокойно ответила артистка. — Господин Лендер сделал мне великую честь: он просит моей руки...

Тэб удивленно уставился на нее.

— Я не хочу показывать вам его письмо, — продолжала молодая женщина, — это было бы нехорошо с моей стороны... Он просит меня поместить ответ в «Мегафоне». Он говорит, что у него есть в Лондоне доверенный, который передаст его по беспроводному телеграфу... Я думала...

— Вы думали, что я являюсь этим доверенным? — перебил ее Тэб. — Нет, я ничего не знаю об этом.

Мисс Эрдферн облегченно вздохнула.

— Вы поместите ответ в газете? — быстро спросил молодой человек.

— Я уже послала его в «Мегафон», — тихо ответила девушка — Если он вас интересует — вот, пожалуйста...

Она подошла к письменному столу, взяла лист бумаги и передала его Тэбу.

«Рекс, то, о чем вы просите, совершенно невозможно. Я никогда не дам другого ответа».

— Мне довольно часто приходилось получать такие письма, — просто и спокойно сказала мисс Эрдферн. — Часто я даже не давала себе труда отвечать на них... Если бы я не знала, что господин Лендер ваш друг... не думаю, чтобы я ответила... Хотя... — задумчиво проговорила она, — племянник господина Трэнсмира имеет право требовать к себе некоторого внимания.

— Бедный мальчик! — сочувственно произнес журналист. — Сегодня утром я получил от него телеграмму: он доволен путешествием.

Тэб взял шляпу. Прощаясь с мисс Эрдферн, журналист сказал:

— Надеюсь, вы все же расскажете мне когда-нибудь и «другую историю»? Разумеется, если пожелаете... Я должен предупредить вас: полиция легко может обнаружить, кто была неизвестная дама, посещавшая Трэнсмира... Верьте мне, что я сделаю тогда все, что в моих силах, чтобы помочь вам...

Она схватила его руку обеими руками и воскликнула:

— В течение двенадцати лет я жила под страшным гнетом, под гнетом, созданным моим же честолюбием! И если полиция теперь заподозрит меня по той причине, что я внезапно покинула сцену...

— Это и была причина того, что вы покинули сцену? — быстро спросил молодой человек.

— Это была одна из двух причин, — неохотно ответила мисс Эрдферн.

Уже стоя на пороге, Тэб задал ей давно мучивший его вопрос:

— Вероятно, вам известно, что находилось в потайном ящике, сделанном наподобие кирпича?
— Я знаю лишь, что там были документы, написанные на китайском языке, — ответила артистка.

— Не думаете ли вы, что они могли послужить ключом к разгадке таинственного убийства? — продолжал допытываться Тэб.

Она отрицательно покачала головой.

Тэб улыбнулся ей на прощанье и вышел из комнаты.

Все его сомнения относительно мисс Эрдферн рассеялись: он понял, что беззаветно любит эту прекрасную девушку, любит с того самого вечера, когда в первый раз увидел ее.

Уэллингтона Броуна было трудно задержать: в руках полиции не было ни одного портрета этого таинственного человека. Правда, у одного из пассажиров парохода, на котором Броун прибыл из Китая, оказался случайно снимок группы, среди которой был и Уэллингтон, но лицо его вышло туманным и неясным.

При помощи этого снимка и указаний, данных Тэбом, одним из лондонских художников был сделан более или менее похожий на бородатого человека, перчатки которого были найдены в подвале дома Трэнсмита, рисунок, воспроизведенный потом во всех газетах.

Что касается Вальтерса, или Вальтера Феллинга, то он скрывался в небольшой, переполненной постояльцами комнатке гостиницы одного из бедных кварталов. Вряд ли даже самый опытный сыщик, несмотря на имеющиеся у полиции изображения, признал бы его сейчас: борода отросла, щеки ввалились, очертания лица совершенно изменились.

Вальтерс понимал, что ему нечего ждать пощады: все улики были против него.

Иногда по ночам, особенно в дождливую погоду, он отваживался выйти на улицу. Избегая кварталов, в которых его знали, он выходил на людную Рид-стрит, стараясь не попадаться на глаза полицейским.

Вальтерс прочел все газеты, какие мог достать, и запомнил почти каждую строчку, относящуюся к убийству в Майфилде. Вызывало недоумение, в какой мере причастен был Уэллингтон Броун к этому убийству. Тем не менее известие о розысках Броуна обрадовало его: значит, не он один находится под подозрением.

Однажды вечером, когда Вальтерс таким образом прогуливался по Рид-стрит, мимо него быстрой семенящей походкой прошел китаец. Он тотчас же узнал И Линга: хозяин «Золотой крыши» часто бывал в Майфилде.

Когда И Линг проходил мимо Вальтерса, лицо того было ярко освещено светом фонаря, однако китаец остался невозмутим, и Вальтерс решил, что погруженный в свои мысли И Линг не обратил на него внимания.

Если бы он знал, что китаец видел и признал его, он, вероятно, не спал бы всю ночь.

И Линг спокойно продолжал идти по Рид-стрит. Завернув в узкий переулок, он остановился перед запертым магазином и постучался в боковую дверь. Она тотчас же открылась, и китаец вошел в совершенно темную переднюю. Ощупью он поднялся по скрипучей лестнице в одну из боковых комнат, освещенных четырьмя свечами.

Стены комнаты были оклеены дешевыми, выцветшими от времени обоями. Единственной мебелью был широкий диван, на котором сидел пожилой китаец, что-то вырезывавший из слоновой кости.

— Ио Ленгфо, — спросил И Линг, — как себя чувствует ваш постоялец?

— Отлично, ваше превосходительство, — ответил китаец. — Он спал весь день и только что выкурил три трубки. Он также выпил виски, присланное вами...

— Я хочу видеть его, — произнес И Линг и положил на диван несколько монет.

Старик взял деньги, отложил свою работу и повел посетителя вверх по лестнице в небольшую комнату, скудно освещенную маленькой керосиновой лампой.

На старом полинявшем матрасе на полу лежал человек в одном нижнем белье, босой. Около матраса стоял поднос, на котором помещались трубка, стакан и часы.

Уэллингтон Броун с трудом приподнял голову и уставился на посетителя.

— И Линг, вы пришли покурить? — спросил он на кантонском наречии.

— Я не курю, — ответил китаец на том же наречии.

— Завтра мне нужно будет повидать старика Джесса... — промолвил Броун, и голова его снова тяжело опустилась на матрас. — Я должен поговорить с ним о важном деле... — пробурчал он уже сквозь сон.

И Линг нагнулся и дотронулся до его запястья своими тонкими желтыми пальцами: пульс был слабый, но ровный.

— Каждое утро освежайте эту комнату, — обратится И Линг к пожилому китайцу. — Не впускайте сюда других курильщиков... Вы понимаете, Ио Ленгфо, его нельзя выпускать отсюда.

— Но сегодня утром он уже порывался уйти, — заметил китаец.

— Он останется здесь долго: я хорошо знаю его. Когда он был на Амуре, то не выходил из дому в течение трех месяцев... Трубка должна быть всегда наготове. Вы меня поняли...

И Линг неслышными шагами спустился по лестнице и вышел на улицу.

По дороге в «Золотую крышу» он обернулся лишь раз, но этого было достаточно, чтобы заметить, что человек, которого он видел, входя в переулок, следит за ним. Теперь он был на другой стороне улицы и старался держаться в тени.

И Линг вошел в дверь своей квартиры, открыл отверстие в ящике для писем и принялся наблюдать.

Человек остановился по другую сторону улицы. Свет от фонаря падал на его затылок, лицо оставалось в тени.

«Это не полицейский», — подумал И Линг.

Он позвал слугу.

— Пойди за человеком, стоящим на той стороне улицы, — приказал он, — и проследи за ним...

Слуга вернулся через четверть часа и сказал, что незнакомец скрылся в толпе.

И Линг был уверен, что он не был ни полицейским, ни журналистом.

Глава 15

Тэб знал ресторан «Золотая крыша», и хозяин его очень интересовал журналиста. Он не раз пытался заговорить с ним, но китаец отделялся односложными, ничего не значащими ответами.

Однажды в редакции Тэб заговорил об И Линге с заведующим отделом новостей: ему известны были все городские сплетни, он был вроде ходячего справочника.

— Вы спрашиваете про И Линга? — посмотрел он на Тэба. — Престранный человек... Очень образован и начитан... Сын же его почитается в Китае одним из первых ученых. Вероятно, ему суждено сделать блестящую карьеру. Видели ли вы дворец, который старик строит в Шенфорде, по дороге в Хертфорд: все это для сына. Ходят слухи, что он будет назначен послом в Лондон, и отец готовит ему здесь резиденцию, достойную его высокого звания. Так, по крайней мере, мне рассказывал Скотт, маленький толстый архитектор, которого вы, вероятно, также знаете. Скотт вел подготовительные работы: здание будет иметь вид пагоды с двумя огромными бетонными колоннами... Скотт даже выражал опасение, что вид этого языческого храма будет не очень приятен нашему духовенству... Вам следует посмотреть эту постройку, Тэб. Там работают только китайцы.

В первый же свободный день Тэб отправился на автомобиле в Шенфорд. Он предпринял эту поездку не без тайной надежды встретиться с мисс Эрдферн. Ее вилла расположена была всего в семи милях от постройки.

В последнем письме молодая женщина писала Тэбу, что попросит его приехать к ней, как только ей понадобится его помощь.

Тэб издали заметил постройку. Впрочем, он уже и раньше, проезжая этой дорогой, обращал на нее свое внимание. Ее нельзя было не заметить: она стояла на вершине одного из немногих холмов этой равнины.

Стены наполовину были окончены. Одна из колонн также была уже почти готова: она возвышалась футов на пятьдесят над землей и увенчана была небольшим каменным драконом. Диаметр она была около пяти футов. Поблизости стояла одна из деревянных форм, в которой она отливалась.

Тэб пролез через отверстие в ограде, отделявшей имение И Линга от большой дороги, и с интересом стал наблюдать за работой китайцев.

Прилежание их было действительно замечательно: безмолвно, ни на миг не отвлекаясь, они клали кирпичи, утрамбовывали террасы, разбивали сад. Ни один из них не облокотился ни разу на лопату, не перекинулся словом с соседом, не закурил трубки.

На Тэба они не обращали ни малейшего внимания. Молодой человек воспользовался этим и прошел поближе к постройке. Вдруг один из китайцев сказал что-то товарищам, и все они громко рассмеялись. Тэб тщетно старался понять причину их смеха.

Он обернулся и увидел у ограды маленький автомобиль, сердце его усиленно забилося — он тотчас же узнал машину мисс Эрдферн.

— Что вы думаете об этой постройке? — спросила его девушка.

— Мне кажется, что это будет самый необычный дом во всем округе, — ответил он. И прибавил с улыбкой: — Вы должны быть рады, что вашим соседом будет китаец. Вы ведь так любите китайцев...

— Да, — быстро ответила мисс Эрдферн. — И Линг — приятный сосед.

— А вы разве его знаете?

Тэбу было любопытно: отречется она от этого знакомства или ответит уклончиво?

Но мисс Эрдферн без всякого смущения сказала:

— Да, я очень хорошо его знаю. Он хозяин «Золотой крыши», где я часто обедаю... А вы тоже его знаете?

— Немного, — ответил Тэб, оглядываясь на неоконченную постройку. — Вероятно, он очень богат?

— Не могу вам сказать, — ответила она. — Не думаю, чтобы эта постройка стоила так уж дорого... Рабочие-китайцы очень дешевы...

Она кивнула ему на прощанье и отъехала.

Тэб был сильно разочарован: он втайне надеялся, что мисс Эрдферн пригласит его к завтраку...

Прошла неделя со времени встречи Тэба и мисс Эрдферн у постройки И Линга.

За эту неделю Вальтерс еще более похудел и осунулся. В конце недели он нанялся лакеем на пароход дальнего плавания.

Постоялец Ио Ленгфо проспал всю неделю тяжелым сном курильщика опиума.

Инспектор Карвер всю неделю где-то рыскал, кого-то допрашивал, но никому не сообщал о результатах расследования.

Тэб слонялся по своей опустевшей квартире. От Рекса он получил телеграмму с известием, что здоровье того быстро поправляется: ответ мисс Эрдферн, по-видимому, не очень огорчил его.

В конце недели жизнь стала для Тэба совершенно несносной.

Когда он впал в отчаяние, произошло событие, которое инспектор Карвер в своих донесениях назвал «Вторым действием».

Дом, в котором жил Тэб, был четырехэтажный. В каждом этаже помещалось по одной квартире.

У каждого из четырех жильцов, кроме ключа от квартиры, был свой ключ от входной двери. Таким образом, вечером и ночью жильцы могли входить в дом, никого не беспокоя.

В субботу вечером Тэб знал, что останется один во всем доме: все остальные жильцы, как обычно, уезжали на два дня за город.

В самом верхнем этаже жил средних лет музыкант. Под ним — молодая пара: писатель и поэтесса. Затем шла квартира Тэба, а в нижнем этаже жил одинокий холостяк. Тэб точно не знал, чем он занимается. В доме говорили, что он служил в агентстве по объявлениям. Он очень редко бывал дома, и Тэб видел его всего лишь один раз.

Тэб вернулся домой в половине первого, после званого обеда в клубе. Когда он вошел в гостиную, его поразило, что люстра была зажжена; он помнил, что перед уходом погасил свет.

Кроме того, дверь в комнату Рекса была открыта, между тем как он не открывал ее со времени отъезда Лендера.

Глава 16

Тэб вошел в комнату Рекса и зажег свет; одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что кто-то хозяйничал тут во время его отсутствия.

Под кроватью его друга стояло два чемодана с вещами, которые молодой человек не взял с собой в дорогу. Теперь один из них лежал на кровати и был открыт.

Открыт он был весьма неумело валявшейся здесь же стамеской. Тэб сразу же узнал ее: она была взята громилой из коробки с инструментами на кухне.

Содержимое чемодана в беспорядке валялось на кровати: тут было старое белье, несколько книг, рисовальные принадлежности и пачка писем. Тэб по почерку заключил, что письма были от старика Трэнсмара.

Другой чемодан стоял нетронутым. Поскольку Тэб не знал, что находилось в чемоданах его друга, он не мог решить, унесли воры что-нибудь с собой или нет.

Тэб быстро прошел в свою комнату. Она была в полном порядке. Тогда он тщательно обыскал все остальные комнаты в надежде напасть на след громил. Поиски были тщетны, и он решил позвонить Карверу.

Через десять минут сыщик приехал к нему.

— Если бы это случилось днем, объяснение было бы простое, — сказал Тэб. — Входная дверь открыта весь день... Но когда я вернулся с обеда, она была заперта.

— Да, но каким же образом, по-вашему, преступник мог проникнуть в квартиру, даже если предположить, что входная дверь была открыта? — с сомнением спросил сыщик.

— На площадке лестницы есть окно, выходящее на карниз, — объяснил Тэб. — По этому карнизу ловкому человеку довольно легко добраться до кухонного окна.

— Во всяком случае вор проник не этим путем, — заметил Карвер, осмотрев запертое кухонное окно. — Он открыл дверь, как и подобает джентльмену... Между прочим, не знаете ли вы, что было в чемоданах Лендера? Не было ли в них случайно чего-нибудь ценного?

Тэб отрицательно покачал головой.

— Нет, в этом я совершенно уверен, — ответил он. — У бедного Рекса вообще не было ничего ценного. Он жил очень скромно.

Карвер прошел в комнату Рекса, опорожнил чемодан и внимательно осмотрел все вещи.

— По-видимому, вор искал что-то на дне чемодана... — заметил он. — Быть может, в этой коробке?

И он показал Тэбу маленькую деревянную коробочку с выдвижной крышкой.

— А вот и крышка! — добавил он, найдя ее на кровати. — Вы знаете, где находится сейчас господин Лендер?

— Через день или два он будет в Неаполе, — ответил Тэб. — Я пошлю ему туда телеграмму...

Друзья прошли в столовую. Карвер присел к столу и долго барабанил пальцами по скатерти, погруженный в глубокую задумчивость.

— Знаете ли, о чем я сейчас думаю? — спросил он наконец.

— Могу догадаться, — ответил Тэб и улыбнулся. — Вы думаете, что я напрасно потревожил вас из-за дела, которое недостойно вашего высокого внимания...

Карвер покачал головой.

— Я думаю вот что, — твердо и с расстановкой произнес он. — В вашей квартире был не кто иной, как убийца Трэнсмара... Если же вы меня спросите, на чем основано мое умозаключение, то я искренне затруднюсь вам ответить... Я всегда находил, что если вы в чем-нибудь убеждены инстинктивно, то не следует искать такому убеждению логического оправдания.

— Вы шутите? — недоверчиво спросил журналист.

— Нисколько, — ответил Карвер. — Мой инстинкт говорит мне, что рука, открывшая чемодан Лендера, убила старика Трэнсмира... Более того: когда вы мне позвонили, я почувствовал, что этот звонок имеет какое-то отношение к убийству в подвале...

На следующее утро, когда Тэб еще одевался, к нему неожиданно вошел жилец из нижней квартиры. Это был здоровый, хорошо сложенный человек, явный спортсмен.

— Надеюсь, вы не очень сердитесь на меня за мой вчерашний крик? — смущенно сказал он. — Я всю ночь и весь день провел в дороге и только что крепко заснул, возвратясь домой, как меня разбудил этот грохот в вашей квартире... Вероятно, вы уронили ящик или сундук?

— Увы, я совершенно невиновен в том, что сон ваш был так некстати прерван, — улыбаясь, возразил молодой человек. — Шум, который вы слышали ночью, произвел громила... Кстати, в котором это было приблизительно часу? — спросил Тэб.

— Между десятью и половиной одиннадцатого, — тотчас же ответил сосед. — Уже было совершенно темно.

— Вероятно, он уронил чемодан, пытаясь положить его на кровать, — задумчиво произнес Тэб.

— Ужасная досада! Ведь я видел его, когда он выходил из квартиры приблизительно полчаса спустя! — воскликнул жилец. — Я чувствовал себя настолько виноватым перед вами, что приоткрыл дверь, чтобы извиниться за свою резкость.

— Каков же он из себя? — спросил Тэб.

Жилец сокрушенно покачал головой.

— Он так быстро захлопнул дверь, что я не успел разглядеть его. Я заметил только, что его руки были в черных перчатках. Мне еще показалось странным, что вы носите черные перчатки.

Тэб передал все подробности этого рассказа Карверу.

Этим закончились субботние происшествия.

На следующий день вечером Тэб, оставшись дома, читал, расположившись в удобном кресле в гостиной.

Вдруг задребезжал звонок входной двери. Тэб почему-то вспомнил в это мгновение посещение Уэллингтона Броуна.

Отложив книгу, он спустился вниз и открыл дверь. Перед ним стояла мисс Эрдферн. Автомобиль ее был тут же, около панели.

— Я заехала по дороге в отель, — сказала она. — Могу я на минутку войти к вам?

Тэб успел заметить позади автомобильного кузова два объемистых чемодана.

— Разумеется! Разумеется! — воскликнул он и проводил свою неожиданную гостью в гостиную. — Здесь страшно накурено, — прибавил он и подошел к окну, чтобы открыть ставни.

Мисс Эрдферн быстрым движением остановила его.

— Ради Бога, не надо! — воскликнула она. — Мои нервы так напряжены, что я едва владею собой...

В глазах ее светился страх. Она помолчала мгновение и со странной улыбкой добавила:

— Я решила вновь поселиться в отеле. Дело в том, что в моей вилле появилось привидение...

— Привидение? — удивленно повторил молодой человек.

Мисс Эрдферн вновь улыбнулась.

— Я пошутила, — сказала она. — В моей вилле бродит не дух, а живой человек, одетый во все черное... Моя экономка видела его в прошлую ночь около виллы... Скажите мне совершенно откровенно, господин Тэб: может быть, это сыщик?

— Нет! — ответил Тэб. — Хотя Карвер и не говорит мне всего, но он никогда даже не упоминал вашего имени. Вы говорите, этот человек одет во все черное?

— Да, — подтвердила мисс Эрдферн, — во все черное. Даже на руках у него черные перчатки.

— Черные перчатки? — повторил Тэб. — Уж не тот ли это джентльмен, который посетил вчера мою квартиру?

И он рассказал мисс Эрдферн все, что произошло накануне.

— Да... Это странно, — задумчиво произнесла она. — Как раз прошлой ночью он не появлялся около моей виллы. Я вообще не из трусливых, но должна сознаться, что это очень неприятно, когда чувствуешь, что за каждым твоим шагом кто-то следит...

— Не знаете ли вы, как он приехал в Стон-коттедж: на автомобиле, на велосипеде или по железной дороге? — спросил Тэб.

На этот вопрос мисс Эрдферн не могла дать никакого ответа.

Тэб некоторое время сидел молча, что-то обдумывая.

— Жаль, что вы уехали из Стон-коттеджа, — промолвил он, наконец. — Я с удовольствием съездил бы к вам, чтобы выследить этого черного джентльмена... Я готов был бы провести в саду всю ночь напролет, только бы встретиться с ним.

Мисс Эрдферн пылливо взглянула на журналиста и сказала:

— А что, если бы я в понедельник вернулась в Стон-коттедж? Хотя мне так совестно...

— Бога ради! — остановил ее Тэб.

— Ну, хорошо. Но я даже не спросила вас, удобно ли это вам, — прибавила она смущенно.

Тэбу очень хотелось сказать ей, что не только понедельник, но и все дни его жизни были в ее распоряжении, но он предпочел промолчать.

Он проводил ее до автомобиля и вернулся к себе счастливым и довольным.

Глава 17

Тэб не знал, как приступить к рассказу о событиях в Стон-коттедже, чтобы не возбудить подозрений Карвера.

Он решил рассказать ему прежде всего о том, что видел молодую артистку, а затем как бы между прочим поведать о таинственном посетителе.

— Конечно, это не вор! — тотчас же заявил Карвер. — Вор не станет рядиться и пугать напрасно людей, которых собирается ограбить... Вероятно, мисс Эрдферн уже заявила об этом местной полиции?

Тэб пробормотал что-то невнятное. Он был уверен, что мисс Эрдферн этого не сделала.

— Возможно, это лишь совпадение, — задумчиво промолвил Карвер, — и человек в черном не имеет никакого отношения к убийству Трэнсмара... Все же он меня занимает... Как вы думаете, разрешит ли мне мисс Эрдферн приехать к ней вместе с вами?

Тэб не знал, что ответить. Но опасаясь, чтобы колебание его не было неправильно истолковано сыщиком, скрепя сердце, сказал:

— Я уверен, что мисс Эрдферн будет в восторге, если вы приедете!

— Прекрасно! Если только дела позволят мне, я непременно приеду, — пообещал Карвер.

Тэб вздохнул. Он много бы дал, чтобы дела не позволили сыщику поехать в Стон-коттедж.

В тот же вечер он послал молодой женщине записку, извещавшую ее о намерении Карвера. Мисс Эрдферн ответила, что она будет рада видеть сыщика у себя.

По некотором размышлении Тэб решил, что приезд Карвера может быть очень полезен мисс Эрдферн: защита сыщика могла ей понадобиться в будущем. Поэтому он искренне обрадовался, увидев сыщика на платформе вокзала за минуту до отхода поезда.

Когда приятели приехали в Хертфорд, было уже темно.

Выйдя на большую дорогу, на которой был расположен Стон-коттедж, они стали с большой осторожностью продвигаться вперед в тени ограды и добрались до виллы незамеченными.

Мисс Эрдферн встретила их на крыльце.

— Я велела закрыть все ставни, — прошептала она. — Господина Карвера посылает сама судьба: моя экономка уехала домой к больной матери... Надеюсь, что вы ничего не будете иметь против роли дуэньи, господин Карвер? — полушутя спросила молодая женщина.

— Где живет мать вашей экономки? — быстро спросил сыщик.

— В Фельбору... — удивленно ответила молодая женщина. — Бедная Маргарет едва поспела на последний поезд.

— А каким образом Маргарет узнала о болезни матери? — снова спросил сыщик. — Она получила телеграмму?

— Да.

— Сегодня днем?

— Да... Но почему вы это спрашиваете?

— Она получила телеграмму как раз вовремя, чтобы поспеть на поезд в город, а затем — на поезд в Фельбору. Не правда ли? Это совпадение и заинтересовало меня, — заявил сыщик. — Вы не видели черного джентльмена прошлой ночью?

— Я приехала сюда только сегодня утром, — озадаченно ответила девушка. — Вы думаете, что кто-то нарочно вызвал Маргарет? Что это была хитрость со стороны...

— Не знаю, — перебил ее сыщик. — В моей профессии приходится всегда предполагать худшее, и почти всегда я бываю прав... Когда вы обычно ложитесь спать? — спросил он.

— Здесь, в деревне, всегда в десять часов.

— В таком случае я очень прошу вас подняться в десять часов в свою комнату, зажечь огонь и через некоторое время потушить его. Если хотите, спуститесь после этого вниз. Но предупреждаю вас, что мы будем сидеть в темноте. Если вы пожелаете разговаривать, то можете делать это не иначе, как шепотом...

Сыщик улыбнулся, что с ним случалось весьма редко.

— Мне очень хочется встретиться сегодня лицом к лицу с этим таинственным джентльменом в черном...

Мисс Эрдферн подала закуски. После ужина гости помогли ей убрать со стола посуду. Тэб закурил трубку. Сыщик не пожелал курить.

Разговор не клеился. Все трое были поглощены своими мыслями.

Вдруг послышался тихий голос мисс Эрдферн. Она говорила почти шепотом:

— Мне хочется сделать вам как бы частичное признание, господин Карвер, — сказала девушка. — Я бы никогда не решилась на него, если бы это были не вы...

— Частичные признания ни к чему не ведут, мисс Эрдферн, — спокойно возразил сыщик. — Если бы я был на вашем месте, я не делал бы этого признания... Тем более что мне точно известно все, в чем вы готовы признаться...

Молодая женщина едва заметно вздрогнула и окинула сыщика удивленным взглядом. Зрачки ее расширились, брови вопросительно поднялись.

— Вы знаете?.. — стараясь сохранить спокойствие, спросила она.

Карвер утвердительно кивнул головой.

— Вы расскажете мне, что приезжали каждую ночь к старику Трэнсмиру и оставляли у него ларец с драгоценностями... Но это не было главной целью вашего посещения. Вы приезжали к нему, — медленно и с расстановкой произнес сыщик, — в качестве его секретарши и привозили с собой пишущую машинку «Корона» номер двадцать девять тысяч семьсот пятьдесят четыре... На этой машинке недостает одной целлулоидной клавиши, и буква «в» слегка выдается из строки...

Он на миг остановился, как бы стараясь проверить силу произведенного на нее впечатления, и затем продолжил:

— Возможно, вы не имели намерения рассказать мне, что были с И Лингом в Майфилде в ту ночь, когда мы почти настигли вас... Нет? Я вижу, что вы не собирались мне этого рассказывать. В таком случае ограничим ваш рассказ лишь тем, что было только что сказано.

Тэб от изумления не мог произнести ни слова. Он отказывался верить, чтобы мисс Эрдферн — одна из известнейших актрис — была секретаршей Трэнсмира.

Однако достаточно было взглянуть на нее, чтобы убедиться в правдивости слов сыщика.

— Каким же образом... вы это узнали? — прошептала она едва слышно.

Карвер улыбнулся.

— У нас в полиции больше умных и проницательных людей, чем вы думаете, — ответил он.

— Однако... — начала мисс Эрдферн и в нерешительности остановилась. — Вам известно еще другое? Например, почему мы приехали в Майфилд в ту ночь?

— Вы приехали, чтобы показать И Лингу секретный ящик в камине, в котором старик хранил свои бумаги, — спокойно ответил сыщик. — Вы ожидали, что в этом ящике окажутся документы, относящиеся к вам... но не нашли их... Только вот что неясно: был ли И Линг также разочарован или нет?

Мисс Эрдферн покачала головой.

— Так! — заметил Карвер. — Разумеется, документы были в лакированной коробке. В ней — двойное дно? Мои догадки правильны?

Мисс Эрдферн снова покачала головой.

— Нет, — ответила она. — И Линг думал, что они там... Документ, который он искал, оказался в секретном ящике...

— У вас есть ключ от Майфилда, — произнес Карвер после некоторого раздумья. — Мне думается, что лучше было бы, если бы вы передали его мне. Иначе у вас могут быть крупные неприятности...

Не возразив ни слова, мисс Эрдферн вышла из комнаты и, вскоре вернувшись, передала сыщику небольшой ключ.

Карвер посмотрел на него, положил в карман и заметил с усмешкой:

— Если бы я был писателем, от чего Бог меня миловал, то я назвал бы убийство Трэнсмара «Тайной трех ключей». Одна из них только что разрешилась. Впрочем, она и не была очень загадочной. Остаются еще две... Из них третья — самая трудная.

— Вы говорите о тайне ключа, найденного посреди стола в подвальной комнате? — быстро спросил Тэб.

— Да, — коротко ответил сыщик.

Мисс Эрдферн не задавала Карверу больше никаких вопросов. Молодой журналист глядел на своего друга с нескрываемым восхищением.

Карвер усмехнулся и взглянул на часы.

— Уже десять, — прошептал он, обращаясь к мисс Эрдферн, которая тотчас же встала и направилась к двери. — Нужно потушить здесь свет до вашего ухода. И вообще помните, что джентльмен в черном, вероятно, следит за каждым вашим шагом. Думаю, что лучше было бы также открыть портьеры.

Молодая женщина невольно вздрогнула. Тэб потушил свет. Карвер отодвинул тяжелые плюшевые портьеры. Ночь была ясная и звездная. Весь сад был отчетливо виден с террасы.

Карвер уселся у окна.

— Если вы хотите курить, Тэб, то спрячьтесь за портьеру, чтобы из сада не было видно огня, — прошептал он.

Через десять минут мисс Эрдферн вернулась на террасу.

— Можно мне посидеть с вами? — тихим шепотом спросила она. — Я уже потушила огонь в моей спальне.

Целый час они просидели на террасе, разговаривая шепотом. У Тэба, наконец, начали слипаться глаза.

— Тише, — произнес вдруг Карвер еле слышно.

Тэб взглянул в темноту и явственно увидел около калитки в саду очертания фигуры в широкополой шляпе.

Фигура начала приближаться к дому... Когда она была уже на полпути, перед ней появилась другая фигура, выросшая, казалось, прямо из-под земли.

Человек в широкополой шляпе не сразу ее заметил... Через минуту они уже лежали на земле. Между ними, по-видимому, завязалась борьба.

На террасе все были так изумлены, что не могли пошевелинуться. Карвер опомнился первым и бросился бежать по дорожке, Тэб тотчас последовал за ним.

Когда они добежали до калитки, обе фигуры исчезли. Карвер распахнул калитку, бросился вперед и споткнулся о неподвижную, распростертую на земле человеческую фигуру.

Он быстро вынул из кармана электрический фонарь и направил свет на лежавшего: перед ними был бесчувственный китаец И Линг.

Глава 18

Карвер огляделся по сторонам в надежде увидеть таинственного человека в черном, но в одном и в другом направлении дорога была пустынна.

Однако взглядевшись внимательнее во тьму ночи, он различил очертания фигуры, кравшейся вдоль ограды, и тотчас же бросился за ней.

В ста ярдах от дома дорога пересекалась аллеей, в которую и свернул таинственный человек в черном. Добежав до поворота, сыщик услышал лишь шум мотора и увидел огни удалявшегося автомобиля.

Раздосадованный, он вернулся обратно в дом. И Линг сидел в комнате мисс Эрдферн, положив голову на руку.

— Как вы себя чувствуете, И Линг? — спросил Карвер. — Расскажите же нам, что произошло...

— Я еще не совсем пришел в себя, — ответил китаец.

К удивлению сыщика, он говорил на прекрасном английском языке, без малейшего иностранного акцента.

И Линг укоризненно посмотрел на молодую женщину.

— Отчего же вы не предупредили меня в своем письме, что к вам приедут эти господа? — спросил он.

— Когда я писала вам, И Линг, я не знала, что они приедут, — ответила девушка.

— Если бы я пришел сюда немного раньше, то увидел бы его, — задумчиво произнес китаец.

— Теперь же я боюсь, что только испортил вам, господин Карвер.

И китаец уставился своими темными невыразительными глазами на сыщика.

— Разглядели ли вы хоть немного его лицо? — спросил Карвер.

— Увы, нет... но... почувствовал его кулак, — улыбаясь, заметил И Линг и потер рукой ушибленную голову. — Мне кажется, что у него не было никакого оружия...

— А лица его вы так и не видели? — настаивал Карвер.

— Увы... нет! — Мне лишь показалось, что он бородат, — ответил китаец. — Боюсь, что я слишком понадеялся на свои силы, — прибавил он, обращаясь к хозяйке дома. — Во времена студенчества я слыл чемпионом... В то время студенты-китайцы были еще в диковинку...

— Как, вы учились в университете?! — удивленно воскликнул Тэб. — А я думал...

Он в замешательстве остановился.

— Вы думали, что я — из рабочих, не так ли? — улыбаясь, промолвил И Линг. — Я, правда, одно время сильно нуждался... Мисс Эрдферн помнит эти тяжелые дни... Мы жили тогда с ней в одном доме, и ей я обязан спасением жизни моего сына...

Тэб вспомнил рассказ молодой женщины о том, как она ухаживала за больным китайским мальчиком, когда сама была еще почти ребенком. И многое стало ему понятно.

— Я не думала, что вы придете сегодня вечером, И Линг, — сказала мисс Эрдферн, как бы прося извинения у китайца. — Вы ведь просили меня известить вас, если у меня будут какие-то неприятности...

— Да, я вижу, что только помешал, — с горькой улыбкой заметил китаец. — Вероятно, вы и не подозреваете, мисс Эрдферн, что я бдительно наблюдаю за вами... Вот уже семь лет, как я лично или кто-нибудь из моих слуг следит за каждым вашим шагом. Даже когда вы ездили...

Тут он в нерешительности замолк и посмотрел на сыщика.

— Даже когда мисс Эрдферн ездила к старику Трэнсмиру, вы дежурили около дома... Вы хотели это сказать, не так ли, И Линг? — промолвил Карвер. — Мне это отлично известно. И мисс Эрдферн осведомлена, что я знаю об этом...

— Да, я именно это и хотел сказать, — признался китаец. — Обычно я следовал за мисс Эрдферн из театра в отель. Затем из отеля к дому Трэнсмира и снова в отель, когда она возвращалась домой.

— Но ведь я и не знала, что вы меня так охраняли! — воскликнула молодая женщина. — Какой вы добрый, И Линг!

В глазах ее показались слезы, и Тэб в душе позавидовал китайцу.

— Доброта — понятие относительное, — заметил китаец, доставая папиросу.

Он спросил глазами хозяйку дома разрешения закурить. Она молча кивнула, и в ловких руках китайца тотчас же неизвестно откуда появилась спичка.

— Разве вы не спасли жизнь моему сыну? А ведь он — единственная моя отрада. Вам, как литератору, господин Холланд, это может показаться обычным восточным преувеличением, но для меня забота о мисс Эрдферн — долг всей моей жизни...

И без дальнейшего предисловия И Линг рассказал историю, не вполне известную и мисс Эрдферн.

— Я приехал в эту страну много лет назад, — начал свой рассказ китаец, — и работал в китайском ресторане. Теперь я владелец его. Я говорю не о «Золотой крыше», а о маленьком ресторане на Рид-стрит. Быть может, вас удивляет, почему образованный человек занялся таким презренным ремеслом, да еще в чужой стране? Но дело в том, что мне пришлось быстро и почти тайно покинуть родину из-за политических осложнений... Все это — воспоминания далекого прошлого...

Он глубоко затаился и некоторое время, поглощенный воспоминаниями, молча курил.

— Дела мои шли хорошо, — продолжал китаец. — Однажды вечером в мой ресторан зашел Трэнсмир. Я его не сразу узнал. У нас в Китае мы его называли Ши Со. В ту пору это был здоровый, сильный человек, очень жестокий с подчиненными. Мне достоверно известно, что он подвергал жесточайшим мукам людей, чтобы выведать, кто и куда прятал золото, пропадавшее с его приисков... Мы разговорились с ним, и он спросил меня, выгодно ли затеянное мною дело. Я откровенно ответил ему, что если вести ресторан умело — можно нажить большие деньги... Этот разговор и положил начало нашему дальнейшему сотрудничеству. Оно продолжалось до самой его смерти...

Снова наступило довольно продолжительное молчание. Все с напряженным вниманием ждали продолжения рассказа.

— Мы с ним заключили соглашение, — продолжал И Линг, — по которому он получал три четверти дохода от нового ресторана «Золотая крыша». Старик приходил за деньгами еженедельно в понедельник. Кроме того, мы подписали соглашение о том, что в случае его смерти ресторан переходит в мою полную собственность. Это соглашение каждый из нас скрепил своей личной печатью, которая в Китае равносильна подписи...

— «Печатью» называется у вас маленькая печатка из слоновой кости с китайской буквой? Обычно она помещается в небольшой коробочке, также из слоновой кости? Не правда ли? — перебил его Карвер.

Китаец утвердительно кивнул головой.

— Документ этот хранился у меня, но за несколько дней до смерти Трэнсмир попросил его, чтобы снять с него копию. Вы, вероятно, знаете, что старик говорил и писал по-китайски не хуже меня... Вы понимаете, что мне во что бы то ни стало нужно было найти этот документ после убийства старика: потеря его означала для меня просто разорение. Документ этот, насколько я помнил, находился в маленькой лакированной коробке...

— Разве наследники Трэнсмистра могли оспаривать право владения этим рестораном? — спросил Карвер. — Или существуют еще документы, утверждающие права наследников на «Золотую крышу»?

Китаец удивленно посмотрел на сыщика.

— Для этого не требуется документов, — спокойно возразил он. — Мы, китайцы, имеем свои представления о правах: если бы мне не удалось найти своего договора с Трэнсмиром и господин Лендер по возвращении из Италии сказал бы мне: «Этот ресторан принадлежал моему дяде», — то я ответил бы: «Да, это правда», — и даже пальцем не пошевелил бы, чтобы оградить свои права.

Китаец произнес последние слова с большим достоинством, и Тэб невольно проникся уважением к нему.

— И вы... нашли договор? — быстро спросил Карвер.

— Да, сэр, — ответил китаец. — Он был вынут из лакированной коробочки, в которой я его передал Трэнсмиру, и лежал в другом месте. Я нашел и его, и еще некоторые документы, не имеющие сейчас особенного значения...

— Ужасно досадно, что мне не удалось схватить этого человека в черном, — внезапно прибавил он, обращаясь к мисс Эрдферн. — Он уже довольно давно следит и за мной... Я уверен, что это он...

Карвер быстро набросал несколько строк в своей записной книжке и спросил, глядя китайцу прямо в глаза:

— И Линг, кто убил старика Трэнсмира?

Китаец покачал головой.

— Не знаю, — ответил он. — Я сам недоумеваю, каким образом могло быть совершено это убийство. По-моему, в подвальной комнате существует какой-то потайной ход. Иначе я отказываюсь понять, как мог туда проникнуть преступник и скрыться...

— Если существует такой потайной ход, — с усмешкой промолвил Карвер, — то для меня его тайна совершенно необъяснима: как мог он остаться неизвестным архитектору, производившему работы, с которым я по этому поводу беседовал? Нет, потайного хода, по моему убеждению, не существует, И Линг, Мы раскроем тайну убийства лишь после того, как будет пойман преступник. И мне думается, что это Броун или Вальтерс...

— Броун невиновен, — сказал уверенно И Линг. — Он был со мной, когда было совершено убийство.

Все удивленно посмотрели на китайца. Даже мисс Эрдферн, казалось, была изумлена

— Знаете ли вы, что ваше утверждение имеет громадное значение? — воскликнул Карвер.

— Да, конечно, — спокойно ответил китаец. — Я сказал вам сущую правду: если убийство было совершено в субботу днем, то Броун в нем участия не принимал. Повторяю: он был все время со мной... Место мне не хотелось бы называть. Если же вы спросили бы меня, где он находится в настоящее время, то я ответил бы, что не знаю...

— И сказали бы неправду, — заметил сыщик.

— Да... сказал бы неправду, — тотчас же согласился китаец.

Карвер бросил на собеседника быстрый взгляд.

— А не можете ли вы мне сказать, как он был одет, когда явился к вам? — спросил сыщик.

Китаец пожал плечами.

— Как всегда, очень бедно, — сказал он.

— А перчаток у него не было на руках?

— Нет. Это было первое, что мне бросилось в глаза, — ответил И Линг. — Он даже в самые жаркие дни носил перчатки. По-видимому, вы придаете этому обстоятельству существенное значение?

— Вы мне задали новую загадку, — не отвечая на его вопрос, заметил сыщик.

Вскоре после этого разговора И Линг уехал.

Карвер принялся раскладывать на террасе бесконечные пасьянсы, а Тэб с хозяйкой дома вышли в сад.

Уже брезжил рассвет, и молодые люди прогуливались по дорожкам сада, разговаривая об искусстве и о природе.

Когда окончательно рассвело, Карвер отправился в аллею, где видел ночью таинственный автомобиль. По следам на песке он решил, что это была весьма сильная машина и что шины на ней были совершенно новые.

— Неизвестный человек в черном очень плохо управлял автомобилем, — заметил он, обращаясь к Тэбу. — Отъехав немного, он почти попал в пруд, а затем налетел на телеграфный столб... Вероятно, автомобиль его был сильно поврежден, ибо на столбе осталась краска... Если судить по ней — автомобиль был новый или свежевыкрашенный.

Таким образом завершилось вторичное появление «джентльмена в черном».

Третье его появление произошло при более драматических обстоятельствах.

Глава 19

Уэллингтон Броун проснулся утром свежим и бодрым. Обычно он пробуждался с тяжелой головой и затуманенными мозгами, и первым его желанием было выкурить трубку...

Он открыл глаза, осмотрелся кругом, и рот его искривился в презрительной усмешке.

Он много дней курил почти беспрерывно и невольно подумал, что когда-нибудь совсем не очнется от такого запоя...

Броун сел на матрасе и с удовольствием вдохнул свежий воздух, шедший из растворенного окна. Затем встал и, пошатываясь, начал ходить по комнате: ноги еще отказывались повиноваться ему.

В комнату вошел Ио Ленгфу с подносом, на котором помещались неизменная бутылка виски и очередная трубка.

— Можете убрать эту трубку к черту! — крикнул Броун слегка прерывающимся, но твердым голосом.

— Трубка, выкуренная утром, заставит вас видеть все в ином свете, — вкрадчивым голосом произнес китаец.

— Трубка, начатая утром, не кончается и со звездами, — проговорил Броун, отвечая китайцу восточной пословицей.

— Может, ваше превосходительство разрешит мне прислать вам завтрак? — тем же вкрадчивым голосом продолжал китаец.

— Я и так слишком долго оставался в этой проклятой курильне! — воскликнул Броун. — Какой сегодня день и какой месяц по иностранному летосчислению?

— Я не знаю иностранного летосчисления, — ответил китаец. — Если же ваше превосходительство согласится остаться здесь еще несколько часов...

— Я не останусь и часа в этой проклятой дыре! — воскликнул Броун. — Где И Линг?

— Я сейчас пошлю за ним, — засуетился старик.

— Не нужно! — приказал Броун и принялся шарить по карманам: к его удивлению, все деньги были целы.

— Сколько я вам должен? — спросил он китайца.

Ио Ленгфу покачал головой, что должно было означать: «ничего».

— Значит, здесь — благотворительное учреждение? Я и не знал этого! — с иронической усмешкой заметил Броун.

— Все расходы оплачены добрейшим И Лингом, — ответил старик.

— Вероятно, старый черт Трэнсмир замешан во всем этом, — проворчал европеец по-китайски.

Ио Ленгфу, очевидно, не понял его. Броун решительно прошел мимо него и, спустившись по шаткой лестнице, очутился на улице.

Он чувствовал большую слабость во всем теле. Яркий дневной свет ослепил его. На душе стало веселее.

В конце узкого переулка он простоял несколько секунд в нерешительности и затем повернул налево. Это спасло его от встречи с инспектором Карвером, который заходил в тот день к хозяину «Золотой крыши».

Уэллингтон Броун направился в парк и устало опустился на скамью. Он с наслаждением вдыхал свежий воздух и даже не замечал сильной жары.

Вскоре, почувствовав голод, он прошел в летний ресторанчик, напился чаю и закусил.

После этого он снова сел на скамью и предался мечтам. Уэллингтон Броун по природе был лентяй и не любил утруждать себя работой.

Когда стемнело и на небе показались первые звезды, Броун вздрогнул от холода и инстинктивно направился к освещенным улицам.

На одной из главных аллей парка он заметил человека, медленно шедшего ему навстречу. Поравнявшись с Броуном, этот человек окинул его быстрым взглядом и мгновенно отвернулся.

— Эй, погодите, я вас знаю! — крикнул Броун. — Чего же вы отворачиваетесь от меня? Ведь я не прокаженный...

Человек остановился и опасливо огляделся по сторонам.

— Я не знаю вас, — быстро ответил он.

— Наглая ложь! — не унимался Броун. — Я вас где-то встречал, но сейчас не могу припомнить где. Быть может, это было в Китае?.. Меня зовут Броун... Уэллингтон Броун.

— Да... быть может, это было и в Китае, — сказал незнакомец.

Тон его голоса вдруг сделался необычайно ласковым. Он дружески взял Броуна под руку и, сойдя с аллеи, повел его по зеленой лужайке.

Влюбленная парочка, сидевшая на скамейке неподалеку, слышала, как Броун с жаром сказал:

— Я никому не позволю думать, что я был его приказчиком или служащим! Я был ровней ему — соучастником в деле!..

В тот же час другой человек, также заинтересованный судьбою Трэнсмира, готовился к дальнему путешествию.

Вальтерс нанялся лакеем на пароход, готовившийся отплыть в Южную Америку.

Он с радостью думал об отъезде и считал минуты, оставшиеся до отхода парохода.

У Вальтерса были довольно большие сбережения, и он мечтал начать в новой стране новую жизнь.

Багаж его был уже на пароходе, он же сам решил отправиться на пристань с наступлением темноты.

Он пошел пешком, стараясь держаться более людных улиц. Еще месяц тому назад он не решился бы идти по этим улицам, теперь же дело было уже забыто: даже самые ходкие газеты не посвящали ему больше ни одной строчки.

Вальтерс незамеченным дошел до гавани и стал подниматься по лестнице на палубу парохода.

— Явитесь к старшему лакею! — сказал ему дежурный служащий.

Вальтерс прошел к конторе старшего лакея, где уже выстроилась длинная очередь младших служащих.

Вальтерс не очень огорчился бы, если бы ему пришлось прождать весь вечер, до самого отхода парохода. Однако очередь двигалась быстро, и он вскоре очутился в маленькой конторе.

— Честь имею явиться, сэр, — произнес он. — Джон Вилльямс, лакей...

И вдруг остановился: за дальним концом стола сидел инспектор Карвер.

Первым движением Вальтерса было броситься бежать. Но около двери уже стоял полицейский.

— Вы можете арестовать меня, господин Карвер, — воскликнул Вальтерс, когда полицейский надел ему на руки наручники. — Но я не виновен в убийстве Трэнсмира...

— Мне нравится ваше спокойствие и самоуверенность, — промолвил Карвер.

Сыщик сделал знак двум полицейским, и они повели Вальтерса на пристань.

Тэб, поджидавший внизу, подошел к Карверу.

— Вы думаете, что действительно поймали его? — спросил он своего друга.

— Кого? Вальтерса? — переспросил тот. — Да, я совершенно уверен в этом.

— Нет... Я хочу сказать другое... — перебил его Тэб — Вы совершенно уверены, что задержали убийцу Трэнсмира?

— Этого я еще не могу сказать, — ответил сыщик. — Во всяком случае ему трудно будет доказать, что он непричастен к этому, но прошу вас не говорить, что он обвиняется в убийстве. Мне нужно кой о чем еще осведомиться... Возможно, если вы придете... позже в участок, я сумею рассказать вам уже гораздо больше... Особенно, если Вальтерс будет настолько благоразумен, что не откажется сообщить все, что ему известно об убийстве. Впрочем, он славный малый и не станет напрасно заператься.

Карвер не ошибся: Вальтерс не только устно, но и письменно изложил все, что знал о преступлении в Майфилде.

«Показания Вальтерса Феллинга».

Меня зовут Вальтер Джон Феллинг. Иногда я называл себя Вальтерсом, иногда — Маком Карти. Я трижды отбывал наказание в тюрьме за кражи. В июле 1913 года я был приговорен к пяти годам тюрьмы и заключен в Ньюкастл. В 1917 году я был выпущен из тюрьмы и служил в армии в качестве повара до 1920 года. После демобилизации я узнал от одного из приятелей, что господин Трэнсмир ищет лакея. Я знал, кто такой Трэнсмир, знал, что старик очень богат и скуп, и явился к нему с поддельной рекомендацией. Рекомендация была дана мне неким господином Колиби, который вообще занимается подобного рода делами. Когда старик Трэнсмир спросил меня, какое я желаю получить жалование, я назвал сумму гораздо ниже той, которая обычно платится лакею, и он тотчас же принял меня на службу. Не думаю, чтобы он писал Колиби с целью навести обо мне справки. Но если бы даже он это сделал, я был совершенно спокоен на этот счет: мой друг Колиби ответил бы ему вполне положительно.

Когда я поселился в Майфилде, там было еще двое слуг: миссис и мистер Грин. Сам Грин — австралиец, а жена его, насколько мне помнится, — уроженка Канады. Он служил у старика в качестве дворецкого. Между ним и стариком часто происходили недоразумения. Он не любил Трэнсмира, и старик также недолюбливал его.

Приблизительно в эту пору мне удалось незаметно припрятать несколько ценных вещей: золотые часы и пару серебряных подсвечников. Тут произошел скандал с Гринами: хозяин заметил, что они отдают объедки своему зятю, и сразу же отказал им.

Обнаружив пропажу часов и серебряных вещей, он обыскал их комнаты. Конечно, мне было очень досадно и обидно за Грина, но я не мог ничем ему помочь...

После отъезда Гринов я должен был исполнять обязанности и лакея, и дворецкого. Очень скоро я обнаружил, что все ценности старик хранит в подвальной комнате. Я никогда не был в ней, но знаю, что к ней ведет коридор, начинающийся в столовой: я видел несколько раз дверь открытой и мог, нагнувшись, разглядеть коридор.

Я надеялся, что рано или поздно мне удастся осмотреть более тщательно весь дом. Однако это оказалось не так легко. Но вот — за неделю или за две до убийства — с Трэнсмиром случился припадок; пока он лежал в полубессознательном состоянии, мне удалось снять с его шеи ключ и сделать отпечаток на куске мыла... Впрочем, припадок длился недолго: едва я успел надеть на шею старика цепочку с ключом, как он пришел в себя.

С тех пор я начал работать над ключом. Вот и все, что я могу сказать про подвальную комнату, которой никогда не видел.

Каждый день я ложился спать в десять часов. Старик сам запирает дверь, отделяющую мою комнату от всего дома. Поэтому я не знал, что происходит в доме по ночам.

Однажды после ночного припадка, когда я не смог прийти ему на помощь, старик повесил запасной ключ от двери, отделявшей меня, в стеклянный ящик: в случае тревоги я имел право разбить его и вынуть ключ.

Вскрыть стеклянный ящик для меня не представляло больших трудностей, и я часто пользовался впоследствии этим ключом.

В первый раз я воспользовался им, когда услышал голоса в столовой. Я недоумевал, кто мог прийти к Трэнсмиру в такой поздний час. Однако я не решился спуститься вниз, так как передняя была освещена. В другой раз, когда в передней не было огня, я, набравшись храбрости, сошел вниз.

Я увидел молодую женщину. Она сидела за столом и писала на пишущей машинке под диктовку старика, который ходил взад и вперед по комнате, заложив руки за спину. Это была самая красивая и изящная молодая женщина, какую я когда-нибудь видел... Почему-то лицо ее показалось мне знакомым. Однако я не знал, кто она, до тех пор, пока не увидел ее портрет в иллюстрированном журнале: это была известная артистка мисс Эрдферн.

В следующий вечер я снова спустился; на этот раз старик не диктовал, а разговаривал с молодой женщиной.

Она приезжала, таким образом, из театра каждый вечер и оставалась у старика иногда до двух часов ночи.

Однажды старик строгим голосом спросил: «Урсула, где же булавка?» Молодая женщина тотчас же ответила: «Она же должна быть здесь!» Трэнсмир пробормотал что-то про себя, а затем воскликнул: «Да! Вот она!»

В конце концов мне удалось таки кое-чем поживиться... (Тут Вальтерс подробно описал все присвоенные им вещи.)

Когда старик оставался один, он обыкновенно усаживался за стол с кистью в руке. Перед ним стояло небольшое фарфоровое блюдо. Я не знаю, что он раскрашивал, ибо никогда не видел ни одной его картины. Я часто наблюдал за ним по ночам и неизменно заставлял его за этим занятием. Он никогда не рисовал на полотне, а всегда на бумаге, и черными чернилами. Бумага была очень тонкая: окно как-то было раскрыто, и один из листов вылетел при порыве ветра...

Я наблюдал за ним через стекло, находившееся над дверью: стоя на лестнице, можно было таким образом разглядеть часть комнаты. Когда старик сидел на определенном месте, мне его было отлично видно.

В то утро, когда я покинул так внезапно Майфилд, я работал над изготовлением ключа. Я мог заниматься этим совершенно спокойно, ибо хозяин никогда не заглядывал в мою комнату. Кроме того, из предосторожности я всегда запираю дверь на ключ.

Я подал хозяину завтрак. Мы говорили с ним про Броуна, которого я выпроводил из дому. Старик сказал, что я поступил правильно. Он прибавил, что полиция разыскивает Броуна, и выразил удивление по поводу того, что тот вообще решился приехать сюда. Еще он рассказал мне, что Броун — пьяница, курильщик опиума и вообще дрянной человек. После завтрака он приказал мне уйти, и я понял, что он собирается в подвальную комнату: он всегда спускался туда по субботам после завтрака.

Приблизительно без десяти минут три я был в своей комнате и снова принялся за ключ. Я только что принес себе из кухни чашку кофе, когда внизу зазвенел звонок. Я отворил дверь: передо мной стоял телеграфист. Он подал телеграмму. Она была адресована мне. В ней было сказано, что в три часа за мной явится полиция, причем упоминалось о моем осуждении в Ньюкастле...

Я пришел в ужас: если меня схватят — я погиб. Я стремглав бросился по лестнице, вбежал в свою комнату, схватил в охапку ценные вещи и пулей вылетел из дома. Было, по всей вероятности, около трех часов.

Когда я выходил из двери, то увидел господина Лендера. Он был всегда ласков со мной, и я очень любил и уважал его.

Покойный Трэнсмир недолюбливал племянника: он считал, что молодой человек ленив и расточителен. При виде господина Рекса у меня душа ушла в пятки. Господин Лендер спросил меня, не заболел ли старик. Я постарался овладеть собой, сказал ему, что послан по спешному поручению, и выбежал на улицу. К счастью, я тут же нашел такси и благополучно доехал до Центрального вокзала.

Однако я не выехал из города, я решил, что лучше всего мне спрятаться в городе, и отправился в небольшую гостиницу на Рид-стрит, где и скрывался все это время.

Господина Трэнсмира я так и не видел после завтрака. Он даже не вышел спросить меня, кто звонил, когда пришел посланный с телеграммой. В дом часто приходили поставщики и посетители, и мне было строго приказано докладывать лишь в важных случаях.

Я никогда не был в подвальной комнате и даже не переступал порога подвального коридора. У меня никогда не было огнестрельного оружия.

Настоящее показание дано мною добровольно, без принуждения. Я ответил на вопросы, поставленные мне инспектором Карвером, без какого бы то ни было давления с его стороны».

Глава 20

— Вот показание Вальтерса! — воскликнул Карвер, обращаясь к журналисту. — Ни одна строчка из него не должна попасть в печать... Что вы о нем думаете?

— Мне оно кажется правдивым, — заметил молодой человек.

Сыщик несколько раз кивнул головой.

— Мне также, — промолвил он. — В глубине души я всегда был убежден, что этот Вальтерс, или Феллинг, невиновен в убийстве... Та часть показания, которая относится к посещениям мисс Эрдферн, несколько неясна... Многое же мне кажется странным, прежде всего вопрос старика относительно булавки...

— Вы, конечно, думаете о булавке, найденной нами в подвале? — быстро спросил Тэб.

Карвер тихо рассмеялся.

— И да, и нет, — ответил он. — Для меня очевидно, что булавка, о которой спрашивал Трэнсмир, принадлежит к числу драгоценностей мисс Эрдферн. Старик, по всей вероятности, проверял содержимое ларца...

Тэб некоторое время сидел молча, как бы что-то обдумывая.

— Вы хотите сказать, что драгоценности принадлежали Трэнсмиру. Вы думаете, что он лишь давал их напрокат артистке и та должна была каждый вечер после представления доставлять их обратно? — спросил он наконец.

— Я не могу придумать другого объяснения, — ответил Карвер. — Иначе чем же объяснить ее работу у старика по ночам? Трэнсмир часто занимался театральными антрепризами, и я совершенно убежден, что он оплачивал театральные постановки мисс Эрдферн... Вероятно, он увидел ее однажды на сцене и решил заработать на ее даровании.

— Однако мне все же неясно, — не унимался журналист, — почему мисс Эрдферн согласилась быть секретаршей старика? Почему она, как раба, работала на него, в то время как спектакли с ее участием имели неизменный успех?..

Карвер в упор посмотрел на молодого человека.

— Вероятно, старику было известно что-то из прошлой жизни мисс Эрдферн... — тихим голосом проговорил он. — Что-то, что она тщательно скрывала.

Тэб нахмурился, брови его сердито сдвинулись.

— Я отнюдь не думаю, что это было что-нибудь позорное! — воскликнул он. — Я уверен, что со временем мисс Эрдферн сама расскажет нам об этом... Пока же это не имеет большого значения.

Тэб отправился домой в половине двенадцатого. Он был очень опечален словами сыщика. Какая могла быть тайна у молодой женщины? Почему эта тайна переплелась с загадочной смертью старика?..

Дома его ожидала телеграмма от Рекса из Неаполя:

«Еду в Египет. Совершенно поправился. Вернусь через месяц».

Тэб добродушно улыбнулся: он надеялся, что слова «совершенно поправился» относятся не только к расстроенным нервам его приятеля, но и к неудачному юношескому увлечению.

Собираясь войти к себе в квартиру, Тэб на мгновение остановился. Он услышал какой-то странный звук. Когда же он входил в переднюю, ему показалось, что из гостиной блеснул свет, который тотчас же погас.

Тэб стремительно распахнул дверь в маленькую гостиную. Все ставни в ней были закрыты. Между тем он помнил, что не закрывал их.

Вдруг он услышал в комнате чье-то тяжелое дыхание.

— Кто здесь?! — крикнул журналист и протянул руку к выключателю.

Но прежде, чем пальцы его коснулись выключателя, его что-то больно ударило. Удар был так силен, что Тэб упал на колени и на минуту почти лишился сознания.

Кто-то пронесся мимо него в темноте. Он услышал стук захлопнувшейся двери и быстрые шаги по лестнице... Затем гроыхнула тяжелая входная дверь.

Тэб все еще продолжал стоять на коленях. По лбу его струилась теплая струйка крови. Боль и кровь заставили его очнуться. Он, шатаясь, поднялся на ноги и зажег свет.

Удар был нанесен ему стулом, лежавшим опрокинутым тут же около двери.

Молодой человек подошел к зеркалу и принялся разглядывать рану: хотя это была лишь поверхностная царапина, из нее все же обильно сочилась кровь.

Тэба спасло то, что удар пришелся по косяку двери, — ножка стула лежала отбитая на полу.

Тэб промыл рану и перевязал голову. После этого он вернулся в гостиную. Его поразил царивший в ней беспорядок: все ящики его стола были опорожнены, бумаги валялись на полу и на столе. Один из ящиков, в котором хранились документы и который обычно был заперт на ключ, был взломан, и документы в беспорядке рассеяны по всей комнате. Маленькое бюро, стоявшее у стены, также было вскрыто.

В спальне царил такой же беспорядок: все ящики, коробки и столы — все было отперто, вещи вынуты и разбросаны по комнате.

В комнате Рекса был вскрыт чемодан, оставшийся нетронутым в первое посещение грабителя. Он стоял на кровати, а содержимое его валялось на полу.

Золотые часы Тэба с цепочкой, лежавшие на видном месте, не были тронуты. Коробка, в которой он хранил деньги, была вскрыта. Однако ни один цент не был украден.

Тут молодой человек сделал странное открытие: в одном из ящиков письменного стола лежали его фотографии, снятые в прошлом году по просьбе многочисленных теток. Ящик был вскрыт, и каждая фотография была разорвана на четыре части.

Тэб недоумевал, что мог искать в его квартире таинственный посетитель?

Он хотел позвонить Карверу, но аппарат оказался испорченным. Тэб нанял первое попавшееся такси и в полночь, когда сыщик уже собирался уходить, влетел к нему в кабинет.

— Ого! — воскликнул Карвер. — Да вы, кажется, ранены?

— Опять тот же таинственный человек... — ответил Тэб. — Между прочим, Карвер, я намерен возбудить дело против человека, продавшего мне мебель: он клялся, что это красное дерево, а сегодня я на собственной голове убедился, что это простая сосна...

— Присядьте, — сказал сыщик. — Неужели он посетил вас вторично?

Тэб утвердительно кивнул головой.

— И самое досадное — что я застал его в квартире!

Тэб подробно рассказал своему другу все, что с ним случилось.

— Я пойду с вами и осмотрю квартиру, — предложил сыщик, — хотя не думаю, чтобы это помогло нам разгадать тайну... Любопытно было бы знать: зачем он порвал ваши фотографии?

— Вероятно, он имеет основание не любить меня, — ответил Тэб. — Я уже старался припомнить всех преступников, поимке которых я так или иначе способствовал... Это не может быть Харри Болтер: по моим расчетам он еще в тюрьме. Не может также быть Лоу Сорки, который, по слухам, после тюрьмы сделался миссионером. В свое время он обещал покончить со мной...

— Вы можете быть совершенно уверены, что ни один из них не причастен к посещению вашей квартиры, — заметил Карвер. — Расскажите мне лучше еще раз все, что случилось с того момента, как вы вошли в квартиру. Прежде всего, закрыли ли вы за собой дверь?

— Да, конечно, — удивленно ответил Тэб.

— Затем вы вошли в гостиную, и он бросил в вас стулом? В комнате было совершенно темно? — продолжал расспрашивать сыщик.

— Да. Совершенно.

— Даже на площадке лестницы не было света?

— Нет.

— И он пробежал мимо вас и скрылся? Вы хорошо помните это, хотя были уже в полубесчувственном состоянии?

— Я отлично помню, что он пробежал и хлопнул дверью, — все более и более недоумевая, ответил Тэб.

Карвер быстро записывал слова журналиста в своей записной книжке теми причудливыми стенографическими знаками, которые никто не умел разбирать, кроме него самого.

— Теперь, Тэб, подумайте хорошенько, прежде чем ответить, — предупредил сыщик. — Что было в чемоданах вашего друга? Припомните вообще что-нибудь, касающееся старика... Почему-

то я совершенно уверен, что неизвестного, вторично удостоившего вашу квартиру своим посещением, интересовали именно вещи Лендера, а не ваши...

Тэб глубоко задумался.

— Нет, — наконец признался он. — Решительно ничего не могу припомнить.

— Что делать! — вздохнул сыщик. — А теперь пойдём посмотрим на вашу квартиру... Когда все это произошло?

— Приблизительно полчаса или час назад, — ответил молодой человек. — Я пытался звонить к вам...

— Но аппарат оказался испорченным, — перебил его сыщик. — Так уж обычно бывает, что он всегда портится, когда в нем испытываешь действительную необходимость.

Приятель вышел из участка и направился к такси, в котором приехал Тэб.

В тот же миг другое запыленное такси стремительно подкатило к дому и остановилось перед ними.

Из автомобиля вылез странно одетый, взъерошенный человек, в пиджаке поверх пижамы, с растрепанными волосами. Лицо его было взволнованно и красно. Господину Скотту, по-видимому, некогда было одеваться.

Он стремительно кинулся к Карверу и прошептал:

— Они снова пришли...

Глава 21

К большому удовольствию господина Скотта, причастность его к делу Трэнсмира не только не пошатнула его социального положения, но, наоборот, придала его личности особый интерес.

Правда, газеты, переставшие уже давно интересоваться убийством, не уделили ему ни единой строчки. Зато более узкий кружок, мнением которого он особенно дорожил, собиравшийся ежедневно в ресторане «Тоби» и обсуждавший за вкусным завтраком события дня, всецело одобрил его решение.

Впрочем, Скотт ежедневно заявлял своим приятелям:

— Что касается меня, то я больше не вмешиваюсь в это дело. Полиция поступила в высшей степени невежливо по отношению ко мне, никто даже не подумал поблагодарить меня...

По правде говоря, господин Скотт и не надеялся на благодарность. Он ожидал совершенно другого: еще недавно он вздрагивал при малейшем шорохе и звонке в передней, не говоря уже о том, что он истерзал бедную Эллину, по несколько раз в день отказывая ей и снова принимая ее на службу.

Однажды он небрежно заметил за завтраком:

— Я уже сказал этому тупоголовому инспектору Карверу: «Не ждите от меня больше никаких сведений».

— А что же вам на это ответил Карвер? — с любопытством спросил один из слушателей.

Скотт с презрением пожал плечами.

— Что мог ответить Карвер? — с иронической усмешкой заметил он. — Если бы расследование было поручено умному и ловкому человеку, преступник уже давно был бы повешен.

Выдержав небольшую паузу, он добавил:

— У них была возможность реабилитировать себя, но, разумеется, они прозевали ее. Когда китаец с женщиной были в доме, я почти задержал их. Если бы полиция тогда подоспела вовремя, они не ушли бы. А вот... выскользнули между пальцев. Я не люблю злословить, но мне кажется, что полиция играет какую-то странную роль. Во всяком случае, я умыл руки и покончил с этим делом, — заключил он с важностью свой рассказ.

Господин Скотт дважды в день повторял, что умыл руки в этом деле: за завтраком — своим друзьям, а за обедом — жене.

Так было и в этот вечер. День выдался исключительно жаркий, и Скотт, приняв вечером ванну и облачившись в шелковую пижаму, сел у растворенного окна и с наслаждением вдыхал вечернюю прохладу.

Он увидел, как соседи Мендерсы возвратились из театра, заметил, что другой его сосед, Трэмми, вернулся домой сильно навеселе и долго спорил о чем-то с шофером такси.

Скотт докурил папиросу и готовился уже отойти от окна, когда внимание его привлекли двое прохожих, медленно приближавшихся к дому. Вдруг они завернули в Майфилд.

Скотт насторожился. До него донесся низкий грудной голос:

— Позвольте вам сказать, друг мой, что Уэллингтон Броун верный друг, но и опасный враг...

Скотт затрясся от волнения: Уэллингтон Броун... Тот самый человек, портреты которого он видел в газетах, которого разыскивала полиция...

Другой прохожий ответил что-то тихим голосом. Скотт напряг слух, но ничего не мог разобрать.

— Это не угрозы... — послышался снова грудной голос Уэллингтона Броуна.

Оба спутника поднялись по лестнице и исчезли в доме.

Дрожа от страха, Скотт поднялся с места и подошел к телефону, чтобы позвонить Карверу. Однако ему не удалось этого сделать по той же причине, что и Тэбу: аппарат был испорчен.

Спотыкаясь, он прошел в комнату, накинул поверх пижамы костюм и бегом спустился по лестнице. Он забыл даже надеть ботинки и выбежал на улицу в ночных туфлях.

Остальное известно.

Глава 22

— Кто и куда пришел? — удивленно спросил Карвер.

— В Майфилд... Двое мужчин... — прерывающимся от волнения голосом прошептал Скотт.

— Двое мужчин пришли в Майфилд? — повторил сыщик. — Когда же?

— Не помню точно. Один из них Броун... — продолжал толстяк.

— Как?! Уэллингтон Броун? Вы в этом уверены? — спросил изумленный сыщик.

— Я слышал его голос... Могу под присягой подтвердить это на суде... — шептал Скотт. — Я сидел у окна и курил папиросу...

Но Карвер уже не слушал его: он кинулся в контору, снова появился через мгновение на улице и, почти втолкнув Тэба в такси, приказал шоферу мчаться стремглав к дому Трэнсмира.

— Я должен был вернуться, чтобы взять ключ от подвальной комнаты, — объяснил он Тэбу. — И, кроме того, эту игрушку.

Тэб слышал щелканье револьвера.

— Если только толстяк не страдает галлюцинациями, то мы будем свидетелями важных событий, — прошептал сыщик.

Он посмотрел в окошко позади кузова: на небольшом расстоянии за ними следовал другой автомобиль.

— Я захватил с собой всех свободных людей, — продолжал Карвер. — Уж не знаю, нашлось ли место для господина Скотта. Иначе придется толстяку идти пешком, — прибавил он с усмешкой.

Майфилд был погружен в полнейшую темноту, когда они подъехали к дому.

Карвер выскочил из автомобиля и, пробежав асфальтовую дорожку, бегом поднялся по лестнице. Тэб следовал за ним по пятам.

Еще миг — и Карвер осветил карманным фонарем замочную скважину и широко распахнул дверь. В то же время полицейские окружили дом.

В передней было совершенно темно. Карвер зажег свет и вошел в столовую. Дверь, ведшая в подвал, была открыта.

— Ого!.. — пробормотал Карвер многозначительно.

Он вернулся в сад, чтобы отдать необходимые приказания людям.

Затем в сопровождении Тэба быстро спустился по каменным ступеням вниз. Дверь в подвальную комнату была заперта. Там было темно.

Карвер быстро вынул из кармана ключ — тот самый, над которым тщетно трудился Вальтерс, — и широко распахнул дверь.

Повернув выключатель, он зажег свет и в ужасе остановился на пороге: посреди комнаты на полу лежал ничком Уэллингтон Броун, весь в крови.

На столе же, как и в день убийства Трэнсмира, лежал тот же окровавленный ключ.

Карвер взял ключ в руки. Никаких сомнений не могло быть: это был ключ старика.

Сыщик в полнейшем недоумении уставился на своего Друга.

— Что вы обо всем этом думаете, Тэб? — спросил он.

Молодой человек не сразу ответил. Он стоял на пороге и пристально смотрел на блестящий у его ног предмет.

— Опять булавка! — удивленно воскликнул Карвер.

Он велел тщательно обыскать весь дом. Однако поиски не привели ни к чему; таинственный спутник Броуна успел скрыться, хотя запах пороха в подвале свидетельствовал о том, что выстрел был произведен совсем недавно.

После того как тело Броуна было осмотрено врачом и убрано, Тэб сказал своему другу:

— Карвер, я сделал непростительную ошибку. Я виноват, что мы остались в дураках. Я мог бы помешать этому второму преступлению, если бы только вспомнил...

— Что же именно? — рассеянно спросил сыщик, как бы нехотя отрываясь от своих мыслей.

— Ключ был в чемодане Рекса, — понурился, сообщил журналист. — Теперь я припоминаю, что он сказал мне это перед отъездом...

Карвера заявление Тэба не удивило.

— Я уже догадался об этом, — ответил он. — Вероятно, нам обоим пришла в голову эта мысль, когда мы увидели ключ на середине стола. Теперь мне ясно, зачем он приходил к вам: в первый раз ему помешал ваш сосед. Сегодня же ночью он добился своего...

Некоторое время сыщик стоял молча, как бы что-то обдумывая.

— Опять эта загадка... — продолжал он. — Каким образом ключ очутился на середине стола? И эта булавка... Снова булавка... Странно...

Он прошелся взад и вперед по комнате.

— И опять не найдено никакого оружия, — продолжал сыщик как бы про себя. — Теперь уже это не может быть делом рук Вальтерса. Это второе убийство снимает с него и тень подозрения. Мы можем обвинить его в краже, по его собственному признанию, но не более... Тэб, я снова спущусь в подвальную комнату. Мне нужно еще кое-что осмотреть... Вы же останьтесь здесь...

Карвер пропал пол часа. Тэб уже начал беспокоиться и был рад, когда снова увидел худощавую фигуру своего друга.

Сыщик безмолвно прошел в переднюю, где дежурил полицейский, и строго приказал ему:

— Не впускайте никого в этот дом!

Затем он поехал с Тэбом на квартиру журналиста и тщательно осмотрел все комнаты. Больше всего его заинтересовали разорванные фотографии. Он поднес их к свету и стал внимательно разглядывать.

— Ни малейшего отпечатка пальцев... — пробормотал Карвер. — Несомненно, он опять был в перчатках. Я недоумеваю... — начал он и поднес обрывки снимков ближе к свету. — Да... Я так и думал! — воскликнул сыщик и подозвал своего приятеля.

Лицо Тэба на фотографии было перечеркнуто черным крестом.

— На вашем месте, Тэб, я бы крепко-накрепко запер дверь сегодня ночью, — сказал Карвер. — Я не хочу вас напрасно пугать, но... джентльмен в черном ни перед чем не остановится... У вас есть револьвер?

Тэб покачал головой. Сыщик вынул из кармана свой револьвер и положил его на стол.

— Возьмите пока мой, — промолвил он. — И не раздумывая стреляйте, как только увидите кого-нибудь у себя в квартире сегодня ночью...

Глава 23

Тэб сидел в редакции, погруженный в работу. Наконец он поставил точку, с наслаждением откинулся на спинку стула и закурил.

Мысли его всецело были заняты ночным происшествием. Тэб не придавал серьезного значения предостережению друга: он был совершенно убежден, что джентльмен в черном приходил лишь за ключом.

Если кому-нибудь могла грозить опасность, то скорее Рексу. Может быть, у Трэнсмира были еще родственники? Они могли быть недовольны тем, что состояние старика перешло к Бэби?..

— Какой вы счастливец, Тэб! — вдруг воскликнул журналист, сидевший рядом. — Вы замешаны в таинственные дела... А у меня ничего за пять лет, кроме всякой пустяковой дребедени. Но что это за рисунок? — прибавил он, взглянув на стол Тэба.

— План подвальной комнаты, — ответил Тэб.

— Убитый лежал там же, где и в прошлый раз, в том же положении? — с любопытством спросил журналист.

— Да... Приблизительно, — ответил Тэб.

— И в комнате нет окна? — продолжал расспрашивать журналист.

Тэб покачал головой.

— Да если бы убийца был карликом, он не мог войти иначе, как через дверь, — тотчас же ответил он.

Во время этого разговора вошел издатель. Он редко появлялся в комнате журналистов и вообще редко бывал в редакции в этот поздний час. Это был полный седой человек, очень обходительный в обращении.

— Пойдемте со мной в кабинет, Холланд, — пригласил он молодого журналиста.

Тэб нехотя повиновался.

— Вы разузнали, где скрывался Броун? — спросил толстяк в кабинете.

— Я предполагаю, что он провел все это время в тайной курильне опиума, — ответил журналист. — И Линг...

— Хозяин «Золотой крыши»? — быстро перебил его издатель.

— Он самый, — подтвердил Тэб. — Он намекнул на то, что Броун был у него. Броун ведь известный курильщик...

— Неужели никто так и не разглядел его спутника? — продолжал издатель.

— Никто его не видел, кроме Скотта, — ответил молодой человек. — Но Скотт был так напуган, что не мог описать нам его наружности. И несомненно, никто не видел, как он уходил из Майфилда... Когда мы приехали, его уже не было.

Издатель некоторое время молча смотрел на Тэба.

— А как вы объясняете то обстоятельство, что на столе снова был найден ключ?

Тэб беспомощно развел руками.

— А я знаю, что это означает, — медленно и с расстановкой произнес толстяк. — Это очень ловкий ход со стороны убийцы. Он, видимо, его долго обдумывал...

Молодой журналист окинул издателя удивленным взглядом.

— Разве вы не понимаете? — продолжал тот. — Ведь если бы даже убийца Трэнсмира (он же, вероятно, и убийца Броуна) был схвачен, пришлось бы, прежде чем судить его, доказать, что он мог войти в подвальную комнату, выйти из нее, запереть дверь и положить ключ на стол... А как это доказать?

— А Карвер говорит... — начал Тэб.

— Я знаю теорию Карвера, — прервал его издатель. — Он думает, что первоначально намерением преступника было оставить подле старика оружие, чтобы таким образом навести полицию на мысль, что Трэнсмир покончил с собой. Но в таком случае незачем было убивать старика в спину... Нет, я не согласен с этой теорией. Вчера вечером я беседовал по этому поводу с известным адвокатом, и он вполне согласен со мной... Убийца, повторяю вам, знал, что делал: он

правильно рассчитал, что пока не будет объяснено, каким образом ключ очутился на столе после того, как дверь была заперта снаружи, вину его доказать невозможно...

Издатель умолк и некоторое время испытующе смотрел на молодого журналиста.

— Должен вам сказать, Холланд, — начал он, — что из-за этого дела поднимается страшная шумиха и кто-то сильно пострадает, если преступник не будет обнаружен. А пострадает, несомненно, ваш друг Карвер, которому было поручено расследование первого убийства... Я люблю Карвера, но должен сознаться, что он сплеховал... и не буду защищать его...

Издатель снова помолчал и сказал:

— И вы также сплеховали, мой друг. Вы должны были сразу же отмежеваться от Карвера, подготовить читателя к возможной неудаче. Не буду распространяться о том, что случится с вами, если вы не распутаете этого дела... Вы сами это отлично понимаете... Нужно найти виновного, Холланд!

— Я понимаю, сэр, — с грустной улыбкой ответил Тэб.

— Нужно сделать все возможное, чтобы объяснить, каким образом ключ мог попасть на середину стола... Не забывайте этого, Холланд! Я все сказал...

После этого неприятного разговора Тэб отправился в Майфилд. Он надеялся найти там Карвера и не ошибся. Однако с первого же взгляда журналист понял, что его другу не удалось открыть ничего нового.

— Булавки разные! — воскликнул он, увидев Тэба.

Обе булавки лежали перед ним на столе: действительно, одна из них была значительно короче другой.

— Случайно обронить булавку можно только один раз... — задумчиво произнес Карвер. — Пойдемте в подвальную комнату, Тэб.

Когда они спустились вниз, Тэб рассказал другу о своем разговоре с издателем. Сыщик выслушал его внимательно и с большим интересом.

— Я почему-то убежден, что мы никогда не обнаружим преступника, — понурился Карвер, заключил Тэб свой рассказ.

Сыщик некоторое время стоял молча, погруженный в свои мысли.

— Я не так мрачно настроен, как вы, Тэб, — заметил он наконец, — но нам предстоит порядочно потрудиться... Да, ваш издатель прав...

Тэб машинально разглядывал коробки на полках, висящих вдоль стен.

— Нигде нет ни малейшего отпечатка пальцев, — заметил сыщик. — Этот негодяй ходит всегда в перчатках... Между прочим, я намерен оставить здесь в доме охрану на день или на два. Хотя мало надежды, чтобы он еще раз вернулся сюда...

Сыщик потушил свет, запер дверь и поднялся с Тэбом в столовую.

— Гм, Броун убит... — с горькой усмешкой сказал он журналисту. — Вальтерс вне подозрений... Единственные люди, на которых может теперь пасть подозрение, это вы и я, — прибавил он и весело рассмеялся.

— Мне это уже приходило в голову, — с улыбкой ответил молодой человек.

Утром Тэб нашел в ящике для писем объемистое послание от Рекса. Оно было из Палермо.

Дорогой Тэб!

Мне надоело путешествовать, и я решил вернуться домой. Посылаю вам в этом письме кольцо. Я купил его здесь по случаю. Оно будто бы принадлежало когда-то самому Цезарю Борджиа. Мне его продали с гарантией, и я заплатил за него довольно дорого. Вам передаст письмо лакей парохода, на котором я приехал и который сегодня уходит обратно.

Прежде чем читать дальше, Тэб внимательно оглядел кольцо: оно было замечательно тонкой художественной работы.

Посланцу моему на чай не давайте, я уже вознаградил его, как и подобает такому Крезу, как я... Совершенно не знаю, что делать с собой по возвращении; конечно, я не поселюсь в этом мрачном Майфилде... Если

вы все еще будете открещиваться от меня, то мне просто придется поселиться в гостинице. Простите, что не написал вам раньше...

*Сердечно вам преданный
Рекс.*

Внизу была приписка:

Если прямой пароход отойдет отсюда в среду, — что еще неизвестно, — то я прямо вернусь домой. Если я вам ничего не напишу, то знайте, что я изменил решение. В Палермо много прекрасных женщин...

За этой припиской следовала вторая:

Приглашаю вас и умнейшего Карвера пообедать со мной в день приезда.

Тэб усмехнулся, спрятал письмо и кольцо в ящик стола и задумался: не пустить ли Рекса в самом деле снова к себе?

Временами он сильно скучал без милого Бэби... Тэб с улыбкой подумал о последней приписке: вероятно, увлечение мисс Эрдферн было давно забыто.

Тэб должен был в этот день пить чай у артистки. Он снова улыбнулся.

Впрочем, лицо его тотчас же помрачнело: дело Трэнсмира начинало тяготить его — ему как журналисту надоело обо всем умалчивать.

Встретившись в этот день с Карвером, он откровенно сказал о том сыщику. Карвер понял его претензии и заявил:

— Теперь вы можете писать о чем хотите, исключая... булавки.

Журналист был в восторге и в самом веселом настроении направился в Централь-отель к мисс Эрдферн.

Молодая женщина встретила его очень ласково. Она протянула обе руки и приветствовала его крепким рукопожатием.

— Какой у вас усталый вид! — воскликнула она. — Точно вы не спали целую неделю! Вы все, вероятно, заняты этим новым убийством?

Она умолкла и стала разливать чай.

— Ведь Броун и есть тот человек, которого вы так старательно разыскивали, не правда ли? Вероятно, о нем и рассказывал И Линг?..

Тэб утвердительно кивнул.

— Несчастный! — с сожалением промолвила мисс Эрдферн. — А этот Вальтерс? Что с ним? Я видела его всего лишь раз, но он мне показался отвратительным!

Она быстро переменяла тему разговора.

— Я получила предложение вернуться на сцену.

— Ах, так... — заметил Тэб.

— Да. Но я отказалась. Я ненавижу сцену. У меня связаны с ней самые тяжелые воспоминания...

Тэб вспомнил о письме, полученном им утром от Рекса.

— Знаете ли вы, что Рекс скоро возвращается? — спросил он. — Вам он больше не писал?

Молодая женщина отрицательно покачала головой. Лицо ее вдруг сделалось серьезным.

— Нет, он не писал мне после того странного письма, — ответила она. — Мне очень его жаль...

Тэб лукаво усмехнулся.

— О, не жалейте его! Этот беспутный малый уже вполне исцелился от своей сердечной раны. Юношеские увлечения никогда не бывают длительными...

— Вы рассуждаете, как седовласый старец! — весело воскликнула девушка. — А вы сами исцелились от своего увлечения?

— Какого? — быстро переспросил молодой человек. — Да, до известной степени...

— Что же вы подразумеваете под «известной степенью»? — спросила, улыбаясь, мисс Эрдферн.

— Я не совсем правильно выразился, — поправился Тэб. — Я хотел сказать: до известного времени...

Их взоры встретились, и артистка первая опустила глаза.

— На вашем месте, господин Тэб, — тихо сказала она, — я бы постаралась забыть о нем: влюбленные ведь бывают подчас решительно несносны...

— Вы находите? — упавшим голосом спросил журналист.

— Я находила это... — уточнила она и тотчас же переменяла разговор: — Любопытно, чем теперь займется ваш Рекс? Он так богат... Я никогда не думала, что Трэнсмир оставит ему все свое состояние: старик часто ворчал на племянника за расточительность и праздность... Или Трэнсмир не оставил завещания и молодой Лендер унаследовал все по закону? Как ближайший родственник покойного?

— Нет, это не так, — ответил Тэб. — Старик оставил собственноручное завещание...

— Ах, вот что! — воскликнула мисс Эрдферн, уронив чашку.

Лицо ее было бледно, как полотно, в глазах светился ужас.

— Повторите то, что вы только что сказали!

— Что именно? — смущенно пробормотал Тэб. — Разве вы об этом не знали?

— О Боже... — прошептала молодая женщина. — О Боже... как это ужасно!

Тэб подошел к ней и участливо спросил:

— В чем дело, Урсула? Вам нехорошо?

Мисс Эрдферн грустно покачала головой

— Пустяки! — ответила она. — Это пройдет... Я сейчас вспомнила... Простите меня!

Она повернулась и выбежала из комнаты.

Тэб был совершенно ошеломлен. Он не знал, что и думать. Так прошло не менее четверти часа.

Наконец молодая женщина снова появилась. Она все еще была бледна, но уже вполне владела собой.

— Мои нервы никуда не годятся, — сказала она с усмешкой, как бы оправдываясь перед гостем.

— Но что вас так потрясло? — спросил Тэб.

— Право, не знаю, — устало ответила она. — Вы говорили о завещании, и я вспомнила все...

— Урсула, вы что-то от меня скрываете, — заметил с упреком молодой человек. — Почему вы так расстроились?

Она снова покачала головой.

— Я говорю вам всю правду, Тэб, — промолвила она, вдруг назвав его по имени.

Молодой человек густо покраснел. Она заметила свою оплошность и сказала:

— Простите, я назвала вас по имени... Старая театральная привычка. Собственно, мне нужно было звать вас так с первого дня нашей встречи... А теперь уходите! Я очень устала... Не возражайте!

— Но...

— Лучше приходите завтра, Тэб.

Глава 24

Над дверью строящегося дома И Линга была прибита дощечка с китайской надписью, в вольном переводе означавшей: «Да отразятся славой ваши поступки на ваших потомках». Вся мудрость Дальнего Востока была заключена в этом кратком изречении.

Несмотря на преклонение перед западной культурой, И Линг строго соблюдал восточные обряды и традиции.

В этот день он сидел на широкой ступени террасы своего нового дома и внимательно следил за постройкой. Китайцы как раз возводили вторую колонну.

И Линг посмотрел на солнце, поднялся и направился к выходу. На траве около дороги стоял маленький черный автомобиль. Китаец сел за руль, но не сразу пустил машину в ход. Он долго еще сидел в глубокой задумчивости.

Уже смеркалось, когда И Линг наконец тронулся в путь и скрылся за поворотом дороги.

Когда он подъехал к ресторану, слуга, встретивший его, сказал:

— Вас ждет дама в зале номер шесть. Она желает вас видеть.

Китаец незачем было спрашивать имя дамы: лишь одна женщина имела право переступить порог зала № 6.

Он прямо прошел туда. Мисс Эрдферн сидела за столом. Перед ней нетронутым стоял остывший обед.

Молодая женщина была бледна как полотно. Под ее прекрасными серыми глазами легли темные круги.

Она быстро взглянула на китайца и опустила глаза.

— И Линг, вы прочли все бумаги, которые взяли в доме? — тихим голосом спросила она.

— Да, многие, — осторожно ответил китаец.

— Прошлой ночью вы сказали мне, что прочли все, — с упреком заметила она. — Значит, вы говорили неправду?

— Бумаг оказалось так много, — смущенно сказал китаец. — А некоторые даже трудно было прочесть...

— Вы нашли в них что-нибудь... касающееся меня? — спросила мисс Эрдферн, понизив голос до едва слышного шепота.

— Есть кое-что и о вас, — ответил китаец. — Большая часть бумаг написана в виде дневника...

Молодая женщина поняла, что И Линг избегает прямого ответа.

— Говорится там что-нибудь о моем отце... или о моей матери? — быстро спросила она.

— Нет, — тотчас же ответил И Линг.

Большие серые глаза молодой женщины испытующе уставились на китайца.

— Вы не хотите сказать мне правду, И Линг, — промолвила она чуть слышным шепотом. — Вы боитесь огорчить меня? Не так ли?..

Китаец не опустил глаза под ее настойчивым взглядом.

— Сударыня, как я могу говорить с вами о бумагах, которые я не прочел или которые я не понял... — промолвил он. — Я не хочу вас обманывать: Ши Со писал о вас. Он говорит, что вы — единственный человек, которому он доверял...

Она окинула его удивленным взглядом.

— Я? Но... — начала она.

— Он говорит также и другое, — перебил ее И Линг. — Я когда-нибудь переведу вам все эти бумаги. Теперь же я решительно недоумеваю, что мне делать...

Китаец задумчиво посмотрел в окно, как бы забыв о присутствии молодой женщины.

— У нас в Китае говорят: «Соломинка, несущаяся в водовороте...» Вот такова и моя душа в этот миг.. Я многим обязан Ши Со. Чем могу я отплатить ему за все? Трэнсмир был жестокий человек, но он умел держать слово. Слово Трэнсмира стоило больше, чем всякие писанные обязательства других. Я как-то обещал ему, что отомщу за него в случае несчастья. И сдержу свое обещание во что бы то ни стало! Я лишь недоумеваю...

Когда И Линг бывал взволнован, ему трудно было находить нужные английские слова.

Мисс Эрдферн ласково посмотрела на него и сказала:

— Я буду терпелива, И Линг! Я знаю, что вы — мой друг...

И Линг улыбнулся.

— Вы простили меня, мисс Эрдферн?

— Конечно! — воскликнула молодая женщина. — А теперь, может быть, вы пришлете мне обед: этот уже совершенно остыл.

И Линг ласково кивнул головой и вышел.

Мисс Эрдферн пообедала одна. Не показался И Линг и тогда, когда она уходила.

Впрочем, когда молодая женщина заворачивала за угол, он был в нескольких шагах от нее, но она его не видела.

Глава 25

Услышав громкий стук в дверь и несколько раз повторенный звонок, Тэб радостно поспешил к двери: так ломиться в квартиру мог один только Рекс.

Широко распахнув дверь, он приветствовал своего друга крепким рукопожатием.

— Вот и я! — весело воскликнул тот, падая в кресло и обмахиваясь шляпой.

Тэбу показалось, что Рекс немного побледнел и осунулся. Впрочем, он по-прежнему весь дышал здоровьем, а добродушное лицо его весело улыбалось.

— Теперь уж вам никак не отделаться от меня! — воскликнул Рекс. — Я не желаю останавливаться в гостинице, когда у вас в квартире есть лишняя кровать. Мне нужно, кроме того, о многом переговорить с вами, старина. О моих планах на будущее...

— Прежде чем мечтать о будущем, вернемся к неприятным вопросам настоящего, мой друг, — возразил Тэб. — Знаете ли вы, что у вас были воры и что они рылись в ваших вещах?

И молодой человек рассказал своему другу подробности ночных посещений таинственного джентльмена в черном. По мере того как он рассказывал, круглое детское лицо Рекса становилось все печальнее.

— Как ужасно! — воскликнул он. — Пострадал ни в чем неповинный Броун. А мы думали, что он убил дядю... А что же говорит ваш гениальный Карвер по поводу всего происшедшего?

— Не смейтесь над Карвером, мой друг, — заметил Тэб. — Это умная голова. Быть может, у него уже и есть некоторые догадки. Но он молчит...

Рекс некоторое время сидел в глубокой задумчивости.

— Придется мне просто замуровать эту подвальную комнату, — проговорил он. — Я уже думал об этом на пароходе.

— А почему бы вам не приказать взломать дверь в подвальную комнату? — предложил Тэб.

Рекс задумчиво покачал головой.

— Я думаю, что придется разрушить этот проклятый дом до основания. Все равно у меня его никто не купит, — промолвил он. — Как вы думаете, Тэб? А на его месте построить новый?.. Хотя я вряд ли поселился бы в нем. Решительно, какое-то проклятье повисло над этим злополучным местом!

— Ого! Да вы стали поэтом, друг мой, — с улыбкой заметил Тэб. — Я вижу, что Италия произвела на вас большое впечатление.

Рекс покраснел, как пион, что с ним случалось всегда, когда он бывал смущен.

— Этот дом отравляет мне существование! — с досадой воскликнул он.

Чтобы переменить разговор, Тэб стал расспрашивать его об Италии. Рекс мгновенно преобразился и с увлечением стал рассказывать о своем путешествии.

— Надеюсь, вы получили мое кольцо? — спросил он Тэба.

— Да, Рекс! И очень благодарен вам за такой чудесный подарок, — ответил Тэб. — Вероятно, оно дорого стоит?

— Пустяки! — беспечно воскликнул Лендер. — Я привык теперь тратить не считая. Знаете, мне иногда даже жутко становится от этого вдруг свалившегося на меня огромного богатства, — прибавил он полушутя, полусерьезно.

Приятели стали обсуждать вопрос о том, где лучше всего поселиться молодому миллионеру. Тэбу удалось наконец уговорить своего друга переехать в гостиницу. Зная характер Рекса, он боялся, что, раз поселившись в его квартире, тот останется в ней навсегда.

Затем разговор снова перешел на недавнее убийство,

— Конечно, лучше всего замуровать эту злополучную подвальную комнату, — сказал в заключение Рекс. — А теперь, старина, раз уж вы гоните меня из своей квартиры, обещайте мне по крайней мере, что часто будете приходить ко мне обедать.

На том друзья расстались. А вскоре Тэб услышал, что Лендер деятельно приступил к перестройке Майфилда.

Одновременно Рекс посетил Карвера, и сыщик потом рассказывал Тэбу, что Лендер с увлечением говорил ему о своей новой затее, толковал обо всех подробностях предполагаемой постройки прямо-таки с детской восторженностью.

— Я хорошо знаю Рекса, — с улыбкой заметил Тэб. — У него время от времени бывают такие увлечения; года три назад, например, он вдруг, вопреки желанию дяди, решил сделаться репортером по уголовным делам и целые дни проводил в библиотеке «Мегафона»... Наши сотрудники даже возненавидели его: какая бы книга ни понадобилась кому-либо из них — она оказывалась у Рекса. Впрочем, его увлечения скоро проходят. Верьте мне, что недели через три Рекс заведет себе удобный гамак и будет валяться в нем с утра до вечера...

В конце недели Тэб получил письмо от мисс Эрдферн.

Я снова в Стон-коттедже. Джентльмен в черном больше не страшит меня. Я взяла себе нового дворецкого: он служил в армии, отлично умеет обращаться с оружием... В саду у меня цветут запоздалые розы; не хотите ли приехать полюбоваться на них?.. Постройка И Линга почти закончена... Как это ни странно, окрестные жители враждебно настроены против этих несчастных китайцев.

Несколько дней назад я была около строящегося храма и видела И Линга. Он внимательно следил за постройкой второй колонны. Она будет называться колонной «Благодарственных воспоминаний» и будет посвящена мне... Какой прекрасный человек И Линг! Как он умеет помнить всякую ничтожную услугу, оказанную ему! Я даже не подозревала о такой его любви ко мне; хотя я часто обедала в его ресторане, он никогда не говорил со мной о прошлом...

Вы будете удивлены: я учусь стрельбе в цель. Мой новый дворецкий — не правда ли, как это важно звучит, — согласился учить меня стрельбе, и я каждый день упражняюсь на лужайке позади дома. В первый день я до смерти перепугалась: я не могла себе представить, что звук выстрела так оглушает, что револьвер так отдаёт, что он такой тяжелый... Тернер — все тот же мой дворецкий — уверяет, что я делаю быстрые успехи и что из меня выйдет отличный стрелок.

Если вы приедете, вас моя стрельба сильно позабавит. Я, конечно, предпочла бы, чтобы Тернер учил меня стрелять из лука: это гораздо изящнее и больше подходит для женщины. После стрельбы руки у меня совершенно черные...

Тэб несколько раз перечел письмо, прежде чем отправиться в Стон-коттедж.

По дороге он остановился, чтобы взглянуть на постройку И Линга, и был поражен своеобразной красотой похожего на пагоду здания, перед которым был разбит сад и цветник. На главной широкой аллее уже высилась одна колонна. Около другой еще хлопотали рабочие.

Вскоре он увидел и самого хозяина, но не сразу узнал его: И Линг был одет в простую синюю рабочую блузу.

— Поздравляю вас, И Линг! — сказал Тэб, подойдя к китайцу и поздоровавшись с ним. — Ваш дом поистине прекрасен!

— Я рад, что вам нравится мое новое жилище, — ответил И Линг своим приятным низким голосом. — Я ведь выписал из Китая лучшего мастера. И внутреннее убранство будет не хуже! Я убежден, что оно вам тоже понравится...

— Я вижу, что осталось возвести лишь вторую колонну, — сказал Тэб.

— Да... — мечтательно проговорил китаец. — Через несколько дней она будет увенчана драконом, и тогда работа будет окончена. — Я чувствую, что в глубине души вы считаете меня дикарем. Не правда ли? И мои колонны кажутся вам, вероятно, очень безобразными?

И Линг редко улыбался, но тут лицо его осветилось добродушной улыбкой.

— О, нет! Помилуйте! Я ни одной минуты этого не думал...

— Вы слишком хорошо воспитаны, чтобы прямо сказать мне об этом, — продолжал китаец с той же улыбкой.

Он вынул из кармана рабочей блузы золотой портсигар и протянул его молодому человеку. Закурив, И Линг медленно, с расстановкой, вновь заговорил:

— Для меня моя колонна «Благодарственных воспоминаний», для вас памятники погибшим на войне — осязаемый символ непреходящего чувства...

— Но ведь вы — язычник? — удивился Тэб.

Китаец пожал плечами.

— Я верю в Бога, — ответил он, — как в высшую силу, не поддающуюся определению. Я верю, что Бог подобен ручью, стекающему с гор и питающему реки и озера... Приходят люди и набирают воду в кувшины; у одних кувшины эти прекрасны, у других безобразны. И каждый стремится убедить вас, что лишь вода из его сосуда утолит вашу жажду. Я предпочитаю пить прямо из ручья, встав на колени и зачерпнув ладонью от ледяной струи...

— Да вы прямо поэт! — воскликнул Тэб, удивленно посмотрев на китайца.

И Линг ничего ему не ответил. И вдруг спросил:

— Вы узнали что-нибудь новое об убийстве Броуна?

— Нет, — ответил молодой человек. — А где он скрывался все это время?

— Он был в курильне опиума, — без всякого смущения тотчас же ответил китаец. — Я завлек его туда по просьбе моего хозяина — Джесса Трэнсмира... Трэнсмир боялся встречи с ним. Из курильни Броун исчез так внезапно, что я не успел помешать ему в этом. Я разыскивал его повсюду, но не нашел. О его смерти я узнал из газет.

Тэб некоторое время сидел в глубокой задумчивости.

— Не знаете ли вы, И Линг, были у него враги? Вы ведь встречались с ним еще в Китае? — спросил он наконец.

— Броуна многие не любили, — откровенно ответил китаец. — Должен сознаться, что я и сам недолюбливал его. Но...

И китаец, усмехнувшись, пожал плечами.

— Значит, вы совершенно не представляете, кто мог его убить? — настаивал журналист.

И Линг посмотрел Тэбу прямо в глаза своим пристальным немигающим взглядом и тихо сказал:

— Напротив! Я знаю, кто убил его!

Тэб, ошеломленный, уставился на своего собеседника.

— Вы не шутите? — спросил он.

— Я говорю совершенно серьезно. Повторяю вам, что я знаю, кто убийца. Я несколько раз был в двух-трех шагах от него, — спокойно ответил И Линг. — Однако по некоторым причинам я не хочу называть его... И в то же время по многим причинам я должен убить его, — прибавил он тихим голосом.

И тотчас же, явно избегая вопросов, китаец спросил:

— Вероятно, вы едете к мисс Эрдферн? Советую вам войти к ней в сад теперь лишь через переднюю калитку: с некоторых пор она обучается стрельбе в цель, и один из моих служащих, которому я приказал следить за ее домом, едва не был убит...

Тэб рассмеялся и протянул руку китайцу.

— Вы — странный человек, И Линг! — воскликнул он. — Я решительно отказываюсь вас понимать.

— Все сыны востока кажутся европейцам загадочными, — с лукавой усмешкой ответил китаец.

Мисс Эрдферн встретила Тэба у дома, радостная и возбужденная.

Она была в простом летнем платье, на золотых волосах ее надета была широкополая соломенная шляпа. Тэбу она показалась прекрасной, как никогда.

— Я сделалась уже опытным стрелком! — весело воскликнула она, когда молодой человек соскочил с мотоциклета. — Должна вам сознаться, что мне очень хотелось напугать вас и выстрелить, когда вы подъезжали.

— Ого! И Линг, по-видимому, прав: вас теперь, пожалуй, и в самом деле следует опасаться! — пошутил журналист.

Они вместе направились к дому, и Тэб, сам не заметив того, взял свою спутницу под руку.

— Мне кажется, что вам легче будет вести мотоциклет обеими руками, — лукаво заметила мисс Эрдферн, высвобождая руку. — Я прежде всего хочу показать вам свой гелиотроп; его нужно было посадить отдельно от других цветов, иначе они все бы погибли. Это варварское растение... Но я еще не спросила, как вы смогли освободиться и приехать? Ведь вы так заняты...

— Я действительно был очень занят, — подтвердил Тэб.

— Все этим же убийством? — спросила артистка.

— Да, — ответил журналист. — Удивительно загадочное дело! Даже у Карвера больше нет надежды найти преступника. А уж на что он опытный сыщик.

— И никаких новых улик? — поинтересовалась мисс Эрдферн.

Тэб, вспомнив о своем обещании Карверу не говорить ничего про находку булавки, ответил не сразу. Впрочем, поразмыслив и решив, что с мисс Эрдферн можно быть откровенным, он сказал:

— Мы нашли только две совершенно новых булавки. Одну — после первого убийства, в подвальном коридоре у двери; другую — после второго убийства, в подвальной комнате, тоже около двери. Обе булавки слегка согнуты.

Молодая женщина удивленно посмотрела на него и задумалась.

— Две булавки... — тихо повторила она. — Как странно! Что же вы думаете о них?

Тэб недоуменно развел руками.

— Убийца — несомненно человек в черном, — уверенно произнесла мисс Эрдферн. — Я внимательно следила за тем, что писалось в газетах: никто другой не мог убить Трэнсмира... Кстати, как смешон этот Скотт! — неожиданно добавила она. — Ведь это он, не правда ли, перепугался до смерти, когда мы с И Лингом вошли в дом за нашими бумагами?.. Вы слышите, я нарочно говорю «нашими»!

— Между прочим, нашел И Линг то, что искал? — спросил журналист.

Мисс Эрдферн утвердительно кивнула головой.

— А то, что вы искали, — также?

Молодая женщина закусила губу и испытующе посмотрела на журналиста.

— Не знаю, — через мгновение ответила она. — Иногда мне кажется, что И Линг что-то нашел, хотя он и уверяет, что в бумагах Трэнсмира не оказалось ничего интересного для меня. Я думаю, что он молчит, щадя меня. Но ничего, когда-нибудь я все узнаю...

Они сидели в тени вековой липы на ослепительно зеленой лужайке. Рука молодой женщины играла свесившейся цветущей веткой.

Тэб осторожно прикоснулся к ней. Мисс Эрдферн не отняла руки.

— Урсула, — едва слышным шепотом сказал Тэб. — Понимаете ли вы, что происходит в душе человека... который любит?

— Мне кажется, да... — после короткого молчания так же тихо ответила она. — А понимаете ли вы, что женщина, изображающая на сцене влюбленную восемь раз в неделю, считая утренние представления в течение многих лет, может в такую минуту разрыдаться?.. Нет... нет... Тернер может увидеть! Не надо!.. Не целуйте меня!

Если бы спросили Тэба, что произошло потом, он не смог бы ответить: он помнил лишь, как прядь золотых волос коснулась его губ, помнил пленительный холодок милой щеки...

— Завтрак подан, барышня, — провозгласил внезапно выросший перед ними дворецкий.

Это был пожилой человек с бесстрастным бритым лицом. Он, казалось, не видел ни Тэба, ни своей госпожи.

— Отлично, Тернер, — ответила молодая женщина.

После того как слуга ушел, она сказала:

— Тэб, я думаю, что мой дворецкий никогда не простит себе того, что поступил на службу к актрисе! Хорошего же он будет мнения обо мне!

— Да, это ужасно! И единственное, что может спасти вас в его глазах, это объявление о нашей помолвке, — с восторженной усмешкой заявил журналист.

Тэб вернулся в город счастливейшим человеком. Придя в редакцию, он засел за длинное письмо своей невесте.

Ночной редактор, заглянув в дверь, решил, что молодой журналист готовит объемистую статью: на столе Тэба лежало уже с полдюжины исписанных листов.

Недоразумение выяснилось позже.

Не удовольствовавшись посланием, Тэб прибавил к нему еще семь страниц постскриптума. На следующее утро погода испортилась: лил дождь, температура упала до двенадцати градусов. Несмотря на это, Тэб с удовольствием отправился бы на мотоциклете в Стон-коттедж, Однако, подавив глубокий вздох, он пошел навестить Рекса.

Лендер тотчас же стал рассказывать ему о своей новой постройке.

— Вы знаете, где я решил построить свой новый дом? — начал он. — Я построю его на холме, поблизости от виллы мисс Эрдферн.

— Конечно, я знаю этот холм, — с усмешкой прервал его Тэб. — Но, увы, он уже занят...

— Вы говорите про И Линга? — пренебрежительным тоном заметил молодой миллионер. — Я перекуплю у него этот участок земли вместе с его дурацким храмом...

Тэб покачал головой.

— Боюсь, что вам едва ли удастся убедить И Линга продать участок, — заметил журналист. — Он не меньше увлечен своей постройкой, чем вы своей.

— Пустяки, — рассмеялся Рекс. — Вы забываете, что я теперь весь состою из кредитных билетов.

— Отнюдь нет, — возразил журналист. — Но я слишком хорошо знаю И Линга...

— Как жаль! — воскликнул Рекс. — Мне так нравится это место! В первый раз я увидел его давно, еще до того, как узнал, кто такая мисс Эрдферн и что она живет рядом. И подумал: «Как хорошо было бы выстроить себе дом на этом холме!» Кстати, как поживает мисс Эрдферн?

Тэб помолчал мгновение и спокойно сказал:

— Она — моя невеста.

Рекс опустил в кресло и долго, ошеломленный, смотрел на своего друга бессмысленным взглядом.

Опомнившись, он вскочил с места, с горячностью пожал руку Тэбу и с преувеличенной восторженностью крикнул:

— Счастливцев! В то время как я путешествовал, вы ухаживали за предметом моей страсти! По этому случаю нужно выпить! Я искренне рад за вас, старина, и желаю вам счастья...

Тэб облегченно вздохнул: он боялся огорчить своего друга.

— Расскажите же мне подробно о своей помолвке! — продолжал Рекс, раскупоривая шампанское. — Конечно, я буду вашим шафером...

Когда друзья выпили по бокалу, Рекс все с той же восторженностью заметил:

— Как жаль, что участок этот занят... Я подарил бы вам свой дом! Да! Это был бы достойный свадебный подарок! Я еще попытаюсь его убедить!

На следующий день Тэб поспешил в Стон-коттедж.

— Я все рассказал Рексу! — воскликнул он, входя к своей невесте.

Улыбка мгновенно исчезла с лица мисс Эрдферн.

— Вы недовольны, Урсула? — смущенно спросил Тэб. — Вы не хотели, чтобы я говорил ему об этом?

— Он был очень огорчен? — быстро спросила мисс Эрдферн.

— Как это ни странно — нет! Он еще слишком юн, чтобы чувствовать глубоко...

Лицо мисс Эрдферн озарилось улыбкой, и Тэб, глядя в ее прекрасные глаза, воскликнул:

— На месте Рекса я возненавидел бы несносного Тэба Холланда!

— Рекс более благоразумен, чем вы думаете! — с улыбкой ответила молодая женщина. — А теперь пойдёмте в сад, мне о многом нужно переговорить с вами. Чем больше я буду откладывать, тем труднее мне будет потом рассказать вам все...

Когда Тэб усадил свою невесту в плетеное кресло, она в упор посмотрела на него и твердым голосом произнесла:

— Тэб! Я убила Джесса Трэнсмира...

Глава 26

— Что?! — воскликнул ошеломленный Тэб.

— Я убила Джесса Трэнсмира, — все так же спокойно повторила мисс Эрдферн. — Я убила его не собственными руками... Однако я ответственна за его смерть в такой же мере, как если бы своими руками убила его...

Тэб смертельно побледнел.

— Что с вами? Я, быть может, напрасно сказала вам это так, без всякой подготовки... — прошептала мисс Эрдферн, схватив молодого человека за руку.

— Объясните мне... я хочу знать все...

— Хорошо. Только успокойтесь, пожалуйста.

Мисс Эрдферн усадила своего жениха в кресло подле себя и тихим голосом сказала:

— Я уже давно собиралась рассказать вам то, что вы сейчас услышите. Вы должны знать все...

Молодая женщина на мгновение умолкла и заговорила вновь:

— Я уже как-то рассказывала вам, Тэб, что когда-то была посудомойкой. Но я не говорила вам, что выросла в сиротском доме... Тэб, моя мать была убита, и отец был казнен за это убийство...

Она печально посмотрела на молодого человека своими глубокими, печальными глазами, и он нежно взял ее руки в свои.

— Я плохо помню свое детство, — продолжала мисс Эрдферн, задумчиво глядя вдаль. — Сейчас у меня перед глазами бесконечно длинный и холодный дортуар, где спали сорок девочек, толстая воспитательница и две строгие няни. Из подслушанного одной из моих товарок разговора воспитательницы и няни я узнала, как умерли мои родители... Со временем я получила место у великосветской дамы. Она тратила тысячи фунтов на благотворительность, но взвешивала каждый съеденный нами кусок... Я служила посудомойкой уже месяца три, когда впервые мне довелось встретиться с Трэнсмиром. Как сейчас помню: был холодный и ветреный день. Одна из горничных велела мне идти тотчас же в гостиную. Помню, что я испугалась Трэнсмира: он был один в комнате и, ничего не говоря, стал разглядывать меня с ног до головы.

Мне было в то время лет двенадцать-тринадцать. Я была тихой и робкой девочкой. Жизнь была для меня настоящим адом... Трэнсмир спросил, хорошо ли я себя чувствую в этом доме, и я сказала ему всю правду. Тогда он предложил мне уехать с ним: вероятно, он уже заранее переговорил обо мне с начальством сиротского дома, ибо никто не возражал против моего ухода.

Трэнсмир поселил меня в маленькой комнатке очень странного дома: весь он сдавался по комнатам толстой и злой хозяйкой. Здесь я познакомилась с бедным в то время И Лингом, он служил в китайском ресторане лакеем... Теперь, после многих лет, хорошо узнав Трэнсмира, я думаю, что настоящим хозяином этого странного дома был он, а толстая женщина была вроде его экономки...

После того как я поселилась в этом доме, я в течение двух месяцев не видела старика. Потом он вдруг явился с сундуком нарядов для меня. Боже мой! Какой счастливой я почувствовала себя в ту минуту! О таком великолепии я не смела и мечтать! Он приказал мне переодеться и быть готовой к определенному часу. Вы можете себе представить, с каким наслаждением я исполнила его приказ...

В назначенный час старик приехал за мной и повез меня в деревню, где я должна была поступить в настоящую, хорошую школу. По дороге он рассказал мне, что слышал обо мне от общих наших знакомых и намерен дать мне хорошее образование и воспитание, чтобы подготовить меня к будущей моей деятельности.

Я была так взволнована всем происшедшим и так благодарна ему за его доброту, что проплакала навзрыд всю дорогу...

Три года, проведенные мною в школе Святой Елены, кажутся мне теперь волшебным сном; после сиротского дома у меня было такое впечатление, что я попала в рай. По окончании курса за мной приехал Трэнсмир, в тот вечер мы устроили любительский спектакль, в котором я играла одну из главных ролей. Этот спектакль и решил мою судьбу: Трэнсмир понял, что из меня может выйти хорошая артистка...

Глава 27

Мисс Эрдферн продолжала свое повествование.

— Странный человек был Трэнсмир. Он не мог жить без бурной деятельности. Он был совладельцем двенадцати модных чайных салонов и каждый день сам приходил проверять счета и забирать выручку. Таким же способом он вошел в компанию с И Лингом. Мне говорили даже, что он был в компании с одним доктором и получал часть его гонорара...

В течение шести месяцев я была его секретаршей в маленькой скромной конторе. Он никогда не приходил раньше пяти часов.

После этого он решил, что я должна поступить на сцену, и устроил мне первый ангажемент в странствующей труппе. Он был и владельцем этого предприятия, так как мне ведено было каждый день посылать ему точные отчеты о выручке. По субботам я платила жалованье артистам и высылала ему остаток.

Когда я вернулась в город, он снял театр, в котором я должна была выступать в главных ролях. Жалованье он мне платил очень маленькое: мне едва хватало его на самое скромное существование. Единственное, что он предложил мне после первых моих крупных успехов, — это часть выручки, когда она превосходила известную сумму.

Тут я должна сказать несколько слов о честности Джесса Трэнсмира: слово его было свято. Мои успехи вскоре превзошли все, даже самые смелые ожидания, и ежедневная выручка почти всегда превосходила назначенную сумму. Старик платил положенную мне долю, это-то и помогало мне сводить концы с концами.

В честности он был подобен китайцам, среди которых провел большую часть жизни. Если вы знакомы с правилами чести, которых придерживаются китайцы, Тэб, то поймете, что это означает. Мне известно, что с И Лингом у него не было писаного контракта. И прибыль в ресторане превзошла все его ожидания... Однако старик всегда щедрой рукой выдавал китайцу его долю.

Самым странным в моей жизни было то, что, несмотря на мои шумные успехи, я продолжала служить у старика секретаршей; каждую ночь, как вам теперь уже известно, после театра я приезжала к нему. Вы можете себе представить, как я уставала. Иногда у меня еле хватало сил, чтобы подняться по лестнице в Майфилд... Но старик не знал жалости: в отношении своих подчиненных он был беспощаден.

Когда я стала знаменитостью и портреты мои начали появляться во всех журналах, он купил мне ларец драгоценностей, о которых вы знаете. Старик сказал, что после его смерти все эти вещи достанутся мне. Но до его смерти драгоценности принадлежали ему, и вот каждый вечер повторялось одно и то же: я приходила обедать в ресторан И Линга, и старик доставал из своего неизменного чемодана ларец. Ночью же, по окончании представления, я должна была отвозить ларец в Майфилд и передавать ему.

Тэб, все время внимательно слушавший это повествование, спросил:

— А говорил вам когда-нибудь Трэнсмир о вашем прошлом, о ваших родителях?

На лице мисс Эрдферн промелькнула горькая улыбка.

— О, да! Старик Трэнсмир был очень откровенен — это было одно из главных его качеств. Он знал о драме моих родителей... Вообще он говорил, что предпочитает иметь дело с людьми, у которых имеются причины что-либо скрывать, — ими легче управлять... Он и мне сказал: «Вы должны будете во всем повиноваться мне. Иначе... Вы, разумеется, не хотели бы прочесть в газетах о преступлении вашего отца?» Но странно, что он никогда не возражал против того, чтобы я называлась моим настоящим именем: ведь Эрдферн не только сценическая моя фамилия...

— Кто же был ваш отец? — осторожно спросил Тэб. Он боялся оскорбить девушку неловким вопросом.

Мисс Эрдферн ласково взглянула на него и ответила:

— Он был актером... И думаю, что он был талантливым актером, пока не стал пить... Он тогда был пьян, когда совершил ужасное убийство. Вот и все, что мне удалось узнать. Но о чем вы так задумались, Тэб?

— Я стараюсь припомнить всех казненных за последние двадцать лет... Не было ли среди них Эрдферна? — задумчиво произнес молодой человек. — Я знаю по имени всех крупных преступников...

Он вдруг вскочил и спросил:

— У вас здесь есть телефон?

Через три минуты он соединился с редакцией и вызвал своего друга Джекса.

— Джекс, мне нужно навести справку! — сказал Тэб. — Не помните ли вы преступника по имени Эрдферн, казненного за убийство лет...

Он посмотрел на сидевшую перед ним девушку и прибавил:

— Лет семнадцать или восемнадцать тому?

— Нет, — последовал тотчас же ответ. — Правда, против одного преступника по имени Эрдферн было возбуждено преследование за убийство, но он скрылся...

— А как было его имя?

Ответ последовал не сразу: видимо, даже «живой справочник» Джекс призадумался.

— Виллард! — вдруг воскликнул он. — Теперь я припомнил...

— А в каком городе было совершено преступление?

В ответ Джеке назвал маленький провинциальный городок, хорошо известный Тэбу.

Молодой человек повесил трубку и повернулся к своей невесте.

— Как звали вашего отца? — спросил он.

— Виллард, — быстро ответила она.

— В таком случае отец ваш не был казнен! — воскликнул Тэб, утирая пот со лба.

Молодая женщина покраснела, но тотчас же краска отлила от ее щек.

— Вы... в этом уверены? — тихим голосом спросила она.

— Совершенно уверен! — твердо сказал молодой человек. — Уж на Джекса можно положиться!.. Ваш отец еще до суда бежал и никогда не возвращался на родину.

— О Боже!.. — прошептала мисс Эрдферн.

Немного оправившись от пережитого волнения, она заговорила вновь:

— Как я ненавидела эти ежедневные передачи ларца с драгоценностями! У меня было уже достаточно сбережений, чтобы купить самой украшения, хотя я не чувствую к ним никакого влечения и отлично могла бы обойтись без них. Но старик и слышать не хотел об этом. Он вообще ни в чем не позволял мне действовать самостоятельно...

Молодая женщина вдруг остановилась и некоторое время сидела в глубокой задумчивости.

— Я недоумеваю, — начала она. — Знал ли старик? Да, несомненно знал... Может быть, он даже встречался с моим отцом в Китае? Так он, очевидно, и узнал о моем существовании... А И Линг? — продолжала она рассуждать вслух. — Знал ли он?.. Конечно, знал!

И вдруг, схватив обеими руками руку своего жениха, мисс Эрдферн воскликнула:

— Тэб, в тот вечер, когда вы явились в мою уборную в театр, я инстинктивно почувствовала, что вам суждено сыграть в моей жизни большую роль! И вот... Я не ошиблась... Но я даже и отдаленно представить себе не могла, насколько эта роль будет велика!

Глава 28

В полицейский участок пришел высокий худощавый человек средних лет. Платье, явно с чужого плеча, сидело на нем мешковато.

— Мне назначил свидание инспектор Карвер, — сказал он робко дежурному чиновнику и протянул свою карточку.

Тот посмотрел на карточку и тотчас же ответил:

— Да. Инспектор Карвер ждет вас.

Карвер окинул посетителя быстрым взглядом и сказал:

— Присядьте, пожалуйста.

— Надеюсь, — начал посетитель, — что не произойдет никаких неприятностей...

— Для вас — нет, — успокоил его сыщик. — Но кое-кого ждет несомненно большая неприятность...

Через полчаса Карвер позвал к себе в кабинет стенографиста. Тот оставался у сыщика три четверти часа.

Вскоре после ухода высокого худощавого человека к Карверу зашел Тэб. Они долго говорили об убийстве в Майфилде. Однако Карвер ни словом не обмолвился о таинственном посетителе.

Позднее сыщик поехал в тюрьму, где содержался Вальтерс, и имел с ним продолжительный разговор.

Затем он поехал к И Лингу. Китаец сидел в своей маленькой гостиной и строчил еженедельное послание своему сыну.

Он отложил в сторону перо и спросил слугу:

— Этот господин пришел один?

— Да, один, — ответил слуга.

— Пусть войдет, — сказал китаец и задумчиво постучал по белоснежным зубам отполированными ногтями.

И Лингу достаточно было взглянуть на Карвера, чтобы понять, что дело об убийстве Трэнсмира и Броуна не разрешится так, как ему хотелось бы...

Инспектор не сразу начал разговор. Закурив предложенную ему хозяином дома сигару, он пошутил над длинным письмом китайца к сыну, справился о здоровье мисс Эрдферн и лишь после этого сказал:

— И Линг, мне кажется, что я нашел убийцу...

Ни один мускул не дрогнул на лице китайца.

— Мне нужно лишь узнать еще кое-какие пустяки, чтобы предать преступника суду.

Карвер умолк и пристально посмотрел на китайца.

— И вы пришли за этим ко мне? — с насмешкой в голосе спросил И Линг.

Карвер покачал головой и улыбнулся. Затем спросил мгновенно изменившимся, резким тоном:

— Где бумаги, взятые вами из Майфилда в ту ночь, когда вы поехали туда с мисс Эрдферн?

Китаец сразу же встал, подошел к маленькому сейфу в углу комнаты и вернулся с толстой пачкой бумаг в руках.

— Они все здесь? — поинтересовался Карвер, окинув собеседника быстрым взглядом.

— Все, кроме двух, — без колебаний ответил китаец. — Одна из них относится к моему соглашению с Трэнсмиром о ресторане... Она у моего адвоката.

— А другая? — допытывался сыщик.

— Другая касается тайны, — торжественным тоном произнес И Линг.

— И да будет вам известно, что я пришел именно за этой бумагой.

— Я догадался, — кивнул головой китаец. — Тем не менее, господин Карвер, я не могу вам ее дать. И если вам уже все известно, то вы догадаетесь, почему я не могу ее дать...

— А мисс Эрдферн знает? — коротко спросил сыщик.

И Линг покачал головой.

— Она единственный человек, который не должен этого знать, — опять торжественно произнес он. — Если бы не она, я показал бы вам бумагу.

Карвер понял, что решение китайца бесповоротно и что он не изменит его.

— Какое значение имеет для вас эта бумага? — в свою очередь спросил китаец. — Ведь вы только что утверждали, что знаете преступника, что вам нужно уточнить сущие пустяки, чтобы передать его суду? Так?

Он бросил на сыщика вызывающий взгляд и продолжил:

— Но вы не знаете самого главного — как было совершено убийство, как преступник вышел из комнаты и как он положил ключ на стол... И я очень рад, что вы не знаете этого... Впрочем, если бы я даже хотел, я был бы бессилён помочь вам: мне тоже ничего не известно об этом.

Было видно, что китаец говорил правду.

Наступило короткое молчание. Первым нарушил его Карвер.

— И Линг! — глядя китайцу прямо в глаза, произнес он. — А вы догадываетесь, кто этот таинственный человек в черном?

— Да, — без всякого колебания ответил И Линг. — Но опять-таки, какое значение могут иметь мои догадки? Я ничего не мог бы подтвердить под присягой.

Китаец тихо рассмеялся. Карвер глубоко вздохнул и встал.

— Вы дьявольски хорошо рассуждаете, И Линг! — сказал он на прощанье своему собеседнику. — Я еще никогда ни с кем не боролся с таким наслаждением!

В тот же вечер И Линг, вообще мало занимавшийся клиентами своего ресторана, особенно внимательно следил за приготовлениями к обеду в зале № 6. Лакеи-итальянцы сбились с ног, не зная, как угодить требовательному хозяину: он несколько раз менял и переставлял цветы, а в последнюю минуту настоял на том, чтобы весь стол был накрыт заново.

На буфете красовался дорогой старинный китайский фарфор, принесенный И Лингом из своих комнат.

Бросив последний взгляд на убранство стола, он позвал к себе метрдотеля и долго заказывал ему обед.

— Сегодня И Линг превзошел себя! — воскликнул Тэб, взглянув на стол.

Молодая женщина улыбнулась и вздрогнула: втайне она надеялась, что И Линг выберет другую комнату.

— Какой стыд! Обедать наедине с молодым человеком! — сказала она, сбрасывая накидку на руки лакея. И с лукавой усмешкой добавила: — Это ужасное происшествие не попадет в газеты?

— Неужели мы так и не увидим И Линга? — спросил Тэб во время обеда.

Мисс Эрдферн покачала головой.

— Он никогда не появляется. При мне он только два раза был в этом зале...

— Но это же неудобно — оставлять нас вдвоем! — шутливо сказал Тэб и любовно посмотрел на руку невесты, где поблескивало подаренное им кольцо.

Мисс Эрдферн весело рассмеялась.

— Я просил Карвера зайти после обеда, но, к сожалению, он занят, — прибавил молодой человек. — Он прислал красноречивое поздравление. Удивительный человек этот Карвер: иногда он становится поэтом...

В тот же миг раздался стук, и дверь тихо отворилась.

— Старина! — вскрикнул Тэб, сделав шаг навстречу своему другу. — Как же ты узнал, что мы здесь?

— Я видел, как вы вошли сюда крадучись, — с укоризненной улыбкой промолвил Рекс. — Разрешите вас поздравить, мисс Эрдферн, и положить к вашим ногам осколки разбитого сердца...

Молодая женщина смущенно рассмеялась этой шутке.

— Нет, я, к сожалению, не могу остаться с вами, — ответил Рекс на приглашение Тэба. — Я спешу на вечер. Кроме того, я угощаю сегодня архитектора. Я положительно помешался на своей новой постройке. Не правда ли, странно: теперь, когда я не нуждаюсь в заработке, я полюбил свое ремесло... И даже прощаю этому чудаку Скотту его причуды... А вы простили меня, мисс Эрдферн? — неожиданно добавил он.

— О, да! — спокойно ответила невеста Тэба. — Я давно уже простила вас.

Ребяческое лицо Рекса расплылось в широкой улыбке.

— Увлечение молодого человека... — начал он и вдруг умолк.

Глаза его были устремлены на зеркало. Он увидел в нем, что дверь в зал медленно открылась и на пороге появилась странная фигура.

Лендер громко вскрикнул и обернулся.

Глава 29

— Боже! И Линг!.. Как вы меня испугали! — Детское лицо Рекса было исполнено ужаса. — И почему вы вошли так неслышно?

— Я пришел узнать, как понравился обед моим дорогим гостям? — тихим голосом сказал китаец.

Руки его были скрыты широкими рукавами просторного халата, на голову был накинута капюшон, ноги обуты в мягкие атласные туфли.

Восточный наряд китаец в зале, обставленном модной мебелью, производил странное впечатление.

— Обед был отменный! — сказал Тэб. — Не правда ли? — повернулся он к своей невесте.

Она, улыбаясь, кивнула головой. На одно мгновение глаза ее встретились с глазами китаец, и на лице ее промелькнула легкая тень.

— Мне пора идти, — внезапно сказал Рекс и неловко пожал руку молодой женщине. — До свидания, старина! Счастливого похитителя чужого счастья!

Он простился со своим другом, кивнул головой китаецу и вышел из комнаты.

— Вам понравилось вино? — спросил И Линг своим тихим, приятным голосом.

— Все было великолепно! — заверила его молодая женщина.

На щеках ее появился румянец.

— Благодарю вас, И Линг! — сказала она. — Вы нам устроили настоящее пиршество... Мы опоздаем в театр, Тэб, — прибавила она, поспешно вставая.

— Какой странный этот И Линг! — заметил Тэб по дороге в «Атенеум».

— Да, временами он мне тоже кажется странным, — коротко ответила мисс Эрдферн.

Через десять минут они сидели в ложе. Урсула внимательно глядела на сцену. Она так увлеклась, что, казалось, забыла обо всем. Еще так недавно она сама играла в этой пьесе...

После первого действия Тэб вышел в коридор покурить. В углу стоял Карвер и внимательно читал свежие спортивные новости.

Увидев своего друга, сыщик знаком подозвал его к себе.

— Тэб! В котором часу вы поедете домой?

— Я провожу мисс Эрдферн в гостиницу после спектакля, — ответил журналист, — а потом...

— Вы никуда не поедете ужинать?

— Нет, — удивленно ответил Тэб. — Но почему вы меня об этом спрашиваете?

— Пустяк! — небрежно сказал сыщик. — В таком случае я буду ждать вас в Централь-отеле. Мне нужно поговорить с вами о моем племяннике... Он во что бы то ни стало хочет сделаться журналистом, и вы можете мне помочь в этом.

Тэб с еще большим изумлением посмотрел на своего друга.

— Несколько недель назад вы говорили мне, что у вас нет родственников, — заметил он.

— С тех пор у меня появился племянник, — улыбнулся Карвер. — Так вы найдете меня в гостинице, — прибавил он.

Тэб не видел более сыщика в театре. Когда он проводил мисс Эрдферн в Централь-отель и готовился выйти на улицу, к нему подошел Карвер и взял его под руку.

— Пойдемте пешком! — предложил он. — Вы мало занимаетесь спортом. Вам нужно побольше двигаться.

— Какой вы сегодня разговорчивый, — заметил Тэб. — Так чего же хочет ваш племянник?

— А разве я говорил вам, что у меня есть племянник? — нисколько не смутясь, ответил Карвер. — Нет, мой друг! Все это вздор! Просто я чувствовал себя страшно одиноким сегодня вечером... У меня было много неприятностей, Тэб, и мне нужен терпеливый слушатель.

Друзья прошли на квартиру Тэба.

Расположившись в удобном мягком кресле и выпив виски, сыщик сказал:

— Дело вот в чем. Я уверен, что с некоторых пор за каждым нашим шагом следят...

— Кто? — быстро спросил Тэб.

— Убийца Трэнсмира, — ответил сыщик. — Как ни стыдно сознаваться в своей трусости, но мне страшно идти домой одному ночью: я чувствую, что наш таинственный «друг» готовит какую-то западню...

— Вы хотите переночевать у меня в квартире? — удивленно спросил Тэб.

Сыщик кивнул головой.

— Я не хотел просить вас о приюте раньше. Мне, право, было совестно... — начал он.

— Чепуха! — воскликнул молодой человек, и брови его сердито сдвинулись. — Вы так боитесь этого убийцы, как и я...

— Не скажите! — заметил сыщик. — Итак, дома я оставаться не могу. Если бы я отправился ночевать в отель, это бы показалось всем подозрительным... И вот я остановил свой выбор на вашей квартире. Что вы на это скажете, Тэб?

— Вечно какие-то причуды, недомолвки... — сердито проворчал журналист. — Хотите устроиться на кровати Рекса?

— Я предпочитаю диван, если вы позволите, — сказал сыщик. — Роскошь развращает людей.

— Если вы ударитесь в философию, то я пойду спать, — предупредил Тэб.

Он пошел в свою спальню, вернулся с одеялом и подушкой и бросил их на диван.

— Я хотел лишь заметить, — сказал ему вслед Карвер, — что вы удивительно хорошо носите фрак. Обычно журналиста легко отличить от порядочного джентльмена. Вы же как будто родились во фраке.

Тэб невольно расхохотался.

— Как вы весело настроены сегодня! — заметил он и отправился в свою спальню.

Через десять минут огонь в соседней комнате потух. Сыщик, по-видимому, улегся.

Тэбу снились счастливые сны: он видел себя со своей невестой в благоухающем саду. Вдруг из-за куста выглянуло желтое лицо И Линга, и Тэб с удивлением увидел, что он уже не в саду, а в имении китайца. С двух сторон возвышались недавно возведенные колонны. Сам хозяин стоял на пороге своего нового дворца в золотом парчовом халате.

В этот миг один за другим раздались два выстрела.

Глава 30

Тэб проснулся.

Через секунду он был уже на ногах и вбежал в гостиную. По сквозному ветру в комнате он понял, что дверь на площадку была открыта.

Тэб протянул руку к выключателю и услышал голос Карвера:

— Не зажигайте свет!

Еще через миг послышался звук захлопнувшейся входной двери.

Карвер метнулся к окну и выглянул на улицу.

— Теперь можете зажечь свет, — сказал он.

На лице сыщика алела царапина, из которой сочилась кровь.

— Ушел... — пробормотал он, прикладывая к ране платок.

Дом проснулся. Везде слышались голоса, шум, хлопанье дверей.

— Проклятая сигара! — воскликнул Карвер. — И надо же мне было закурить не вовремя! Он увидел в темноте огонек и выстрелил. Гм... неплохой стрелок!

Пуля пробила висевшую гравюру. Стекло было разбито вдребезги.

Карвер внимательно осмотрел дыру.

— На этот раз он стрелял из револьвера самого последнего образца, — заметил сыщик. — Уэллингтона он прикончил из допотопного самопала, вроде тех, какими вооружены были китайские солдаты лет пятнадцать назад... Однако, к вам уже стучатся, Тэб. Пойдите и успокойте своих соседей. Джентльмен в черном, по-видимому, позабыл попросить у них извинения за свою неловкость...

Когда Тэб вернулся, Карвер осматривал отверстие, пробитое второй пулей у оконной рамы.
— Вот что нижний жилец нашел сейчас на лестнице!
Тэб протянул сыщику небольшой нож с зеленой рукояткой в лакированных ножнах.
— Подделка под китайский! — заметил Карвер.
Лезвие ножа было отточено, как бритва.
— Я почему-то думал, что он не прибежит к револьверу...
— А теперь, — сказал Тэб, глядя в упор на своего друга, — сознайтесь: вы ожидали этого нападения?
— И да, и нет, — задумчиво ответил сыщик. — Об этом потолкуем когда-нибудь на досуге...
Он посмотрел на часы.
— Два часа! Значит, он пожаловал сюда приблизительно без четверти два. Кстати, не позвонить ли нам к вашему другу? Может быть, джентльмен в черном ошибся дверью? И попытался исправить свою ошибку?
— Да, да! Вы правы, — обеспокоено воскликнул Тэб.
Карвер взял телефонную книжку, отыскал номер отеля, где жил Лендер, и позвонил.
Ему ответили не сразу: по-видимому, швейцар спал. Наконец послышался осипший от сна голос:
— Вы желаете говорить с мистером Лендером?
— Да! — ответил Карвер.
Прошло минут десять, прежде чем Рекс сонным голосом спросил:
— Алло! В чем дело? Кто говорит?
— Я поговорю с ним сам, — сказал Тэб и взял трубку из рук Карвера.
— Это вы, Рекс? — спросил он.
— Да... Тэб. Почему вам вздумалось звонить мне в такой поздний час?
— Нас снова посетил таинственный джентльмен, — ответил журналист.
— Черт возьми!
— Мы с Карвером хотели только узнать, не осчастливил ли он и вас своим посещением?
— Пока нет, — послышался ответ. — И зол же я на вас за то, что вы меня разбудили!
Тэб усмехнулся.
— Заприте на всякий случай вашу дверь! — посоветовал он.
— Хорошо. Я дам вам знать, если что-нибудь случится... Карвер у вас?
— Да, — ответил Тэб.
В это мгновение Карвер подошел к телефону и отнял у Тэба трубку.
— Простите, господин Лендер, что мы потревожили вас. Тэб уже говорил вам, что минут пятнадцать-двадцать назад мы удостоились неожиданной чести. Кстати, в котором же часу это могло быть?
— Без четверти два, я думаю, — сказал Рекс. — Простите, господин инспектор, но я дьявольски хочу спать...
— Доброй ночи, господин Лендер. Спокойного сна!
Карвер повесил трубку и удовлетворенно потер руки.
— Чему же вы смеетесь? — удивленно спросил Тэб.
— Своим собственным мыслям, — ответил Карвер. — По-моему, убийца сделал одну непростительную ошибку...
Рано утром Карвер был уже в Питтс-отеле. Рекс лежал еще в постели.
— И дернуло же Тэба звонить мне ночью! — с гримасой избалованного ребенка сказал он сыщику. — Я совершенно болен, если не выплусь как следует...
— Именно затем я и приехал, чтобы просить у вас прощения, — ответил сыщик. — Мы так беспокоились за вас...
По возвращении от Лендера сыщик долго рассказывал своему другу о необыкновенной пижаме молодого миллионера.
— Вероятно, сегодня вы можете спать спокойно, — заметил он. — Предоставляю вас вашей участи... Впрочем, я бы на вашем месте протянул проволоку между двумя стульями у двери... Как знать? А это отличный сигнал...
— Чепуха! — воскликнул Тэб. — Я уверен, что он не появится сегодня.

Сыщик задумался.

— А какой сегодня день? — спросил он через мгновение.

— Суббота.

— Так! И что вы намерены делать нынче?

— Я поеду за город... с мисс Эрдферн, — краснея, проговорил молодой человек. — Но вечером я вернусь обратно в город.

— Хорошо. Обещайте мне позвонить сразу же после возвращения, — серьезным тоном сказал сыщик. — Обещаете?

Тэб рассмеялся.

— Конечно, позвоню, если вы так настаиваете!

— Великолпно! Но знайте, если вы не позвоните мне, то я буду звонить вам каждые полчаса или час, — пригрозил Карвер. — Если к вам вдруг зайвится Лендер, гоните его: он-то уж ни в коем случае не должен ночевать в этой квартире... — И после краткого молчания сыщик прибавил: — Я бы на вашем месте ничего не рассказывал мисс Эрдферн...

Поездка на автомобиле в Стон-коттедж показалась Тэбу коротким пленительным сном.

Вспомнив предостережение Карвера, он ни словом не обмолвился своей невесте о ночном происшествии. Он рассказал ей лишь о виденном им сне и спросил об И Линге.

— Урсула, вы, кажется, очень уважаете этого китайца? Станный человек, но и мне он нравится. Я чувствую к нему какое-то непонятное влечение...

— О, он вполне заслуживает этого! Как он предан мне! Он даже приставил человека охранять мою виллу. — Мисс Эрдферн улыбнулась застенчиво и ласково. — Я чуть не застрелила этого сторожа... Вероятно, И Линг говорил вам об этом?

Преисполненный нежных чувств, Тэб поднял невесту на руки и понес в сад.

По счастью, Тернер был занят в доме и не видел этой сцены.

Когда стемнело, Тэб с тяжелым вздохом покинул невесту и на велосипеде отправился в обратный путь.

Он приехал домой около десяти часов; по пути его застиг дождь, и он промок до нитки.

Поднявшись к себе, Тэб принял горячую ванну, удобно уселся в кресло и перенесся мыслями в Стон-коттедж. Вдруг зазвенел телефон.

«Это Карвер!» — с усмешкой подумал Тэб, вспомнив об угрозе сыщика. Однако он ошибся: звонил Рекс.

— Это вы, старина? — слышался его веселый мальчишеский голос. — Я сделал замечательное открытие...

— А именно?

— Я узнал, как было совершено убийство.

— Трансмира?

— Да. Я узнал, каким образом убийца вышел из подвальной комнаты. Я был сегодня в Майфилде и совершенно случайно сделал это открытие. Все объясняется чрезвычайно просто. Я теперь знаю, как ключ попал на стол... Вы можете приехать в Майфилд?

— В Майфилд? — удивленно переспросил Тэб.

— Да! Я буду ждать вас у входа. Только не говорите ни звука Карверу.

— Почему? — недоумевая, спросил Тэб.

— Я вам потом объясню. Карвер сам замешан в этом деле...

— Вы с ума сошли, Рекс! — воскликнул Тэб. — Откуда вы говорите?

— Из Майфилда.

— В таком случае я еду сейчас же!.. Этакое дитя! — пробормотал Тэб, схватил дождевик и стремглав выбежал на улицу.

Поднялся сильный ветер. Хлестал косой дождь.

Рекс действительно поджидал его под крытым подъездом дома. Во дворе стоял автомобиль.

— Идемте! — прошептал он. — У меня есть карманный фонарь...

Молодые люди вошли в переднюю.

— В коридоре мы можем зажечь огонь, — снова прошептал Рекс. — Только закройте дверь, чтобы из столовой не было видно света...

Тэб исполнил просьбу друга и повернул выключатель.

В конце коридора он заметил большую кучу кирпичей и сосуд с известью: подвальную комнату уже начали замуровывать.

Рекс перешагнул через кирпичи, вбежал внутрь и крикнул, указывая на стол:

— Вот, чем объясняется тайна ключа!

— Не понимаю! — удивленно сказал Тэб.

— Возьмитесь за углы стола и тяните...

— Но он ведь прикреплен к полу, — недоумевал Тэб.

— Делайте, что я говорю вам! — нетерпеливо крикнул Рекс.

Тэб наклонился над столом и крепко потянул изо всей силы...

Глава 31

Придя в себя, Тэб почувствовал острую боль в затылке. Он сидел, прислоненный спиной к стене. Руки его были в наручниках, ноги связаны.

Он открыл глаза и огляделся вокруг.

Услышав тихий смех, он поднял глаза и увидел Рекса. Молодой человек сидел на краю стола и беспечно курил.

— Вам лучше? — любезно спросил он.

— Что все это должно означать, Рекс? — недоумевая, спросил Тэб.

— Я же обещал, что покажу вам убийцу дяди Джесса, — засмеялся Рекс. — Так вот, он и сидит перед вами. Я убил Трэнсмира... Я также прикончил этого пьяницу Броуна... По правде говоря, я не хотел убивать его, — задумчиво прибавил он. — Этот старый дурак сам виноват в своей смерти: он узнал меня в парке в то время, когда я путешествовал по Италии.

— Как? — удивленно спросил Тэб. — Вы, значит, не уезжали из Лондона?

Рекс покачал головой.

— Я доехал лишь до устья реки. И тотчас же вернулся в город. Письма же и телеграммы посылал за меня мой лакей...

Тэб от удивления не мог произнести ни слова.

— Если бы вы не совали свой нос куда не следует, Тэб, вы были бы теперь богачом... Но вы поступили как свинья: вы похитили у меня самое дорогое, самое заветное — женщину, которую я люблю. Люблю до безумия...

Голос его захрипел от вдруг объявшего его волнения.

Тэбу стало казаться, что перед ним умалишенный.

— Вы думаете, что я сошел с ума? — воскликнул Рекс, как бы угадав его мысль. — Может быть, вы и правы... Но я обожаю ее! Только из-за нее я убил Джесса Трэнсмира! Мне нужны деньги... Много денег!

В то же мгновение Тэбу вспомнились слова молодой женщины: «Я убила Джесса Трэнсмира...»

Неужели и она, и И Линг догадывались о преступлении Лендера?

Рекс метнулся вон из подвала и через минуту вернулся с бумагой и пером. Резким движением придвинув стул, он уселся за стол, Глаза его горели, волосы растрепались: он явно потерял власть над собой,

— Сейчас я напишу полное признание в том, как я убил дядю, Броуна и вас...

Тэб ничего не возразил, он почувствовал, что начинает заражаться этим внезапным безумием.

Рекс торопливо исписывал лист за листом.

— Вот я и кончил! — воскликнул он, отбросив перо. — Я положу его здесь на стол. Когда найдут ваши кости, узнают, от чьей руки и какой смертью вы погибли... О, не бойтесь, я буду тогда уже далеко!..

Рекс снова схватил перо и на последнем листе поставил свою подпись.

— Прекрасно! Что же вы теперь намерены делать, Лендер? — спокойно спросил Тэб.

Рекс улыбнулся.

— Ничего особенного. Я не намерен ни калечить вас, ни причинять вам излишних страданий. Я попросту замурую вас...

Тэб с ужасом посмотрел на своего мучителя.

— Но... — начал он.

— Праздные слова! — перебил его Лендер. — Пусть ваш друг попробует найти вас здесь! Ваш гениальный, ваш пронцательный друг! Он даже не сумел догадаться, что таинственный джентльмен в черном — это я. Я — Рекс Лендер! Этот дурак был так же, как и вы, убежден, что я — в Италии...

— У вас в спальне есть часы? — неожиданно спросил Тэб. — В его душе вдруг забрезжила надежда.

— В моей спальне?.. — удивленно переспросил Рекс. — Есть. А что?

— Ага! — издал торжествующий возглас Тэб. — Он знает больше, чем вы думаете! Теперь я понимаю, почему он спросил у вас в ту ночь, который час... Да, Рекс Лендер, да, таинственный некто в черном, Карвер давно разгадал, кто вы...

— А! Вот как! — гневно крикнул Рекс. — Так вот зачем он приходил сегодня утром ко мне! Ему нужно было проверить: есть ли у меня часы! Что же... Хорошо!

Он зло усмехнулся.

— Во всяком случае он вас не спасет! Ему и в голову не придет, что вы здесь... Прощайте, Тэб! Спасибо за уроки! Без вашей любезной помощи я никогда не изучил бы так хорошо уголовную хронику! Где еще найдешь такой чудесный архив, как архив «Мегафона»! Прощайте!..

Больше он не сказал ни слова. Радостно напевая себе под нос, он вынул из кармана брюк катушку обыкновенных белых ниток, а из жилетного кармана — новую блестящую булавку. Старательно привязав к ней нитку, он воткнул булавку в самую середину стола.

Не переставая напевать, он сильно потянул за нитку. Булавка не шевельнулась.

— Великолепно!

Рекс размотал катушку и надел ключ на нитку. Конец же ее он продел в отверстие для вентилятора.

Тэб не спускал глаз с Лендера.

Выйдя в коридор, Рекс запер замок, просунул ключ в щель под дверь и стал натягивать нить за конец, протернутый сквозь отверстие для вентилятора.

По мере того, как нитка натягивалась, ключ поднимался все выше...

Наконец он стал скользить вниз и, звякнув о булавку, лег посреди стола.

Рекс сильно потянул за нитку, и булавка, соскочив со стола, исчезла в отверстии для вентиляции.

Тайна ключа была выяснена. Тайна двух булавок также.

— Вы видели, Тэб? — весело крикнул из коридора Рекс. — Просто! Не правда ли? А?..

Тэб ничего не ответил.

— Как архитектору мне грош цена! — продолжал Лендер — Но каменщик я неплохой! Сейчас вы сами убедитесь в этом... Этим лентяям — я разумею рабочих — понадобилось бы на это не менее двух дней, а я замурую вас в одну ночь...

Тэб напрягся изо всех сил и попробовал снять наручники. Тщетно!

Из коридора доносилось до него тихое мурлыканье Рекса, стук лопаты и шум падающих кирпичей.

Понемногу Тэб начал овладевать собой. Надо было напрячь все силы и как-нибудь попытаться спастись...

Он попробовал выпрямиться, но не смог: ремень, связывавший его ноги, прикреплен был веревкой к наручникам, защелкнувшим руки.

Тогда он попытался добраться ползком до стола, где лежал ключ. Каждое движение причиняло ему острую, режущую боль...

Изнеможенный, он повалился на пол и, перекатываясь с боку на бок, докатился до полок: он хотел попытаться перерезать веревку о край какой-нибудь из них. Это оказалось невозможным: даже самая нижняя полка была прикреплена слишком высоко.

Во время этого мучительного метания веревка ослабела, и Тэб мог двигаться свободнее.

Он продолжал кататься по полу в надежде еще ослабить веревку.
В это время из коридора послышался голос Рекса:
— Напрасно вы так стараетесь, старина! Вы только зря теряете силы... И ремни, и веревки достаточно крепки...
— Убирайтесь вон! — в бешенстве завопил Тэб. — Гад! Подлый гад!
Лендер тоже пришел в ярость.
— И почему я не убил вас? — крикнул он. — Если бы я мог только войти к вам!
— Да уж теперь вам никак не войти! — злорадно ответил Тэб. — И помните, что вас ожидает виселица... Хотя я не знаю, казнят ли сумасшедших...
— Я не сумасшедший! — со стоном крикнул Рекс. — Вы отлично это знаете... Я не сумасшедший! Я ненавижу вас, счастливый жених!
— А! — заревел вконец взбешенный журналист. — Но Урсулы вам не видать! Не видеть, как своих ушей!
— Посмотрим! — вопил Рекс. — Посмотрим! Я тотчас же еду к ней! Тотчас же, слышите!
Он швырнул лопатку и побежал по коридору.
Сделав последнее, нечеловеческое усилие, Тэб встал на ноги. Они все еще были связаны ремнем, и он мог передвигаться лишь самыми мелкими шагами.
Он добрался до стола, встал на колени, взял в зубы ключ и двинулся к двери.
Однако замочная скважина была так близко от стены, что он не мог вставить в нее ключ, который вдруг выскользнул у него из зубов и упал на пол.
Еще через мгновение Тэб почувствовал в комнате острый запах гари: Рекс поджег Майфилд...

Глава 32

С телефонной станции Карверу ответили:
— По-видимому, в квартире никого нет: никто не отвечает.
Сыщик в замешательстве потер нос и снова взялся за трубку.
Через минуту он разговаривал с мисс Эрдферн.
— Мисс Эрдферн?.. Это Карвер. Простите, что беспокою вас. В котором часу уехал Тэб? В половине девятого? Он пошел в редакцию? Да... По субботам много ночной работы... Не беспокойтесь. Да, он обещал позвонить мне... Но влюбленные ведь все забывают! Если не найду его, то снова позвоню вам...
Карвер посмотрел на часы, покачал головой и позвонил.
Вошел служащий в непромокаемом пальто.
— Позовите несколько дежурных... Всем отправиться в Питтс-отель... По двое останутся у каждого входа... Четверо поднимутся в его комнату. Предупреждаю, он может стрелять.
— А кто он, сэр? — спросил служащий.
— Господин Лендер. Я арестую его за убийство и за подлог, за покушение на убийство и за грабеж... Если его не окажется дома, арестуйте его при входе в отель... Я приду через пять минут.
Карвер снова позвонил на квартиру Тэба и опять не получил ответа.
Вдруг он вспомнил, что Тэб как-то в разговоре назвал ему фамилию нижнего жильца своего дома.
Через минуту сыщик уже говорил с ним.
— Господин Коулинг? Простите, что беспокою вас. Это говорит инспектор Карвер, друг Холланда, вашего соседа... Не знаете ли вы, дома он или нет? Я несколько раз ему звонил... Вы слышали телефонный звонок? Да? Это был я!
— Он вернулся к себе час назад, — послышался ответ. — Потом он разговаривал с кем-то по телефону: не то с Бексом, не то с Вексом — я хорошо не расслышал...
— Да! С Рексом! — воскликнул сыщик. — И после этого он ушел?.. Благодарю вас!
Минуту Карвер сидел в глубоком раздумьи. Затем вскочил и на ходу накинул дождевик.

Люди садились в автомобили, когда он вышел на улицу. Карвер сел в первую машину.

— Неужели я опоздал? — вслух подумал он по дороге.

Сыщики недоуменно переглянулись.

В сопровождении сержанта Карвер вошел в отель.

— Господин Лендер, сэр? — спросил ночной швейцар. — Не знаю, дома ли он... Сейчас позвоню ему.

— Оставьте телефон! — крикнул Карвер. — Я — полицейский инспектор... Сейчас же проводите меня в его комнату!

Комнаты Рекса были пусты.

— Немедленно обыскать все! — приказал сыщик сержанту. — Пусть все остаются на своих постах! Возможно, он вернется поздно...

Карвер прождал полчаса в холле гостиницы. Было время театрального разъезда. К подъезду один за другим подкатывали автомобили, но Рекс Лендер все не возвращался.

К Карверу подошел ночной швейцар, покряхтел, помялся и сказал:

— У меня жена и трое детей, сэр, и я считаю своим долгом кое-что рассказать вам про господина Лендера. Прошлой ночью я сделал ему большое одолжение...

— Прошлой ночью? — насторожился сыщик. — Какое же?

— Он только что вернулся, когда кто-то вызвал его по телефону. Я хотел передать ему трубку, но он отказался и попросил меня не отвечать... пока он не поднимется в свою комнату. Он что-то сказал про какую-то даму, с которой у него будто бы произошла ссора. А так — господин Лендер очень тихий постоялец...

— Да, да... — проворчал сыщик.

В это время с лестницы сбежал один из служащих. Он отозвал Карвера в сторону и протянул ему большой старинный револьвер.

— Мы нашли его в одном из ящиков, — пояснил служащий.

Карвер внимательно осмотрел оружие.

— Я был прав, — сказал он. — Трэнсмир был убит из этого револьвера. Вы ничего не нашли, кроме него?

— Мы нашли еще счет ювелира на сапфировое кольцо, — сказал служащий.

Карвер усмехнулся: кольцо, посланное Тэбу якобы из Рима, было на самом деле куплено здесь же в городе...

Было уже около двенадцати часов, когда Карвера вызвали к телефону из полицейского участка.

— Это вы, Карвер? Майфилд в огне! — послышался голос. — Уже вызвали пожарных!

Карвер бросил трубку, кинулся к двери, вскочил в автомобиль и помчался в Майфилд.

Еще издали он увидел яркое зарево и стиснул зубы: вместе с домом Рекс уничтожал следы своих преступлений...

Автомобиль промчался мимо полуодетых людей, запрудивших улицу. Когда он остановился у Майфилда, крыша дома обрушилась.

Карвер в бешенстве сжал кулаки.

Вдруг кто-то тронул его за рукав. Он оглянулся — перед ним стоял мистер Скотт в насквозь промокшем шелковом халате.

— Мой отец был пожарным, — заплетающимся языком произнес он. — Мы не боимся огня! Он был совершенно пьян.

Глава 33

Комната Эллины помещалась непосредственно над господской спальней.

Страдая от зубной боли, девушка беспокойно переворачивалась с боку на бок. По временам она долго и жалобно стонала.

Услышав эти стоны, мистер Скотт решил, что на следующий день уволит ее.

— Завтра же здесь Эллины больше не будет, — раздраженно заявил он жене.

— Ей выдернули зуб. Она сегодня была у врача, — возразила в полусне миссис Скотт.

— Пойди к ней и дай ей чего-нибудь успокоительного, — проворчал мистер Скотт.

Миссис Скотт что-то невнятно пробормотала, перевернулась на другой бок и заснула.

Скотт отшвырнул одеяло, накинул халат и поднялся наверх.

— Эллина! — завопил он.

— Да, сэр...

— Что с вами?

— Мой зуб, сэр...

— О каком зубе толкуете вы? Ведь он остался у врача! Не будьте же ребенком! Оденьтесь и сойдите в столовую! Я дам вам успокоительного.

Он спустился вниз и вынул из потайного отделения буфета бутылку.

Вскоре появилась и Эллина во фланелевом капоте. Голова ее была обмотана толстым шерстяным платком.

— Выпейте это залпом! — приказал Скотт, протягивая ей стакан. — Это виски.

Эллина взяла стакан, повернула его в руках и сказала:

— Я боюсь... здесь слишком много...

— Пейте! — властно приказал Скотт. — Оно не такое крепкое, как вы думаете.

Для подтверждения своих слов он налил и себе полстакана и залпом выпил.

Эллина последовала его примеру. У нее было такое ощущение, будто в горло ей влили расплавленный свинец.

— О сэр... Что это такое? — задыхаясь, спросила она

— Виски! — восторженно воскликнул мистер Скотт. — Чистое виски.

Сам он, впрочем, тоже не пил чистого виски, и у него сразу зашумело в голове.

— Ну, как же ваша зубная боль? — с торжеством спросил он горничную.

— Почти прошла... — улыбаясь, ответила девушка.

— Сядьте, Эллина, — сказал мистер Скотт, величественным жестом указывая ей на стул.

Девушка глупо улыбнулась и села.

— Я всегда много пил! — заявил Скотт. — Это у нас в роду. Мой отец тоже любил выпить...

Мне нужно по крайней мере три бутылки, чтобы захмелеть...

Отец Скотта, к слову сказать, был скромный баптистский священник.

— Хи-хи-хи! — пьяным смешком залилась Эллина. — А ведь на буфете всего две бутылки...

Скотт посмотрел на буфет.

— На буфете всего одна бутылка, Эллина! — строгим голосом заметил он.

Он снова покосился на буфет и прибавил:

— Впрочем, может быть, вы и правы... — Нет! — закрыв сначала один глаз, а затем другой, окончательно решил он. — Нет... Только одна...

— Две... — пробормотала Эллина.

— Мы — Скотты — отчаянный народ, — внезапно разгорячился мистер Скотт. — Что?!

— Ничего... Я теперь вижу уже три бутылки, — пробормотала Эллина.

— Мой отец был замечательным борцом! — не слушая ее, пробормотал Скотт. — Их три... определенно три... Негодяи! — вдруг вспомнив о Майфилде, крикнул он. — Жаль, что я их не поймал, я бы показал, чего стоит Скотт!

Он быстрыми шагами вышел в переднюю, размашистым жестом открыл дверь и встал на пороге. Эллина покорно поплелась вслед за ним.

— Погодите, мерзавцы! — погрозил Скотт невидимым врагам. — Когда-нибудь я расправлюсь с вами! Погодите!

Вдруг Эллина уцепилась за его рукав.

— В доме кто-то есть, сэр... — прошептала она.

В тот же миг Скотт услышал шум захлопнувшейся двери.

— Кто там?! — громким голосом завопил он.

И быстрыми шагами стал спускаться по лестнице. На последней ступеньке он споткнулся и едва не упал.

— Кто там?! — еще громче заорал он.

Вспомнив, что садовник обычно оставляет свои лопаты около ограды, он стремительно двинулся туда.

— Вы простудитесь, сэр... — предупредила Эллина.

Но мистер Скотт не обратил на ее слова ни малейшего внимания: спотыкаясь на каждом шагу, он продолжал неустрашимо шествовать вперед. Полы его халата развевались от ветра; дождь лил как из ведра.

В тот миг, когда он нагнулся, чтобы поднять лопату, из ворот Майфилда выехал автомобиль.

— Эй! Эй! — заорал Скотт, выбегая на середину улицы. — Остановитесь! Слушайте!

Он грозно потряс в воздухе лопатой.

Автомобиль с гулом проскочил мимо расходившегося толстяка. Крыло машины едва не сшибло его с ног.

— Безобразие! Без огней!.. — проворчал мистер Скотт.

В тот же миг Майфилд вспыхнул. Огненные языки поползли из его окон.

— Пожар!!! — на всю улицу завопил Скотт и, вовсе захмелев, бросился к Майфилду. — Разбив ударом лопаты стекло входной двери, он просунул руку внутрь и открыл ее.

— Пожар! — снова завопил он, вбежав в дом.

Столовая уже пылала. Из открытой двери в подвал послышался слабый голос.

— Спасите!..

Скотт скатился с лестницы в коридор,

— Подождите! Я вам подброшу ключ под дверь... — послышался тот же голос.

Скотт исполнил приказ невидимого человека.

Из подвальной комнаты вышла высокая, согнутая фигура и повелительным тоном приказала:

— Развяжите ремень!

— Дом горит... — пробормотал Скотт.

— Я вижу! Скорее же!

Скотт развязал ремни, и незнакомец выпрямился.

— Теперь возьмите бумаги... там на столе... Я не могу... У меня скованы руки... побыстрее! — отрывистым голосом продолжал он отдавать приказания.

Скотт повиновался. Когда они вышли в подвальный коридор, все огни вдруг потухли. Коридор был полон дыма.

— А теперь — бегом! — скомандовал Тэб и кинулся наверх.

Скотт следовал за ним по пятам, все еще потрясая в воздухе лопатой. У лестницы он остановился. Жара была нестерпимая. Пламя уже охватило верхние ступеньки.

— Бегите скорее вон! Не останавливайтесь! — послышался голос Тэба.

Скотт задышался, его халат уже начал тлеть.

У двери в пылавшую столовую он вновь приостановился. Тэб толкнул его плечом, и он кубарем влетел внутрь. Через мгновение он уже был на воздухе, под проливным дождем.

В это время во двор въезжала первая пожарная машина.

Скотт посмотрел на Тэба, подмигнул ему и сказал:

— Не выпить ли нам чего-нибудь?

Тэб все еще был в наручниках. Окликнув полицейского, он попросил его открыть их своим ключом.

— Пойдемте же выпьем чего-нибудь! — вновь предложил Тэбу мистер Скотт.

В это время у дома остановилась машина Карвера.

— Слава Богу! — воскликнул стремительно выпрыгнувший на мостовую сыщик, узнав Тэба. — Я уже не чаял увидеть вас в живых!

— А теперь скорее в Стон-коттедж! — распорядился Карвер. — Я позвоню в полицию, а вы тем временем позаботьтесь об автомобиле...

Это был бешеный лет: дождь хлестал им в лицо, ветер свистел в ушах.

Садовая калитка Стон-коттеджа была отворена. Тэб первый выскочил из автомобиля и кинулся в сад; у входа его ударила по лицу проволока, протянутая поперек калитки.

Дурное предзнаменование! Входная дверь виллы была отворена.

Молодой человек стремительно взбежал по ступенькам. В передней было пусто. Кругом царствовала мертвая тишина. Откуда-то слышалось лишь слабое тиканье часов.

Тэб чиркнул спичкой и зажег канделябр у зеркала. При слабом свете свеч он увидел на полу опрокинутый стул. Ковер был скомкан. Здесь явно происходила борьба.

Тэб побледнел и пустился бегом вверх по лестнице.

На верхней площадке слабым светом мерцал ночник. Площадка была устлана мягким ковром. У стены стояли два плетеных кресла и маленький столик.

Урсула любила сидеть на этой площадке, у слухового окна, и читать.

И здесь ковер был скомкан. А на голубом диване явственно виднелись кровавые пятна.

Тэб бессильно опустился в кресло и несколько секунд не мог ни пошевелиться, ни закричать.

Наконец он превозмог себя, дошел до спальни и открыл дверь.

Прикрывая рукой огонь свечи, он вошел в комнату.

— Кто там? — послышался с кровати милый сонный голос.

Урсула приподнялась на локте. В руке ее блеснул револьвер.

— Урсула! — прошептал Тэб.

— Тэб!.. Это вы?

Журналистом овладела внезапная немота.

— Тэб, что случилось? — удивленно спросила молодая женщина. — Милый!

Свеча дрожала в руке Тэба. Он вынужден был поставить ее на стол.

— В чем дело, Тэб? — снова спросила Урсула.

Молодой человек безмолвно опустился на колени около кровати и зарыдал.

Глава 34

Рекс Лендер бешено мчался под дождем в своей машине; порой лицо его искажалось злобной торжествующей улыбкой.

Он мчался к ней, к женщине, о которой грезил день и ночь. В течение четырех лет он собирал ее портреты, ходил на все представления, только бы увидеть ее, услышать ее голос...

— Она будет мисс Лендер! Будет во что бы то ни стало! Да, мистер Холланд! — бормотал он.

Лендер снова зло усмехнулся: Тэб, вероятно, уже задохся.

— И зачем я написал это признание! Впрочем, оно, вероятно, превратилось уже в кучу золы...

Машина стремительно неслась в ночь, разбрызгивая грязь...

И все-таки это было сумасшествием!

— Сумасшествием? Как? — Брови Лендера сдвинулись. — Иначе говоря: я сумасшедший? Но почему? Разве желать богатства было нелепостью?.. Разве влюбиться в одну из пленительнейших женщин было нелепостью? Во все времена люди уничтожали друг друга из-за денег и из-за любви...

Темной громадой промелькнула постройка И Линга.

— Нет! Нет! Умалишенные так не поступают!

Подъехав к Стон-коттеджу, Лендер завернул в боковую аллею и спрятал автомобиль... Так сделал он и в ту ночь, когда за ним — таинственным человеком в черном — гнался сыщик.

«Какой же я сумасшедший? — продолжал размышлять он. — Человек, потерявший рассудок, не будет так осторожен. А вдруг?» — мелькнула в голове его страшная мысль.

Лендер содрогнулся и направился к дому.

Раскрыв окно гостиной, он влез в комнату.

Боже правый! Он был в ее гостиной... В этой комнате, где все напоминает о ней, где ощущается еще аромат ее духов...

Он вынул из кармана электрический фонарь и осмотрелся. На рояле стояла хрустальная ваза с розами. Рекс взял самый пышный цветок и воткнул себе в петлицу.

Подумав, что это ее рука поставила цветы в вазу, он нагнулся и поцеловал цветок.

Дверь в переднюю была отворена. Рекс поднялся в верхний этаж.

В этот миг чья-то тяжелая рука опустилась на его плечо и обвилась вокруг шеи. Другая рука зажала ему рот.

Рекс был очень силен. Опомнившись, он легким взмахом приподнял нападавшего. Еще миг, и он бросил бы его на пол. Но тот успел схватить его за ногу,

Рекс попытался вытащить из кармана револьвер, но вдруг почувствовал сильную боль в боку...

— Вы!.. — прошептал он едва слышно, узнав в нападавшем И Линга.

Лендер несколько раз громко кашлянул и затих.

И Линг долго стоял над ним, прислушиваясь. Кругом была полнейшая тишина. Лишь снизу доносилось слабое тиканье часов.

Лендер был мертв.

И Линг вынул из кармана синий шелковый платок и вытер влажный лоб. Взвалив затем мертвое тело на плечи, он с большим трудом снес его с лестницы. У подножия лестницы он вынужден был опустить свою ношу на пол, чтобы перевести дух.

Ночь была темная. Но зоркий глаз китайца явственно различал все предметы.

Не будучи в силах вновь взвалить ношу себе на плечи, он стянул сперва ее вниз с крыльца, а затем протащил по садовой дорожке к калитке. Несколько раз китаец останавливался, чтобы перевести дух.

Положив тело на краю дороги, он отправился за автомобилем Рекса.

Сев за руль, И Линг дал задний ход и подъехал к месту, где лежало тело. Еще нечеловеческое усилие — и труп рухнул в кузов автомобиля.

Китаец облегченно вздохнул, откинулся на спинку сиденья, закурил и, пустив в ход машину, понесся в Шенфорд.

В нескольких десятках ярдов от своего дома И Линг потушил огни. Спрятав автомобиль в кустах у дороги, он снова взвалил на плечи страшную ношу.

Колонна «Благодарственных воспоминаний» была возведена лишь до половины.

Блеснула яркая молния и озарила все кругом.

Подул ветер, послышался гулкий раскат грома.

И Линг привязал тело Рекса к веревке лебедки, подававшей цемент на постройку, и изо всех сил принялся вертеть колесо...

Веревка с жуткой ношей поднималась все выше и выше. Вот уже тело оказалось на уровне недостроенной колонны.

И Линг стал медленно отпускать веревку, и тело начало погружаться во внутренность колонны, в форму, еще не залитую цементом.

Наконец веревка ослабла: тело уперлось в дно.

И Линг разыскал лестницу, приставил ее к колонне и полез на самую верхушку.

Затем он по веревке спустился во внутренность колонны, отвязал тело и полез обратно вверх.

Через мгновение он был уже снова на земле.

Теперь оставалось наполнить форму цементом. Он нашел соответствующую веревку, потянул ее и услышал шум стекающего цемента.

Затем он снова полез вверх по лестнице, захватив лопату. Вся форма была заполнена цементом, который полностью покрыл тело.

Ловко работая лопатой, И Линг пригладил поверхность и, глубоко вздохнув, полез вниз.

Гроза утихла. Но если бы даже она продолжалась всю ночь, И Линг не заметил бы ее. Он присел на подножке автомобиля, мокрый до нитки, с окровавленными руками, и с наслаждением затянулся папиросой.

На дороге показались огни автомобиля. Машина быстро промчалась мимо.

— Нельзя терять времени! — прошептал И Линг.

Он сел за руль и выехал на дорогу. Путь его лежал к реке. Он вылез из машины, оставив мотор работающим. Уже стоя на земле, отпустил тормоза, машина покатила по откосу и с шумом свалилась в воду.

На рассвете И Линг сидел у себя дома в горячей благоухающей ванне и читал китайские поэмы.

— И на лестнице есть кровавые пятна, — заметил Карвер. — И на садовой дорожке... Он посмотрел на Тэба.

— Что же вы думаете обо всем этом? — спросил журналист.

— Ничего не понимаю... — ответил сыщик.

Уже начинал брезжить рассвет; мисс Эрдферн спустилась вниз и стала готовить кофе.

— Вы ничего не слышали ночью, мисс Эрдферн? — спросил ее сыщик.

Она покачала головой.

— Обычно я просыпаюсь от малейшего шороха, — ответила она.

— Лендер был здесь, в этом нет сомнения, — задумчиво заметил сыщик, — шляпа его найдена на дороге, видны еще следы шин от его машины... Но куда он девался? И что означают кровавые пятна?.. А Тернер ничего не слышал? — через мгновение вновь спросил Карвер.

— Нет, — ответила Урсула. — Его комната выходит на лужайку позади дома...

— Теперь мне все ясно, — задумчиво промолвил сыщик. — После рассказа Тэба я понял многое: Рекс в течение многих лет обдумывал преступление. Он, по-видимому, опасался, что Трэнсмир может лишиться его наследства... В то время, как он гостил у старика, он украл у него старый китайский револьвер, чтобы отвести от себя подозрение в будущем убийстве. Мне думается, что он еще что-то присвоил себе тогда...

— Я могу вам даже сказать, что именно, — быстро проговорила девушка. — Он взял из Майфилда бумагу с адресом на заголовке...

— Но откуда вы это знаете? — с удивлением спросил Тэб

Урсула не успела ответить ему, так как и Карвер задал ей неожиданный вопрос:

— А когда вы узнали, мисс Эрдферн, что Рекс — убийца Трэнсмира...

— Я узнала это в тот день, когда Тэб рассказал мне о завещании старика, — спокойно ответила девушка.

— Но почему?! — воскликнул Тэб.

— Потому что старик не умел ни читать, ни писать по-английски, — так же спокойно ответила Урсула.

Сыщик и Тэб удивленно переглянулись.

— Я все время подозревал, что завещание подложное, — заметил Карвер. — Но, позвольте, ведь Лендер получал от своего дяди письма...

— Трэнсмир не писал Лендеру никаких писем, — перебила его Урсула. — Все они написаны самим Лендером. Я даже думаю, что он писал их с определенной целью в случае, если бы возникли какие-либо сомнения в подлинности завещания, он мог бы представить их для сверки подписей... А Трэнсмир скрывал, что он не умеет писать по-английски. Поэтому-то он и взял меня в качестве секретарши. Мне он мог всецело довериться...

— Вы, значит, считаете, что Рекс сам писал себе письма? — спросил пораженный Тэб.

— В этом нет никакого сомнения, — подтвердила Урсула — Вы помните, что я почти упала в обморок, когда вы мне сказали, что Трэнсмир оставил собственноручно написанное завещание... В тот миг я поняла, кто убийца и почему старик был убит.

Карвер потер небритый подбородок.

— Теперь мне все ясно. Лендер хорошо обдумал свой план. Он, вероятно, много раз проделывал фортель с ключом. Убить старика он решил именно в субботу, так как знал, что старик в этот день обычно спускается в подвал и дверь подвальной комнаты будет открыта. Одним словом, все было рассчитано до мельчайших подробностей. Оставалось устранить Вальтерса... Каким-то образом он узнал о его темном прошлом: вероятно, в то время, когда он целыми днями просиживал в библиотеке «Мегафона» и изучал уголовные преступления...

— Вероятно, — подтвердил Тэб.

— И вот он посылает Вальтерсу телеграмму, — продолжал сыщик. — Сам прячется где-то поблизости и ждет до тех пор, пока испуганный лакей не появляется в дверях. Тогда он открывает калитку и спускается в подвал. Далее следует то, что вам уже известно: выстрел в спину и хитрая проделка с ключом...

— Хотел бы я знать, где он теперь, — промолвил Тэб.
Однако единственный человек, который мог ответить на его вопрос, спал в этот час мирным сном на узкой и жесткой кровати...

Глава 35

Дорогая мисс Эрдферн!

В понедельник я справляю новоселье и буду очень рад видеть Вас среди милых моих гостей. Очень прошу Вас передать мое приглашение господину Холланду и господину Карверу. Надеюсь, что они также согласятся быть моими гостями...

Урсула тотчас же ответила И Лингу согласием на его любезное приглашение и поблагодарила за себя и за своего жениха.

Новоселье вышло очень удачным. Среди гостей был и мистер Скотт, которого Тэб представил своей невесте.

Урсула приветливо улыбнулась тучному человеку.

— Как благодарить вас, мистер Скотт! — воскликнула она. — Тэб рассказал мне все... Ваша храбрость прямо изумительна!

Скотт просиял.

— В городе уже говорят о том, что меня хотят представить к медали... — заявил он, потупив глаза. — Но я делаю все возможное, чтобы избавиться от этой чести. Я ненавижу, когда поднимают шум из-за пустяков. Все Скотты всегда избегали шума и рекламы. Мой отец, например, мог бы быть епископом... Ему даже предлагали епархию...

И Линг повел своих гостей по всему дому: чудеса востока, с любовью собранные в течение многих лет, красовались повсюду.

Урсула чувствовала себя бесконечно счастливой: она восхищалась восточным убранством комнат и изящными безделушками.

— И Линг, — спросила она, воспользовавшись минутой, когда они остались одни, — где Лендер?

Китаец покачал головой.

— Не знаю...

— Вы думаете, он скрылся за границу?

— Едва ли, — ответил И Линг.

— Но вы знаете, где он? — вновь спросила молодая женщина и испытующе посмотрела на китайца.

— Могу лишь уверить вас, мисс Эрдферн, — ответил И Линг, обмахивая ее чудесным веером, — что я не видел лица Лендера с того вечера, как он появился в «Золотой крыше»...

Минуту она сидела в глубокой задумчивости и вдруг спросила:

— Кто был Уэллингтон Броун?

— Сударыня, — ответил И Линг, — он умер. И хорошо, что он умер так. Это все-таки лучше, чем умереть на плахе... Как вы думали до сих пор...

Она закрыла рукой глаза и несколько раз печально кивнула головой.

— Мы, китайцы, многое прощаем своим отцам, — промолвил И Линг и бесшумно отошел от нее.

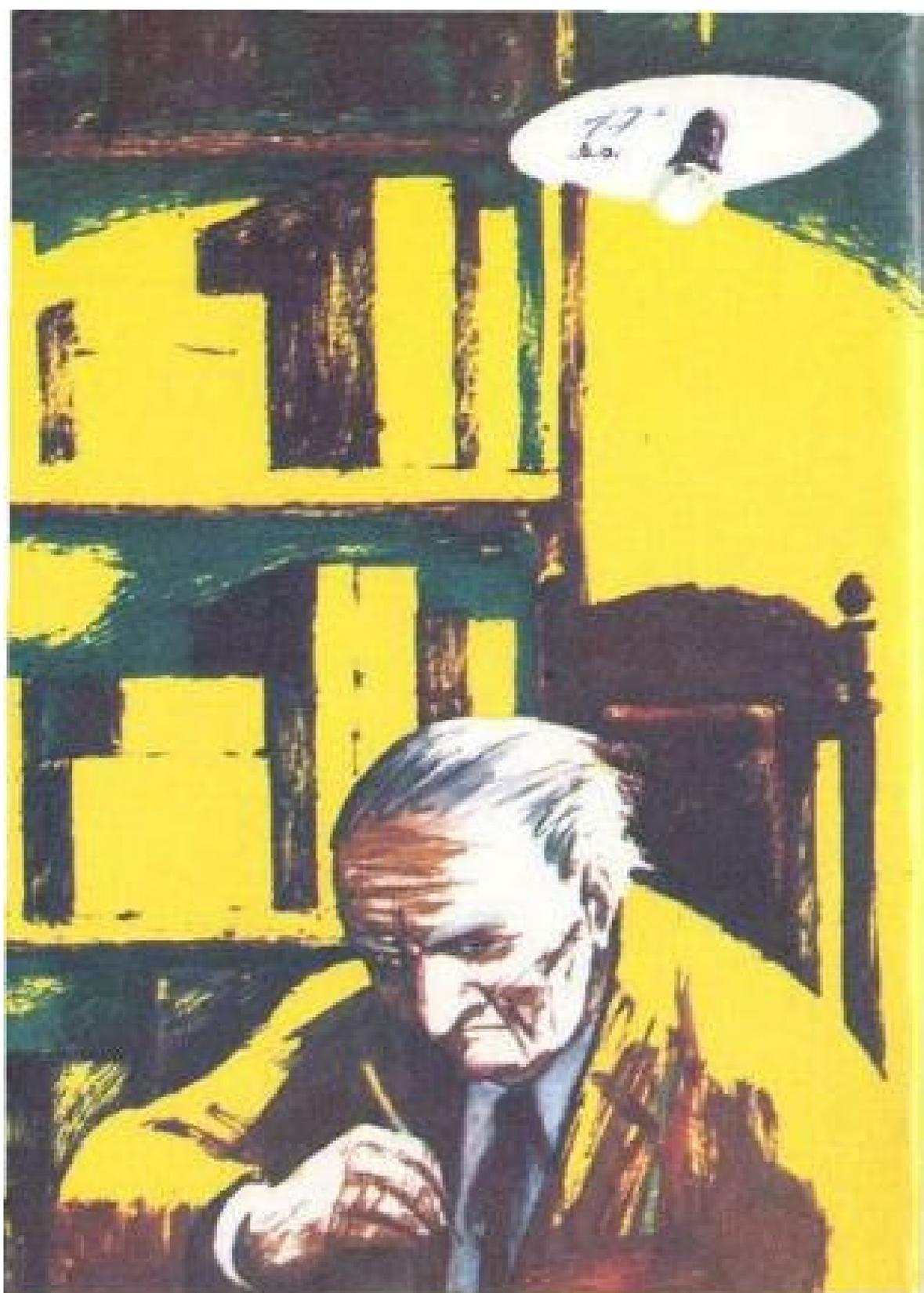
После осмотра дома И Линг повел гостей в сад. В конце усыпанной гравием широкой аллеи гордо возвышались столь милые его сердцу увенчанные драконами колонны.

— Какая замечательная работа, — восторженно заявил Скотт, глядя вверх. — Сколько на них положено труда!

— В особенности на одну, — спокойно заметил китаец, обмахиваясь веером, — на колонну «Благодарственных воспоминаний». В бурную ночь, во время грозы какой-то прохожий нечаянно, вероятно, выпустил в форму цемент... Мой главный мастер думал даже, что она не устоит. Но видите... Он ошибся...

И Линг умолк на мгновение, обвел взглядом своих гостей и заключил:

— Я посвятил колонну «Благодарственных воспоминаний» всем сделавшим мне когда-либо в жизни добро: старому Ши Со, вам, мисс Эрдферн, всем богам востока и запада... Всем, кто любит и кто любим...

ДЕТЕКТИВ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА